

Айрис Мёрдок

Iris Murdoch

Под сетью

Бегство от волшебника

Библиотека классики (АСТ)

Айрис Мердок

Под сетью. Бегство от волшебника

«Издательство АСТ»

1954, 1956

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Мердок А.

Под сетью. Бегство от волшебника / А. Мердок — «Издательство АСТ», 1954, 1956 — (Библиотека классики (АСТ))

ISBN 978-5-17-156433-9

Роман «Под сетью», дебют Мердок в художественной литературе, является одним из самых известных ее произведений, которое остается по-прежнему современным благодаря образу главного героя Джейка Донагью. Переводчик и прозаик Джейк умен, ироничен, талантлив, но при этом ленив и обладает удивительным свойством просто плыть по течению жизни, не столько не умея, сколько попросту не желая бороться с судьбой. Ему совершенно все равно, как зарабатывать на жизнь – дешевой ли литературной поденщиной, тяжелым ли трудом санитаря в больнице. Максимум, которым он готов озадачиться, – поиски недорогой квартиры. Однако неожиданная встреча с молодой женщиной по имени Анна Квентин становится для Джейка судьбоносной – его жизнь начинает опутываться сетью поразительных событий, принимающих все более неожиданный, почти сюрреалистический оборот... «Бегство от волшебника». Миша Фокс – неординарный человек, не то вообразивший себя магом, которому нравится играть людскими судьбами, не то на самом деле обладающий некой мистической властью над человеческими душами. Окружающие не в силах избавиться от его влияния и покорно повинуются всем манипуляциям, ведь стоит Фоксу коснуться одной из нитей, как в движение приходит весь кукольный театр живых марионеток. Но так ли все это в действительности? Возможно, Миша Фокс – всего лишь удобный повод не контролировать собственную жизнь, опустить руки и плыть по течению? Возможно, зачарованные им люди придумали своего «волшебника»?

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-156433-9

© Мердок А., 1954, 1956

© Издательство АСТ, 1954, 1956

Содержание

Под сетью	7
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	50
Глава 7	57
Глава 8	61
Глава 9	68
Глава 10	71
Глава 11	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Айрис Мёрдок

Под сетью. Бегство от волшебника

Iris Murdoch
UNDER THE NET
THE FLIGHT FROM THE ENCHANTER

© Iris Murdoch, 1954, 1956
© Перевод. М. Лорие, наследники, 2023
© Перевод. И. Трудюлова, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Под сетью

*Все сплошь до конца – потери:
Погоня твоя – за зверем!
В любви изменили все,
Никто не остался верен.
И войны твои – впустую.
Одно хорошо – все мигает
И старому веку на смену
Увидим пору иную.*

*Драйден
«Светская маска»*

Глава 1

Финн ждал меня на углу, и при виде его я сразу понял, что дело неладно. Обычно Финн ждет меня в постели или прислонившись к дверному косяку и закрыв глаза. К тому же меня задержала забастовка. Я и всегда-то ненавижу обратный путь в Англию и бываю безутешен до тех пор, пока мне не удастся уйти с головой в любимый Лондон и я уже не помню, что уезжал. А тут можете себе представить, как мне было весело, когда пришлось болтаться без дела в Ньюхейвене, дожидаясь, пока опять пойдут поезда, а из ноздрей у меня еще не выветрился запах Франции. В довершение всего коньяк, который я всегда провожу благополучно, отобрали на таможне, так что, когда закрылись рестораны, я оказался целиком во власти мучительного болезненного самоанализа. Бодрящей объективности отрешенного созерцания человек моего склада не способен достигнуть в незнакомом английском городе, даже когда ему не нужно вдобавок тревожиться о поездах. Поезда вообще не полезны для нервов. Про что людям снились кошмары, когда еще не было поездов? По всем этим причинам, вместе взятым, мне не понравилось, что Финн ждет меня на улице.

Увидев Финна, я сейчас же остановился и поставил чемоданы на землю. Они были набиты французскими книгами и очень тяжелые. Я крикнул: «Эй!» – и Финн медленно двинулся ко мне. Финн никогда не торопится. Мне трудно бывает объяснить наши с ним отношения. Нельзя сказать, чтобы он был мой слуга. Зачастую его скорее можно назвать моим импресарио. Иногда я его содержу, иногда он меня – смотря по обстоятельствам. В общем, всякому ясно, что он мне неровня. Его имя – Питер О’Финни, но это нестрашно, все зовут его просто Финн, и он приходится мне каким-то дальним родственником – так, по крайней мере, он утверждает, а мне лень проверять. Но у людей всегда создается впечатление, что он мой слуга, у меня и у самого бывает такое впечатление, хотя объяснить, почему это так, я бы не взялся. Иногда я приписываю это тому, что Финн – смиренное существо, что он как-то невольно остается в тени и играет вторую скрипку. Если нам не хватает кроватей, на полу всегда спит Финн, и это кажется вполне в порядке вещей. Правда, я вечно даю Финну распоряжения, но только оттого, что сам он, по-моему, не умеет придумывать, чем заняться. Некоторые мои знакомые считают, что у Финна не все дома, но это неверно: он отлично соображает, что к чему.

Когда Финн подошел наконец ко мне, я указал ему на один из чемоданов, но он его не поднял. Вместо этого он сел на него и обратил на меня взгляд, полный печали. Я сел на второй чемодан, и некоторое время мы сидели молча. Я устал, мне не хотелось расспрашивать Финна – подожду, пока сам расскажет. Он обожает неприятности, все равно, свои или чужие,

и особенное удовольствие ему доставляет сообщать дурные вести. Финн довольно красив – долговзлой, меланхолической красотой; у него длинные, прямые, темные волосы и костлявое ирландское лицо. Он на голову выше меня (я невысок ростом), но немного сутулится. От его скорбного взгляда у меня упало сердце.

– Что случилось? – спросил я наконец.

– Она нас гонит с квартиры, – отвечал Финн.

Принять это всерьез было невозможно.

– Перестань, – сказал я ласково. – Кроме шуток, что это значит?

– Велит нам выметаться, – сказал Финн. – Обоим. Сегодня. Сейчас же.

Финн любит каркать, но он никогда не лжет, даже не преувеличивает. Однако я все еще отказывался верить.

– Но почему? Что мы такого сделали?

– Мы-то ничего не сделали, а вот она хочет кое-что сделать. Решила выйти замуж.

Это был удар. Я дрогнул, но тут же сказал себе: а почему бы и нет? Я справедлив и терпим.

И в следующую минуту я уже прикидывал, куда нам податься.

– Но она мне ничего не говорила, – сказал я.

– Ты не спрашивал.

Это была правда. За последнее время личная жизнь Магдален перестала меня интересовать. Если она вздумала обручиться с другим мужчиной, винить в этом я мог только себя.

– Кто он? – спросил я.

– Какой-то букмекер.

– Богатый?

– Да, у него своя машина.

Это был критерий Финна, а в то время, пожалуй, и мой тоже.

– От этих женщин можно заболеть, – сказал Финн. Съезжать с квартиры улыбалось ему не больше, чем мне.

Я опять помолчал, ощущая тупую физическую боль, в которой ревность и уязвленное самолюбие мешались с горьким чувством бездомности. Вот мы пыльным, жарким июльским утром сидим на Эрлс-Корт-роуд на двух чемоданах, и куда нам теперь деваться? Так бывало всегда. Стоило мне с великим трудом навести порядок в своей вселенной и начать в ней жить, как она взрывалась, снова рассыпаясь вдребезги, и мы с Финном повисали в воздухе. Я говорю «моя» вселенная, а не «наша», потому что порой мне кажется, что внутренняя жизнь у Финна очень небогатая. Сказано это отнюдь не в обиду ему – у одних она богатая, у других нет. Я это связываю с его правдивостью. Люди с тонкой душевной организацией, вроде меня, слишком многое видят и потому никогда не могут дать прямой ответ. Разные стороны вопроса – вот это всегда меня терзало. И еще я связываю это с его умением объективно констатировать факты, когда тебе это меньше всего нужно – как яркий свет при головной боли. Возможно, впрочем, что Финн тоскует без внутренней жизни и потому прилепился ко мне – у меня-то внутренняя жизнь очень сложная и многогранная. Как бы там ни было, я считаю Финна обитателем моей вселенной и не могу вообразить, что у него есть своя, где обитаю я; такое положение, видимо, вполне приемлемо для нас обоих.

До открытия ресторанов оставалось еще больше двух часов, а сразу встретиться с Магдален мне было страшновато. Она, конечно, ждала, что я устрою сцену, я же не чувствовал в себе для этого достаточно энергии, да и не представлял себе, какую сцену следовало устроить. Это еще нужно было обдумать. Выставить человека за дверь – лучший способ заставить его поразмыслить над тем, что осталось по ту сторону двери. Мне нужно было время, чтобы попытаться определить свой статус.

– Хочешь, выпьем кофе у Лайонса? – с надеждой спросил я Финна.

– Не хочу, – ответил Финн. – Хватит с меня того, что я тебя ждал, а она надо мной измывалась. Ступай поговори с ней. – И он пошел вперед. Финн обозначает людей не иначе как местоимениями или окликаками. Я поплелся за ним, стараясь выяснить, что же я собой представляю.

Магдален жила на Эрлс-Корт-роуд, в одном из этих отвратных домов-тяжеловесов. Она занимала верхнюю половину дома; там прожил и я больше полутора лет, и Финн тоже. Мы с Финном жили на четвертом этаже, в лабиринте мансард, а Магдален – на третьем (это, впрочем, не значит, что мы не виделись часто и подолгу, особенно вначале). Я уже стал привыкать к тому, что здесь я у себя дома. К Магдален иногда приходили знакомые мужчины, я ничего не имел против и ни о чем не расспрашивал. Мне это даже нравилось, потому что у меня тогда оставалось больше времени для работы, или, вернее, для туманных и бесприбыльных размышлений, которые я люблю больше всего на свете. Мы жили уютно, как две половинки грецкого ореха в одной скорлупе. Мало того, я почти ничего не платил за квартиру, а это тоже плюс. Ничто меня так не раздражает, как платить за квартиру.

Нужно пояснить, что Магдален – машинистка в Сити, или, вернее, была, когда началась рассказанная здесь история. Однако это не самая характерная ее черта. Главное ее занятие – быть самой собой, и на это она тратит бездну времени и ухищрений. Свои усилия она направляет по линии, подсказанной дамскими журналами и кино, и если ей, несмотря на прилежное изучение самых модных канонов обольстительности, не удалось окончательно себя обезличить, то объясняется это лишь каким-то не иссякающим в ней ключом врожденной живучести. Красивой ее назвать нельзя – это определение я употребляю скупое; но она миловидна и привлекательна. Ее миловидность – это правильные черты и превосходный цвет лица, который она прикрывает маской персикового грима, так что все лицо становится гладким и невыразительным, как алебастр. Ее завитые волосы всегда уложены по той моде, какая на данный день объявлена самой последней. Они выкрашены в цвет золота. Женщины воображают, что красота – это наибольшее приближение к некоей гармоничной норме. Они не делают себя неразлично похожими только потому, что у них нет на это времени, денег и технических возможностей. Кинозвезд, у которых все это есть, и в самом деле не отличишь одну от другой. Привлекательность Магдален – в ее глазах и в живости выражения и повадки. Глаза – единственное в лице, чего никак не скроешь; во всяком случае, такого средства еще не изобрели. Глаза, как известно, зеркало души; их нельзя закрасить или хотя бы побрызгать золотой пылью. У Магдален глаза большие, серые, миндалевидные и блестят, как камушки под дождем. Время от времени она зарабатывает уйму денег – не машинкой, а позируя фотографам; она вполне соответствует хотя бы представлению о хорошенькой молодой женщине.

Когда мы явились, Магдален принимала ванну. Мы прошли в ее гостиную, которой электрический камин, кучки нейлоновых чулок и шелкового белья и запах пудры придавали необыкновенный уют. Финн плюхнулся на неубранную тахту, что строго запрещалось. Я подошел к двери ванной и крикнул:

– Мэдж!

Плеск прекратился, она сказала:

– Это ты, Джейк?

Бачок гудел как проклятый.

– Ну конечно, я. Послушай, в чем дело?

– Я не слышу, – сказала Магдален. – Подожди минутку.

– В чем дело? – снова прокричал я. – Ты что, правда выходишь за какого-то букмекера?

Как ты могла не посоветоваться со мной?

Я чувствовал, что устроил вполне сносную сцену. Я даже ударил в дверь ванной кулаком.

– Ничего не слышу, – сказала Мэдж. Это была ложь – она хотела выиграть время. – Джейк, миленький, поставь чайник, мы попьем кофе. Я сию минуту выйду.

Из ванной Магдален выплыла на волне теплого, надушенного воздуха, как раз когда я заваривал кофе, и сейчас же юркнула к себе – одеваться. Финн поспешно встал с тахты. Мы закурили и стали ждать. Прошло еще немало времени, и вот Магдален появилась во всей красе и стала передо мной. Я смотрел на нее изумленный. Во всем ее облике произошла разительная перемена. На ней было облегающее шелковое платье дорогого и затейливого фасона и много драгоценностей, по виду не дешевых. Даже выражение ее лица как будто стало другим. Только тут я до конца понял, что сообщил мне Финн. Пока мы шли к дому, я был слишком поглощен собой, чтобы задуматься о том, как глупа и нелепа затея Мэдж. Теперь эта затея явилась мне в денежном выражении. Да, такого я не ожидал. Раньше Мэдж общалась со скучными, но гуманными дельцами, либо со служащими, тяготеющими к богеме, либо, на худой конец, с литературными поденщиками вроде меня. Какой же диковинный изъясн в процессе расслоения общества свел ее с женщиной, который мог вдохновить ее на такие туалеты? Я медленно обошел вокруг нее, внимательно приглядываясь.

– По-твоему, я что, памятник Альберту? – сказала Магдален.

– Ну что ты, с такими-то глазами! – И я заглянул в их крапчатую глубину.

Тут меня пронзила непривычная боль, и я отвернулся. Нужно было лучше за ней следить. Метаморфоза, конечно же, подготовлялась уже давно, только я-то по своей тупости ничего не заметил. Такую женщину, как Магдален, не переделаешь за одни сутки. Кто-то тут поработал на совесть.

Мэдж с любопытством на меня посматривала.

– Что с тобой? – спросила она. – Ты болен?

Я вслух повторил свою мысль:

– Мэдж, я плохо о тебе заботился.

– Ты совсем обо мне не заботился, – сказала Магдален. – Теперь этим займется другой.

Смех ее звучал язвительно, но глаза были смущенные, и я уже готов был даже сейчас, на такой поздней стадии, сделать ей опрометчивое предложение. В странном свете, внезапно озарившем нашу прошлую дружбу, я увидел что-то, не замеченное раньше, и попытался мгновенно постичь, почему Магдален мне нужна. Но я тут же перевел дух и последовал своему давнишнему правилу – никогда не говорить с женщиной откровенно в минуты волнения. Ничего хорошего из этого не получается. Не в моей натуре брать на себя ответственность за других. Мне и со своими-то затруднениями дай бог справиться. Опасная минута миновала, сигнал выключили, блеск в глазах Магдален погас, и она сказала:

– Налей мне кофе.

Я налил.

– Так вот, Джейки, – сказала она, – теперь ты понимаешь. Я прошу тебя забрать отсюда свое добро как можно скорее, хорошо бы сегодня. Все твои вещи я снесла к тебе в комнату.

И верно. Разнообразное мое имущество, обычно украшавшее гостиную, исчезло. Я почувствовал, что уже не живу здесь.

– Нет, не понимаю, – сказал я, – и очень прошу тебя, объясни.

– Увози все, – сказала Магдален. – За такси я могу заплатить. – Теперь она была совершенно спокойна.

– Будь человеком, Мэдж. – Я уже снова тревожился о себе, и от этого мне стало много легче. – Почему я не могу по-прежнему жить наверху? Я ведь не помешаю. – Но я и сам понимал, что это не годится.

– Ох, Джейк! – сказала Мэдж. – Ты просто болван.

Это были самые ласковые слова, которые я пока от нее услышал. Мы оба немного оттаили.

Все это время Финн стоял, прислонившись к косяку и разглядывая какую-то точку в пространстве. Слушает он или нет, было непонятно.

– Ушли его куда-нибудь, – сказала Магдален. – От него дрожь пробирает.

– Куда я могу его услать? Куда нам с ним идти? Ты же знаешь, что у меня нет денег.

Это было не совсем так, но из осторожности я всегда притворяюсь, будто у меня нет ни гроша – такое впечатление обо мне может когда-нибудь и пригодиться.

– Вы взрослые люди, – сказала Магдален. – По крайней мере, числитесь взрослыми. Можете решить сами.

Я глянул в сонные глаза Финна.

– Что будем делать?

Финна иногда осеняют удачные идеи, да и подумать у него было больше времени, чем у меня.

– Поедем к Дэйву, – сказал он.

Я не нашел что возразить, поэтому сказал: «Ладно» – и тут же заорал ему вслед: «Возьми чемоданы!», потому что он стрелой ринулся к двери. Иногда мне кажется, что Финн недолюбливает Магдален. Он вернулся, взял один из чемоданов и исчез.

Мы с Магдален посмотрели друг на друга, как боксеры перед началом второго раунда.

– Послушай, Мэдж, – сказал я, – не можешь ты меня выселить вот так, ни с того ни с сего.

– Ты и вселился ни с того ни с сего, – сказала Мэдж.

Это была правда. Я вздохнул.

– Поди сюда, – и я протянул ей руку. Она дала мне свою, но рука была неподатливая и безответная, как вилка, и очень скоро я ее выпустил.

– Не устраивай сцен, Джейки, – сказала Мэдж.

В ту минуту я не мог бы устроить никакой, даже малюсенькой, сцены. Я почувствовал слабость и прилег на тахту.

– Так-так, – сказал я мягко. – Значит, ты меня выгоняешь, и притом ради человека, который наживаете на чужих пороках.

– Все мы наживаемся на чужих пороках, – сказала Мэдж, напустив на себя ультрасовременный цинизм, что ей очень не шло. – И я и ты, а ты еще используешь даже худшие пороки, чем он. – Это относилось к тому разряду книг, какие я время от времени переводил.

– Кто хоть он есть? – спросил я.

Мэдж заранее пыталась прочесть на моем лице, какое впечатление произведет ее ответ.

– Его фамилия Старфилд, – сказала она. – Возможно, ты о нем слышал. – В глазах ее сверкнуло бесстыдное торжество.

Я напряг мускулы лица, чтобы лишить его всякого выражения. Вот оно что – Старфилд, Сэмюел Старфилд, Святой Сэмми, король букмекеров. Сказать про него «какой-то букмекер» было со стороны Финна некоторой натяжкой, хотя у него и до сих пор еще была контора вблизи Пикадилли и над дверью – его фамилия из электрических лампочек. Сейчас Старфилд занимался всем понемножку в тех сферах, какие доступны его вкусам и средствам: дамские туалеты, ночные клубы, кино, рестораны.

– Понятно, – сказал я. Я не намерен был осчастливить Мэдж бурной демонстрацией. – Где же вы познакомились? Меня это интересует с чисто социологической точки зрения.

– Не знаю, что ты имеешь в виду, – сказала Мэдж. – Но если тебе так уж интересно, мы познакомились в одиннадцатом автобусе.

Это была явная ложь. Я покачал головой.

– Ты избрала карьеру манекенщицы, – сказал я. – Тебе предстоит посвятить все время тому, чтобы олицетворять кричащее богатство. – И тут же у меня мелькнула мысль, что такая жизнь, может быть, и не самая скверная.

– Джейк, уезжай, пожалуйста, – сказала Магдален.

– Как бы то ни было, – сказал я, – не здесь же ты будешь жить со Святым Сэмми?

– Эта квартира будет нам нужна, и я хочу, чтобы тебя здесь не было.

Ее ответ показался мне уклончивым.

– Ты сказала, что *выходишь замуж*? – спросил я. Меня снова кольнуло сознание ответственности. У нее не было отца, и я почувствовал себя *in loco parentis*¹. Другого *locus'a* у меня, в сущности, и не осталось. И теперь я сообразил, что Старфилд едва ли захочет жениться на такой девушке, как Магдален. Вешать на нее меховые манто можно было с таким же успехом, как на всякую другую живую вешалку. Но эффектна она не была, как не была ни богата, ни знаменита. Славная, здоровая молодая англичанка, простая и милая, как майский праздник в деревне. У Старфилда, надо полагать, вкусы куда более экзотические и менее матримониальные.

– Вот именно, – сказала Мэдж подчеркнуто и все так же невозмутимо. – А теперь иди укладываться. – Но по тому, как она избегала встречаться со мной взглядом, было ясно, что совесть у нее неспокойна.

Она подошла к книжной полке.

– Тут, кажется, есть твои книги. – И она достала «Мэрфи» и «*Pierrot mon ami*».

– Освобождаем место для господина Старфилда, – сказал я. – А он читать умеет? И кстати говоря, он знает о моем существовании?

– Допустим, что знает, – увильнула Магдален, – но я не хочу, чтобы вы встречались. Поэтому я и посылаю тебя укладываться. С завтрашнего дня Сэмми будет проводить здесь много времени.

– Ясно одно, – сказал я. – Все зараз я перевезти не могу. Часть вещей я заберу сегодня, а за остальным приеду завтра. – Я не выношу, когда меня торопят. – И не забудь, – добавил я пылко, – что радиола моя. – Мысли мои неотступно возвращались к банку Ллойда.

– Хорошо, милый, – сказала Мэдж, – но если захочешь прийти завтра или позже, сначала позвони, и если ответит мужской голос, клади трубку.

– Какая гадость, – сказал я.

– Да, милый. Такси вызвать?

– Нет! – крикнул я, выходя из комнаты.

– Если Сэмми увидит тебя здесь, – прокричала Магдален мне вслед, когда я уже поднялся по лестнице, – он свернет тебе шею!

Я взял второй чемодан, завернул и связал свои рукописи и вышел на улицу. Нужно было подумать, а в такси я не могу думать, потому что все время смотрю на счетчик. Я сел в 73-й автобус и поехал к миссис Тинкхем. Миссис Тинкхем держит газетную лавочку в районе Шарлот-стрит. Это пыльная, грязная, невзрачная угловая лавчонка, снаружи у двери висит доска с объявлениями, а внутри продаются газеты на разных языках, дамские журналы, ковбойские и научно-фантастические романы и «Поразительные повести». Во всяком случае, все это разложено для продажи, вернее, кое-как свалено в стопки, хотя я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь что-нибудь купил у миссис Тинкхем, кроме мороженого, которым она тоже торгует, и еще «Ивнинг ньюс». Прочая литература годами лежит неподвижно, выцветая на солнце, разве что сама миссис Тинкхем вздумает почитать – такое на нее порой находит – и вытянет из кучи какой-нибудь пожелтевший от времени ковбойский роман, а дочитав до половины, скажет, что, оказывается, уже читала его, только все забыла. Вероятно, она прочла уже весь свой товар – его немного, и пополняется он медленно. Несколько раз я видел у нее в руках французскую газету, хотя она и говорит, что не знает французского, но, может быть, она просто разглядывает иллюстрации. Кроме контейнера с мороженым в лавке стоят железный столик и два стула, а на полке – бутылки с красными и зелеными безалкогольными напитками. Здесь я провел немало мирных часов.

¹ В роли отца (*лат.*).

Лавка миссис Тинкхем отличается также тем, что она полна кошек. Неуклонно растущее кошачье семейство, происшедшее от одной огромной прародительницы, располагается на прилавке и на пустых полках в сонливом созерцании: янтарные глаза сужены и помаргивают на солнце – ленивые влажные шелки среди избытка прогретой шерсти. Когда я прихожу, какая-нибудь кошка соскакивает ко мне на колени и, посидев сколько полагается, солидно и бесстрастно, ускользает затем на улицу любоваться витринами. Но ни одной из них я ни разу не встречал дальше чем за десять шагов от лавки. Посреди этого великолепия восседает сама миссис Тинкхем и курит сигарету. Я не знаю другого человека, который курил бы, как она, буквально не переставая. Она закуривает одну сигарету от остатка другой; как она утром закуривает первую – это для меня тайна, потому что, если попросить у нее спичек, их в доме никогда не оказывается. Однажды я застал ее в великом смятении и горе – очередная сигарета упала в чашку с кофе, а зажечь новую было нечем. Может быть, она курит всю ночь, а может быть, в спальне у нее горит вечный огонь – какая-нибудь неугасимая сигарета. Эмалированный тазик у нее в ногах обычно до краев полон окурков; а рядом с ней, на прилавке, стоит маленький радиоприемник, который всегда включен, но самую малость, так что миссис Тинкхем проводит время среди своих кошек, окутанная табачным дымом, под непрерывный аккомпанемент чуть слышного музыкального бормотанья.

Я вошел, сел, как обычно, за железный столик и снял одну из кошек с ближайшей полки к себе на колени. Она тут же замурлыкала, как пущенная в ход машина. Я улыбнулся миссис Тинкхем – в тот день это была моя первая натуральная улыбка. На языке Финна миссис Тинкхем – занятная реликвия, но ко мне она была очень добра, а я никогда не забываю доброе отношение.

– Вот и вернулись домой, – сказала миссис Тинкхем, откладывая томик «Поразительных повестей», и еще немного приглушила радио, так что остался только невнятный шепот где-то на заднем плане.

– Да, к сожалению, – отвечал я. – Миссис Тинк, как бы стаканчик чего-нибудь?

Я уже давно храню у миссис Тинкхем запас виски на случай, если оно мне понадобится в медицинских целях, в спокойной обстановке, в центре Лондона, в неурочное время. Сейчас время было урочное, но мне нужна была успокоительная тишина лавчонки миссис Тинкхем, с мурлычущей кошкой, шепчущим радио и самой миссис Тинк – языческой богиней, окутанной фимиамом. Когда я завел эту систему, я вначале после каждого раза делал на бутылке пометку, в то время я еще плохо знал миссис Тинкхем. По надежности ее можно приравнять к закону природы. И она умеет молчать. Однажды я случайно услышал, как один из ее странных клиентов после тщетных попыток что-то у нее выведать громко воскликнул: «Вы просто патологически деликатны!» И это истинная правда. Я подозреваю, что этим и объясняется успех миссис Тинкхем. Ее лавка служит так называемым передаточным пунктом и местом встречи для людей, которые любят вести свои дела под шумок. Интересно бы знать, в какой мере миссис Тинкхем осведомлена о делах своих клиентов. Когда я далеко от нее, я убежден, что она не так наивна, чтобы не представлять себе, что происходит у нее под носом. Когда же она рядом, она выглядит такой толстой и расплывчатой и моргает так похоже на своих кошек, что меня берет сомнение. Порой мне случается краем глаза подметить на ее лице выражение острой пронизательности; но как бы я быстро ни обернулся, я ни разу не успел прочесть на этом лице ничего, кроме безмятежной материнской озабоченности и более или менее рассеянного участия. Какова бы ни была истина, верно одно: никто никогда этого не узнает. Полиция давно махнула рукой на миссис Тинкхем: допрашивать ее значило даром терять время. Мало она знает или много, но ни разу на моей памяти ни ради выгоды, ни ради сенсации она не показала своей осведомленности о том, что творится в тесном мирке, окружающем ее лавку. Неболтливая женщина – это жемчужина на черном бархате. Я глубоко уважаю и люблю миссис Тинкхем.

Она налила виски в картонный стаканчик и передала мне через прилавок. Сама она при мне не выпила ни капли спиртного.

– Коньяку не привезли, голубчик? – спросила она.

– На таможне отобрали, – сказал я и, отхлебнув виски, добавил: – Чтоб им пусто было! – сопроводив эти слова жестом, который охватывал таможню, Мэдж, Старфилда и мой банк.

– Что случилось, голубчик? Опять настало трудное время? – спросила миссис Тинкхем, и, склонясь над стаканом, я успел заметить, что в ее глазах мерцает прозорливый огонек. – Ох уж эти люди, сплошные от них неприятности, верно? – добавила она тем масляным голосом, который, надо полагать, вынудил не одно признание.

Я уверен, что с миссис Тинкхем откровенничают почем зря. Бывало, что, входя в лавку, я безошибочно это чувствовал. Я и сам с ней откровенничал и думаю, что для многих своих клиентов она единственный человек, которому вполне можно довериться. Трудно предположить, чтобы такая роль не приносила известных материальных выгод, и деньги у миссис Тинкхем, безусловно, водятся – однажды она без единого слова дала мне займы десять фунтов, – но я уверен, что деньги для нее не главное. Ей просто доставляет наслаждение быть в курсе чужих дел, вернее, жизней, потому что слово «дела» предполагает интерес более узкий и менее человеческий, нежели тот, который в эту минуту был сосредоточен на мне, если только я этого не вообразил. В самом деле, возможно, что истина относительно ее наивности или отсутствия таковой лежит где-то посередине, что она пребывает в мире чужих жизненных драм, где факты и вымысел почти неотделимы друг от друга.

Что-то тихо звучало у меня в ушах, может быть, радио, а может, это миссис Тинкхем колдовала, чтобы вызвать меня на откровенность; точно кто-то осторожно сматывал тонкую леску, на которой повисла вот-вот готовая сорваться редкостная рыбина. Но я крепился и молчал. Я хотел подождать, пока не смогу изложить свою историю более драматично. Тут намечались кое-какие возможности, но ничего еще не оформилось. Заговорив сейчас, я мог невзначай сказать правду; когда меня застигают врасплох, я обычно говорю правду, а что может быть скучнее? Я встретил взгляд миссис Тинкхем и, хотя глаза ее ничего не сказали, не сомневался, что она прочла мои мысли.

– Люди и деньги, миссис Тинк, – сказал я. – Не будь их, как хорошо было бы жить на свете.

– И еще зов пола, – сказала миссис Тинкхем; мы оба вздохнули.

– Котята за последнее время были? – спросил я.

– Нет, но Мэгги опять в интересном положении. Да, скоро, скоро будут у тебя детки! – обратилась она к раскормленной пестрой кошке, разлегшейся на прилавке.

– Думаете, на этот раз получилось?

Миссис Тинкхем уже давно убеждала своих кошек гулять с сиамским красавцем, проживавшим неподалеку. Правда, все ее уговоры сводились к тому, что она время от времени подносила какую-нибудь из кошек к двери и указывала ей на этого интересного мужчину со словами: «Погляди, какой там миленький котик!» – и пока что ничего из этого не выходило. Если вы когда-нибудь пытались привлечь внимание кошки к определенному предмету, то знаете, как это трудно. Она будет смотреть куда угодно, только не туда, куда вы указываете.

– Как бы не так, – сердито отвечала миссис Тинкхем. – У них у всех только и на уме что черно-белый кот из конинной лавки. Верно говорю, моя красавица, да? – снова обратилась она к будущей мамаше, а та в ответ вытянула вперед тяжелую лапу и вонзила когти в стопку «Nouvelles litteraires»².

Я стал разворачивать свой пакет. Кошка соскочила с моих колен и бочком выскользнула за дверь. Миссис Тинкхем сказала: «Так-то» – и потянулась к «Поразительным повестям».

² «Новости литературы» (фр.).

Я быстро перебрал свои рукописи. Когда-то Магдален, обозлившись, разорвала первые шестьдесят строф эпической поэмы «А мистер Оппенгейм наследует землю». Поэма писалась в те времена, когда у меня были идеалы. В те времена мне еще не стало ясно, что писать эпические поэмы в наш век невозможно. В те времена я наивно воображал, что нет оснований не попробовать свои силы в любом жанре, к которому тебя тянет. Ничто не действует так парализующе, как чувство исторической перспективы, особенно в литературе. Вероятно, в какой-то момент нужно просто отбросить всякие теоретические соображения. Я, например, сумел их отбросить чуть пораньше того момента, когда мне стало бы ясно, что в наш век невозможно писать романы. Однако вернемся к «Мистеру Оппенгейму». Мои друзья не одобрили это заглавие, усмотрев в нем антисемитский душок, хотя мистер Оппенгейм, разумеется, просто символизирует большой бизнес; но Мэдж разорвала поэму не за это, а со злости: я не пошел с ней завтракать, как условился, потому что должен был встретиться с одной писательницей. Встреча эта ничего мне не дала, а дома меня ждал «Мистер Оппенгейм», разорванный в клочья. Это было давно, но я опасался повторения. Кто знает, какие мысли бродили в голове у этой женщины, когда она принимала решение вышвырнуть меня на улицу? Если женщина наносит вам обиду, то обычно вы же и вызываете ее ярость. Я по себе знаю, как выводит из себя человек, которого бываешь вынужден обидеть. Поэтому я перебрал рукописи очень внимательно.

Все как будто было в порядке, если не считать одной недостачи. Не хватало написанного на машинке перевода «Le rossignol de bois». Этот «Деревянный соловей» был третьим с конца романом Жан-Пьера Бретейля. Я делал его прямо на машинке. Я уже столько переводил Жан-Пьера, что теперь дело только за тем, чтобы как можно быстрее стучать по клавишам. Копирку я не выношу – руки у меня неловкие, а что такое листы копирки, вам известно, – поэтому у меня был всего один экземпляр. Но за него я не опасался, я знал, что если бы Магдален вздумала что-нибудь уничтожить, то выбрала бы не перевод, а одну из моих собственных вещей. Я решил забрать перевод в следующий раз – вероятно, он остался в бюро на третьем этаже. «Le rossignol» будет хорошо раскупаться, а значит, у меня будут деньги. Это роман о молодом композиторе, который лечится психоанализом и в результате творчески иссыкает. Переводил я его с удовольствием, хотя это не более чем расхожее чтение, как и все, что пишет Жан-Пьер.

Дэйв Гелман уверяет, что я специализировался на Бретейле потому, что сам хотел бы писать такие книги, но это неверно. Я потому перевожу Бретейля, что это легко, и еще потому, что книги его на любом языке идут нарасхват. А потом, мне, как это ни противоестественно, просто нравится переводить: как будто ты открываешь рот, а говорит кто-то другой. Предпоследнему роману Жан-Пьера «Les pierres de l'amour»³, который я только что прочел в Париже, тоже был обеспечен успех. А совсем недавно вышел еще один, «Nous les vainqueurs»⁴, его я еще не успел прочесть. Я решил повидаться со своим издателем и получить аванс под «Деревянного соловья», а заодно продать ему идею, которая возникла у меня в Париже, – сборник французских рассказов в моем переводе и с моим предисловием. Ими-то и были набиты мои чемоданы. Это даст мне кое-какие средства к существованию. Что бы ни писать, лишь бы не свое, как говорит Дэйв. В банке у меня, по моим расчетам, оставалось фунтов семьдесят. Но теперь, когда на Эрлс-Корт-роуд мне больше не было ходу, первая и самая насущная задача состояла в том, чтобы найти дешевое и надежное пристанище, где можно жить и работать.

Вы можете подумать, что Магдален поступила жестоко, так бесцеремонно меня выгнав, а я со своей стороны проявил бесхарактерность, приняв это так покорно. Но Магдален вовсе не бандит. Это жизнерадостная, земная женщина, простая и сердечная, готовая услужить кому угодно, если только это не доставляет ей хлопот; о многих ли из нас можно сказать больше? У меня же в отношении Мэдж совесть была нечиста. Раньше я сказал, что почти ничего не платил

³ «Камни любви» (фр.).

⁴ «Мы победители» (фр.).

за квартиру. Так вот, это не совсем верно, я не платил за квартиру ничего. Эта мысль меня слегка беспокоила. Принимать подачки от женщины вредит *locus standi*⁵. К тому же я знал, что Мэдж хочется выйти замуж. Она не раз давала мне это понять, и думаю, она вышла бы замуж даже за меня. Только я-то хотел другого. По обеим этим причинам я понимал, что на Эрлс-Корт-роуд у меня нет ни малейших прав и что, если Мэдж ищет прочного существования, винить в этом я могу только себя; впрочем, я, кажется, был вполне объективен, считая, что Святой Сэмми – дело не верное, а, напротив, очень даже проблематичное.

Здесь, пожалуй, нелишним будет сказать несколько слов о себе. Зовут меня Джеймс Донагью, но пусть ирландская фамилия вас не смущает – в Дублине я был всего один раз, по пьяной лавочке, и в себя пришел всего два раза – когда меня выпускали из полицейского участка на Стор-стрит и когда Финн сажал меня на пароход, возвращавшийся в Англию. Это было в те дни, когда я много пил. Мне чуть больше тридцати лет, и я талантлив, но ленив. Живу я всякими литературными поделками и кое-что пишу всерьез, очень мало, как можно меньше. В наши дни литературной работой можно жить, только если работаешь с утра до ночи и согласен писать все, на что есть спрос. Я уже упоминал, что ростом я невысок, но точнее будет сказать, что я худощав и изящно сложен. У меня светлые волосы и резкие, как у фавна, черты лица. Я силен в дзюдо, а бокс не люблю. Важнее для этой повести то, что у меня истрепаны нервы. Как это случилось, не важно. Это другая история, а я вам рассказываю не всю историю моей жизни. Так или иначе, они истрепались, и выражается это, между прочим, в том, что я не могу подолгу оставаться один. Вот почему мне так нужно общество Финна. Мы часами сидим с ним вдвоем, иногда в полном молчании. Я, скажем, думаю о Боге, о свободе, о бессмертии. О чем может думать Финн, понятия не имею. Но более того, я терпеть не могу жить в чужих домах, мне нужна защита. Следовательно, я паразит и обычно живу у кого-нибудь из знакомых. Это удобно и с финансовой точки зрения. Принимают меня охотно, потому что жилец я спокойный, а Финн может быть полезен по дому.

Предстояло решить нелегкую задачу – куда нам податься. Приютит ли нас Дэйв Гелман, было неясно. Я тешил себя этой мыслью, но не очень-то надеялся. Дэйв – старый друг, но он философ – не из тех, что толкуют про гороскопы и звериное число, а настоящий, как Платон или Кант, а значит, у него нет денег. Я чувствовал, что предъявлять Дэйву какие-либо требования не совсем этично. К тому же он еврей, настоящий, стопроцентный еврей, который соблюдает посты, верит, что грех неискупим, и считает неприличным рассказ о женщине, разбившей алебастровый сосуд с драгоценным елеем, и многие другие истории в Новом Завете. Но это бы еще ничего, хуже то, что он без конца спорит с Финном по поводу Святой Троицы, бесполезности чувств и понятия милосердия. Дэйв ничего не ненавидит так, как понятие милосердия, которое он приравнивает к своего рода духовному обману. Послушать Дэйва, так милосердие попросту порождает двуличие и представление, будто человеку что угодно может сойти с рук. Он говорит, что люди должны руководствоваться четкими практическими правилами, а не туманным светом высоких понятий, которыми, по его мнению, прикрывают всевозможные излишества. Дэйв – один из немногих, с кем Финн ведет долгие беседы. Стоит, пожалуй, разъяснить, что Финн когда-то был католиком, хотя по темпераменту он методист – так мне по крайней мере кажется, – и с Дэйвом он проявляет красноречие. Финн вечно твердит, что вернется в Ирландию, чтобы жить в стране, где религия действительно что-то значит, но все не уезжает. Так что я решил, что у Дэйва будет не особенно спокойно. Я предпочитаю, чтобы Финн не говорил слишком много. Раньше я сам любил поговорить с Дэйвом о всяких отвлеченных материях. Когда мы познакомились, мне было приятно, что он философ, и я надеялся, что он откроет мне какие-нибудь важные истины. Я в то время читал Гегеля и Спинозу, хотя, признаюсь, мало что в них понимал, и все хотел обсудить их с Дэйвом. Но почему-то у нас

⁵ Здесь: самоуважение (*лат.*).

ничего не выходило, и все наши диспуты сводились к тому, что я что-нибудь говорил, а Дэйв говорил, что не понимает, что я хочу сказать, и я повторял все сначала, а Дэйв сердился. Я не сразу сообразил, что, когда Дэйв говорил, что не понимает, что я хочу сказать, это значило, что я, по его мнению, сболтнул глупость. Гегель говорит, что Истина – великое слово и еще более великая вещь. С Дэйвом у нас дальше слова дело не двигалось, и я наконец отступился. Но все-таки я Дэйва очень люблю, у нас есть и еще много тем для разговора, так что я не отказался от идеи вселиться к нему. Других идей у меня, впрочем, и не было. Придя к такому заключению, я достал из чемодана часть своих книг и вместе с пакетом рукописей оставил под прилавком у миссис Тинкхем. Потом я простился с ней и пошел закусить.

Глава 2

Некоторые части Лондона органичны, другие случайны. К западу от Эрлс-Корт-роуд все случайно, кроме нескольких мест у реки. Я терпеть не могу ничего случайного. Я хочу, чтобы на все в моей жизни имелись причины. Дэйв жил к западу от Эрлс-Корт-роуд, и в моих глазах это тоже было его минусом. Он жил близ Голдхок-роуд, в одном из тех больших красновато-черных домов, которые я хорошо помнил еще с мрачных дней моего лондонского детства. Дэйв, мне кажется, не очень чувствителен к своему окружению. Его, как философа, интересует центральный узел бытия (он, правда, не простил бы мне этого выражения), а не те беспорядочно висящие концы, которыми большинство из нас вынуждены развлекаться. К тому же он, будучи евреем, чувствует себя частью истории, не прилагая к тому особых усилий. В этом я ему завидую! Мне лично поддерживать связь с историей год от года труднее. В общем, Дэйву доступна такая роскошь, как случайное местожительство. Для себя я на этот счет сомневался.

Дом, где живет Дэйв, многоэтажный, но кажется низким рядом с соседним зданием – огромной новой белостенной больницей. В ней все просто и все оправданно, и меня, когда я прохожу мимо, бросает в дрожь. По темной, с цветными стеклами лестнице я поднялся до квартиры Дэйва и услышал гул голосов. Это мне не понравилось. У Дэйва слишком много знакомых. Его жизнь – нескончаемый *tour de force*⁶ дружеской близости. Я, например, считаю, что дружить одновременно больше чем с четырьмя людьми безнравственно. А у Дэйва, судя по всему, близких людей больше сотни. У него широкий и постоянный круг знакомств среди интеллигенции и людей искусства, а вдобавок он знает уйму левых политических деятелей, в том числе таких оригиналов, как Лефти Тодд, лидер Новой независимой социалистической партии, и других чудаков, еще почище. Кроме того, имеются его ученики, и их друзья, и неуклонно растущая орава его бывших учеников. Чуть ли не все, с кем Дэйв когда-либо занимался, сохраняют с ним связь. Для меня это загадка – ведь мне, как я уже упоминал, Дэйв не мог ничего преподавать, когда мы беседовали на философские темы. Может быть, это объясняется тем, что я неисправимый художник, как он сам однажды воскликнул. Тут кстати будет добавить, что Дэйв не одобряет моего образа жизни и вечно уговаривает меня поступить на работу.

Дэйв – преподаватель университета, но занятия ведет на дому, и вокруг него группируется немало юношей, посвящающих часть своего времени поискам Истины. Ученики обожают Дэйва, хотя он ведет с ними непрестанную борьбу. Они тянутся к нему, как подсолнухи к солнцу. Все они прирожденные метафизики, так, по крайней мере, утверждает не без отвращения сам Дэйв. Мне бы казалось, что быть метафизиком замечательно, но у Дэйва это вызывает страстный протест. Для учеников Дэйва мир – тайна, к которой они считают возможным подобрать ключ. Ключ этот, надо полагать, содержится в какой-то книге страниц этак на восемьсот. Найти его, может быть, и нелегко, но ученики Дэйва убеждены, что, уделяя поискам от четырех до десяти часов в неделю, за вычетом университетских каникул, они своего добьются. Им не приходит в голову, что задача эта либо много проще, либо много сложнее. В известных пределах они готовы менять свои взгляды. Многие из них приходят к Дэйву теософами, а уходят от него рационалистами или брэдлеанцами. Интересно, что критика Дэйва часто действует как катализатор. Он жжет их с разрушительной яростью солнца, но от этого их метафизические устремления не вянут и не сгорают, а лишь переходят из одной стадии в другую, не менее активную. Это любопытное обстоятельство наводит на мысль, что Дэйв, в сущности, хороший педагог, хотя в том и нет его заслуги. Время от времени ему удается приобщить какого-нибудь сверхвосприимчивого юношу к собственной философской школе линг-

⁶ Фокус, трюк (*фр.*).

вистического анализа, после чего означенный юноша, как правило, вообще перестает интересоваться философией. Наблюдать, как Дэйв обрабатывает этих молодых людей, все равно что следить за работой человека, подрезающего розовый куст. На удаление обречены все самые крепкие и пышные побеги. А позднее, возможно, появятся цветы; но цветы, как рассчитывает Дэйв, не философские. Конечная цель Дэйва – отвратить молодежь от философии. Меня он отваживает от нее с сугубым усердием.

Я в нерешительности остановился у двери. Ненавижу входить в комнату, полную народу, и чувствовать, как к тебе оборачивается целая портретная галерея незнакомых лиц. Я уже готов был повернуться и уйти, но потом, мысленно махнув рукой, все же вошел. Комната была битком набита молодыми людьми; они говорили все разом и пили чай, но относительно лиц я напрасно беспокоился – никто, кроме самого Дэйва, не обратил на меня внимания. Дэйв сидел в углу, немного в стороне от схватки, и, увидев меня, поднял руку важным жестом патриарха, приветствующего давно ожидаемое знамение. Я не хочу сказать, что по внешности Дэйв напоминает иудейского патриарха. Он уже начал понемножку толстеть и лысеть, у него веселые карие глаза и пухлые руки, говорит он чуть гортанным голосом и английским владеет не вполне свободно. Финн сидел рядом с ним на полу, прислонившись к стене и вытянув ноги вперед, как жертва уличной катастрофы.

Я пробрался между каких-то безусых юнцов, перешагнув через Финна и пожал Дэйву руку. Финна я дружески поддел ногой и уселся на край стола. Какой-то юноша машинально передал мне чашку чаю, не переставая говорить через плечо. Я расслышал: «*Должно быть*» в конечном счете возвращает нас к *есть*». – «Да, но к какому *есть*?»

– Здесь, я вижу, все идет по-старому, – сказал я.

– Естественное проявление человеческой энергии, – ответил Дэйв, слегка нахмурясь. Потом он дружелюбно посмотрел на меня. – Я слышал, ты попал в переплет, – сказал он, немного возвышая голос над общим криком.

– В некотором роде – да, – осторожно сказал я, прихлебывая чай. С Дэйвом я никогда не раздуваю своих неприятностей – он относится к ним с насмешкой и без капли сочувствия.

– Я бы на твоём месте поступил на работу, – сказал Дэйв. Он кивнул на высокую белую стену больницы за окном, совсем близко. – Им там всегда нужны санитары. Ты мог бы стать даже братом милосердия. Или взять какую-нибудь работу на часть дня.

Дэйв вечно мне это советовал, почему – не знаю; казалось бы, меньше всего я мог последовать именно такому совету. Думаю, что он делал это отчасти для того, чтобы позлить меня. Для разнообразия он иногда расписывал мне, как привлекательна должность надзирателя при малолетних преступниках, или фабричного инспектора, или учителя начальной школы.

Я поглядел на стену больницы.

– Ради спасения души?

– Вовсе нет! – гневно возразил Дэйв. – Все ты носишься со своей душой. Как раз для того, чтобы думать не о своей душе, а о других людях.

Я понимал, что Дэйв в чем-то прав (хотя не нуждался в его указаниях), но не представлял себе, что сейчас можно предпринять в этом смысле. Финн бросил мне сигарету. Он всегда старался как-нибудь незаметно защитить меня от Дэйва. Насущной задачей было найти подходящее жилье, и, пока этот вопрос не был решен, остальное не имело значения. Чтобы сводить концы с концами, мне нужно все время писать, а в бездомном состоянии я ничем не могу заняться.

Я допил чай и отправился потихоньку обследовать квартиру Дэйва. Гостиная, спальня, запасная комната, ванная и кухня. Запасную комнату я изучил подробно. Окно ее тоже смотрело на стену больницы, которая в этом месте подходила чуть ли не вплотную. Комната выкрашена в художничный светло-коричневый цвет, обстановка спартанская. Сейчас здесь были сва-

лены пожитки Финна. Ну что ж, бывает хуже. Я разглядывал гардероб, когда вошел Дэйв. Он отлично знал, что у меня на уме.

– Нет, Джейк, – сказал он. – Категорически нет.

– Почему?

– Нельзя двум таким неврастеникам жить вместе.

– Ах ты, старый удав! – сказал я. Дэйв никакой не неврастеник. У него вместо нервов канаты. Я, впрочем, не стал спорить, меня и самого этот проект не слишком увлекал – из-за Иеговы и Троицы. – Раз ты меня выселяешь, – сказал я, – тебе следует хотя бы выдвинуть какое-нибудь конструктивное предложение.

– Ты еще и не вселялся, Джейк, – сказал Дэйв, – но я подумаю.

Дэйв знает, что мне нужно. Мы вернулись в большую комнату и снова окунулись в шум голосов.

– Может, попытаться у дам, нет?

– Нет, – сказал я. – Это уже все было.

– Иногда ты мне противен, Джейк.

– Чем я виноват, что у меня такая психика? Ведь свобода – это, в конце концов, только идея.

– Это из третьей «Критики»! – прокричал Дэйв кому-то через всю комнату.

– Да и каких дам? – спросил я.

– Я твоих женщин не знаю, – сказал Дэйв, – но если ты наведишь одну-другую, кто-нибудь, возможно, подаст тебе хорошую мысль.

Я почувствовал, что мое общество будет приятнее Дэйву после того, как я сумею где-нибудь обосноваться. Финн, который теперь лежал головой под столом, внезапно произнес:

– Попробуй у Анны Квентин. – Финн иногда проявляет просто сверхъестественную интуицию.

Это имя вонзилось в меня, как стрела.

– Не могу, – сказал я и добавил: – Что-что, а это невозможно.

– Значит, все еще так, – сказал Дэйв.

– Вовсе не так. К тому же я понятия не имею, где она живет. – И я отвернулся к окну. Я не люблю, когда по моему лицу о чем-то догадываются.

– Ну, поехал! – сказал Дэйв. Он хорошо меня знает.

– Давай другую идею, – сказал я.

– Другая идея, что ты дурак, – сказал Дэйв. – Обществу следует взять тебя за шиворот, встряхнуть хорошенько и заставить выполнять какую-нибудь полезную работу. Тогда вечерами ты мог бы написать толковую книгу.

Было ясно, что Дэйв в плохом настроении. Шум в комнате усиливался. Я задвинул ногой свой чемодан под стол, рядом с Финном.

– Можно оставить его здесь?

Кто-то спросил: «А откуда вы знаете, какое ваше «я» настоящее?»

– Можешь оставить и чемодан, и Финна, – сказал Дэйв.

– Я тебе позвоню, – сказал я и ушел.

Мне все еще было больно от имени, которое произнес Финн. Но сквозь эту боль теперь звучала причудливая мелодия: серебряная дудочка звала меня за собой. У меня, конечно, не было ни малейшего намерения разыскивать Анну, но хотелось остаться одному с мыслью о ней. Я смотрю на женщин без мистики. Мне нравятся женщины в романах Джеймса и Конрада – они похожи на цветы, про них пишут «безыскусственность, глубина, доверчивость, покой». Особенно здорово звучит «глубина»: порхающие белые руки и глубока, как море. Но в жизни я таких женщин не встречал. Я люблю про них читать, но ведь читать я люблю и про Пегаса и про

Хрисаора. Женщины, которых я знал, часто бывали неопытны, косноязычны, легковверны и простодушны; но я не вижу оснований называть их глубокими за те свойства, которые в мужчине мы бы определили как поглощенность собой. А когда они хитрые, то обманывают себя и других примерно так же, как мужчины. Это тот же обман, в котором мы все участвуем; только женщину роль, которую ей приходится играть, иногда выводит из равновесия немножко больше, чем мужчину. Как туфли на высоких каблуках, из-за которых постепенно смещаются внутренние органы. Все эти воображаемые глубины мне противны до чрезвычайности.

А между тем в Анне я чувствовал глубину. Не знаю, чем объяснить это впечатление, но она всегда казалась мне существом бездонным. Дэйв как-то сказал, что назвать человека неисчерпаемым – значит попросту дать определение любви; если так, я, возможно, любил Анну. Говорит она чуть хриловатым голосом, у нее нежно очерченное лицо, всегда освещенное изнутри теплым и ровным светом. Лицо, полное тоски, но без тени недовольства. Волосы у нее густые, темные, зачесаны кверху старомодными волнами – так, во всяком случае, было, когда я ее знал. А было это давно. Анна на шесть лет старше меня, и когда я ее впервые увидел, она исполняла вокальный номер со своей сестрой Сэди. Анна вкладывала в это предприятие голос, а Сэди – блеск. У Анны контральто, способное разбить человеку сердце даже по радио; а если вдобавок видишь легкие жесты, которыми она сопровождает свое пение, то она совершенно неотразима. Она словно бросает песню прямо тебе в сердце; так, по крайней мере, она поступила со мной в первый раз, когда я ее слушал, и я уже не мог это забыть.

Анна похожа на свою сестру в такой же мере, как милый певчий дрозд похож на довольно-таки опасную тропическую рыбу, и со временем вокальный номер был отставлен. Случилось это, мне кажется, отчасти потому, что сестры не выносили друг друга, отчасти же потому, что устремления их были неодинаковы. Как вы, может быть, помните, английское кино в те дни переживало кризис. Только что была организована компания «Баунти – Белфаундер», а старое акционерное общество «Фантазия-фильм» перешло в новые руки. Но ни той, ни другой компании все не удавалось открыть новых звезд; старые, правда, сияли по-прежнему, и время от времени какой-нибудь девочке доставались обычные фанфары прессы, после чего она, блеснув в одной картине, угасала шумно и быстро, как фейерверк. Заправили «Фантазия-фильм», решив, очевидно, что на человеческом материале сборов не сделаешь, начали свою серию фильмов о животных и в животном царстве действительно обнаружили несколько сокровищ: в первую очередь, конечно, это была овчарка Мистер Марс, чьи похождения с сентиментально счастливым концом, вероятно, и уберегли их от банкротства. У Белфаундера дело с самого начала пошло успешнее; этой компании Сэди вскоре и решила предложить на продажу свои таланты, и Сэди, как известно, вышла-таки в звезды.

Звезда – своеобразное явление. Это совсем не то же самое, что хорошая киноактриса; дело тут даже не в обаянии и не в красоте. Чтобы стать звездой, требуется некое чисто внешнее свойство, именуемое *eclat*. *Eclat* у Сэди был, так по крайней мере утверждала публика, я же предпочитаю слово «блеск». Вы, вероятно, уже поняли, что я не поклонник Сэди. Сэди вся лоснится и сверкает. Она моложе Анны, черты лица у нее такие же, только мельче и расположены теснее, как будто голову ей хотели сжать в кулачок, да так и не довели дело до конца. Голос ее в разговоре немного напоминает голос Анны, только вместо хрипотцы в нем слышен металл. Не хриплый шелест каштановой шелухи, а ржавое железо. Кое-кто и в этом находит очарование. Петь она не умеет.

Анна никогда не стремилась в кино. Не знаю почему – мне всегда казалось, что у нее для этого больше данных, чем у Сэди. Но возможно, что на первый взгляд ее облику не хватает определенности. Чтобы проникнуть в мир кино, нужно быть кораблем с очень острым форштевнем. Когда сестры расстались, Анна перешла на более серьезный репертуар; но чтобы продвинуться на этом пути, ей недоставало профессиональной подготовки. Когда я в последний

раз о ней слышал, она исполняла народные песни в ночном клубе, и такое сочетание отлично выражало ее сущность.

Когда-то Анна жила в крошечной квартирке близ Бэйсуотер-роуд, зажатой со всех сторон другими домами, и там я часто у нее бывал. Я был очень к ней привязан, но даже тогда понимал, что характер у нее не идеальный. Анна – одна из тех женщин, которые не в силах сказать «нет», когда им предлагают любовь. И дело не в том, что это ей льстит. У нее талант к личным отношениям, и она жаждет любви, как поэт жаждет публики. Всякому, кто даст себе труд к ней привязаться, она сейчас же начинает уделять преданное, великодушное, сочувственное и начисто лишённое кокетства внимание, которое, однако, есть не что иное, как маневр с целью избежать капитуляции. Это, несомненно, тоже одна из причин, почему Анна не подалась в кино: личная жизнь, вероятно, отнимает у нее почти все время. Это же привело еще к одному печальному последствию – вся ее жизнь превратилась в сплошную измену; когда я ее знал, она вечно секретничала и то и дело лгала, чтобы скрыть от каждого из своих друзей, как она близка с остальными. Иногда, впрочем, она пробовала и другую тактику – притупляла боль ревности мелкими, упорными ударами до тех пор, пока ее жертва, оставаясь в полной ее власти, не смирялась с широким диапазоном ее привязанностей. Это мне не по вкусу, и я очень быстро разгадал ее игру. Но такое понимание не лишало ее в моих глазах таинственности, и ее эмоциональная щедрость не будила во мне протеста. Может быть, потому, что я всегда ощущал силу ее непритворной нежности – как теплый ветер, что веет с желанного острова и доносит до мореплавателя запах цветов и плодов. Я понимал, что, по всей вероятности, она точно так же обольщает и держит и других своих поклонников. Но это было мне безразлично.

Вам, может быть, хочется знать, не думал ли я о том, чтобы жениться на Анне. Да, я об этом подумывал. Но брак для меня – категория рассудочная, концепция, которая может упорядочить мою жизнь, но не заполнить ее. Думая о женщине, я невольно привлекаю возможность брака как полезную гипотезу, не применимую в каком-либо серьезном смысле к практической жизни. Однако в отношении Анны я был очень близок к тому, чтобы задуматься над этим всерьез; и хотя я уверен, что она бы не согласилась, все же именно поэтому я, возможно, в конце концов от нее и отдалился. Я ненавижу одиночество, но слишком большая близость меня страшит. Суть моей жизни – тайная беседа с самим собой, и превратить ее в диалог было бы равносильно самоубийству. Мне нужно общество, но такое, какое составляет пивная или кафе. Я никогда не мечтал об общении душ. И себе-то самому говорить правду достаточно трудно. Анна же специализировалась на общении душ. К тому же Анну тянет на трагическое, и меня это нервировало. Она во всем готова была усмотреть тяжелую драму. Жизнь принимала остро и трудно. Я же считаю, что принимать так жизнь неумно. Точно дразнить опасного зверя, который в конечном счете все равно переломает тебе кости. И вот, прощаясь с Анной, когда она уезжала во Францию петь французские народные песни во французских ночных клубах, я промямлил, что загляну к ней, когда она вернется, но она знала, что я не приду, и я знал, что она это знает. С тех пор прошло несколько лет, и я прожил это время тихо и мирно, особенно на Эрлс-Корт-роуд.

Выйдя от Дэйва, я дошел до Шепердс-Буш и там сел в 88-й автобус. Я занял переднее место наверху, и по дороге некоторые из тех мыслей, что я здесь записал, пронеслись у меня в голове. Нелегко найти женщину, которую обронил в Лондоне несколько лет назад, тем более если она принадлежит к тому кругу, к какому принадлежала Анна; но ясно, что первым делом нужно посмотреть телефонную книгу. Поэтому я сошел с автобуса на Оксфорд-Сэркус и спустился в метро. Уходя от Дэйва, я не собирался разыскивать Анну, но к тому времени, как мы проехали Бонд-стрит, мне уже казалось, что ничем иным на свете вообще не стоит заниматься. Более того, я уже не понимал, как мне удалось столько времени просуществовать без нее.

Такой уж я человек. Я на долгие периоды оседаю и успокаиваюсь, и в такие периоды я пальцем не пошевелю, чтобы поднять с земли золотой. Когда я прикреплен, я неподвижен. Но

открепленный, я летуч, и летаю с места на место, как волан или как электрон Гейзенберга, пока снова не осяду в каком-нибудь другом безопасном месте. И странным образом я верил в интуицию Финна. Не раз оказывалось, что, последовав его неожиданному совету, я делал как раз то, что нужно. Я понимал, что фаза моей жизни, связанная с Эрлс-Корт-роуд, окончена и что *этого* душевного покоя мне не вернуть. Мэдж навязала мне внутренний перелом; что ж, я готов исследовать его до дна и даже извлечь из него все возможное. Кто скажет, какой именно день открывает новую эру? Я взял телефонную книгу Лондона, том от А до Л.

Телефонная книга ничего мне не сказала; этому я не удивился. Я позвонил в два театральных агентства, где не знали о местонахождении Анны, и в Би-би-си, где знали, но не пожелали сообщить. Я думал было толкнуться в Белфаундеровскую студию и, может быть, найти там Сэди, но мне не хотелось, чтобы Сэди знала, что я ищу Анну. Я подозревал, что Сэди одно время была ко мне не совсем равнодушна; во всяком случае, она в прежние дни откровенно не одобряла моей привязанности к Анне – правда, некоторые женщины в каждом мужчине видят свою личную собственность, – и я допускал, что она не скажет мне, где Анна, даже если и знает. Да я и не видел Сэди с тех пор, как она стала знаменитой, и не ожидал, что она благоклонно встретит мою попытку возобновить знакомство, в особенности если в прошлом она догадалась, что я догадался о ее чувствах или хотя бы вообразил их.

Рестораны только еще начали открываться. В такой час не было смысла обзванивать ночные клубы. Значит, не оставалось ничего другого, как прочесать Сохо. В Сохо всегда есть человек, знающий то, что тебе нужно узнать, все дело в том, чтобы найти его. И был шанс просто встретить там Анну. Со мной всегда так бывает: стоит мне чем-нибудь заинтересоваться, как происходят десятки случайностей, имеющих к этому прямое отношение. Но я надеялся, что для начала не встречу Анну в общественном месте: моя фантазия уже много чего наплела вокруг этой встречи.

Обычно я стараюсь держаться подальше от Сохо: во-первых, этот район вреден для нервов, во-вторых, он очень дорог. А дорог он не столько потому, что из-за нервного напряжения приходится все время пить, сколько потому, что всякие люди отнимают у тебя деньги. Я не умею отказывать людям, которые просят у меня денег. Никогда не могу придумать, почему бы не отдать тем, у кого меньше наличных денег, чем у меня, хотя бы часть того, что при мне имеется. Я даю без охоты, но и без колебаний. К тому времени, как я прошел Брюэр-стрит и Олд-Комтон-стрит, а потом по Грик-стрит до «Геркулесовых столпов», разные знакомые успели выудить из моего кармана почти всю наличность. И я уже сильно нервничал – не только из-за Сохо, но и оттого, что, входя в очередной бар, всякий раз воображал, что увижу там Анну. За последние годы я бывал в этих местах сотни раз, и такая мысль даже не приходила мне в голову; но теперь Лондон внезапно превратился в пустую раму. Везде не хватало Анны, везде ее ждали. Я стал успокаивать себя спиртным.

Когда деньги кончились, я перешел улицу, чтобы разменять чек в одном из питейных заведений, где меня знали, и тут-то я наконец напал на след. Я спросил у бармена, не знает ли он, где можно найти Анну. Он сказал, да, у нее, кажется, какой-то театрик в Хэммерсмите. Он порылся под стойкой и извлек карточку, на которой были напечатаны слова «Речной театр» и номер дома по Хэммерсмитской набережной. Бармен сказал, что не знает, там ли она еще, но несколько месяцев назад была там. Карточку она ему оставила для какого-то джентльмена, который так и не явился. Теперь он может отдать ее мне. Я взял карточку и с бьющимся сердцем вышел на улицу. Только серьезные размышления на тему о моих финансах помешали мне взять такси. Но до станции метро на Лестер-сквер я всю дорогу бежал бегом.

Глава 3

Дом, указанный в карточке, находился на том отрезке набережной, что тянется от харчевни «Горлицы» до «Черного льва». В Чизике дома смотрят на Темзу, но в той части Хэммерсмитской набережной, которая имеет отношение к моему рассказу, они стоят к реке спиной и притворяются обыкновенной улицей. Чизикская набережная – это ленивая вереница домов и садов, сонно глядящих в воду, а Хэммерсмитская – лабиринт водопроводных сооружений и прачечных, среди которых вкраплены кабаки да кое-где – дома начала прошлого века, повернутые к реке то лицом, то спиной. Под нужным мне номером значился дом, стоявший особняком, спиной к реке, а фасадом на тихий участок улицы; рядом с ним был проход, и несколько ступенек вели к воде.

Теперь я уже не так торопился. Я оглядел дом с недоверчивым любопытством, и он словно ответил мне тем же. Это был задумчивый дом, сосредоточенный в самом себе, отделенный от тротуара запущенным палисадником и каменной стенкой. Дом был квадратный, с высокими окнами, еще хранивший следы былой изысканности. Я подошел к железной калитке в стене и тут только заметил плакат, прикрепленный с другой стороны калитки. Плакат был написан от руки, краски слегка растеклись, и это придавало ему какой-то унылый вид. Текст гласил:

РЕЧНОЙ ТЕАТР ПАНТОМИМЫ

вновь открывается 1 августа

знаменитым фарсом Ивана Лазебникова

«Маришка»

в роскошной оригинальной постановке.

Вход только для членов.

Просьба к публике не смеяться громко и не аплодировать.

Я долго смотрел на этот плакат. Почему-то он показался мне странным. Наконец, чувствуя, как в сердце что-то медленно нарастает, я толкнул калитку – она слегка заржавела – и пошел к дому. Окна черно поблескивали, как глаза за темными очками. Дверь была только что выкрашена. Я не стал искать звонок, а сразу взялся за ручку. Дверь бесшумно отворилась, и я на цыпочках вступил в холл. Гнетущая тишина окутала меня, как облако. Я притворил за собой дверь, выключив все мелкие шумы улицы. Теперь не осталось ничего, кроме тишины.

Я постоял неподвижно, пока дыхание не стало ровнее и зрение не приспособилось к темноте холла. Все это время я недоумевал, почему веду себя так несуразно, но чувство, что Анна где-то рядом, сбивало меня с толку, и я не мог думать, а мог только совершать одно за другим те или иные действия, словно подсказанные необходимостью. Я медленно двинулся в глубь холла, осторожно ставя ноги на длинный черный ковер, поглощавший звук. Дойдя до лестницы, я заскользил вверх; вероятно, ноги мои касались ступеней, но я ничего не слышал.

Я очутился на широкой верхней площадке, позади меня тянулась деревянная балюстрада, передо мной – несколько дверей. Здесь было чисто, аккуратно прибрано. Ковры толстые, столбики балюстрады протерты до блеска. Я огляделся. Мне не приходило в голову усомниться в том, что Анна здесь, но не приходило в голову и позвать ее или вообще произнести хоть слово. Я подошел к ближайшей двери, распахнул ее настежь. И окаменел.

На меня смотрело семь или восемь пар внимательных глаз, расположенных, казалось, в нескольких футах от моего лица. Я невольно попятился, и дверь снова затворилась, едва слышно щелкнув, – это был первый звук, который я услышал с тех пор, как вошел в дом. Минуту я стоял, ничего не понимая, боясьдохнуть. Потом решительно взялся за ручку, снова отворил дверь и шагнул вперед. Те лица передвинулись, но по-прежнему были обращены ко

мне; и тут я внезапно все понял. Я находился на балконе крошечного театра. Балкон был с покатым полом, и в ракурсе казалось, что он упирается прямо в сцену; а по сцене беззвучно двигались взад и вперед актеры в масках, повернутых к зрительному залу. Маски были больше чем в натуральную величину, поэтому, когда я в первый раз открыл дверь, мне и показалось, что они рядом. Теперь, осознав расстояние и перспективу, я с интересом стал разглядывать это удивительное зрелище.

Маски были не надеты на лица, а нацеплены на палки, которые актеры держали в правой руке; актер ловко сохранял свою маску в положении, параллельном рампе, так что лицо его оставалось невидимым. Почти все маски были сделаны анфас, только две – те, что носили единственные две актрисы, – в профиль. Они были выполнены гротескно, стилизованно, но отмечены своеобразной красотой. Особенно мне запомнились обе женские маски, одна – чувственная, безмятежно-спокойная, другая – нервная, настороженная, лживая. У этих были сделаны и глаза, на мужских же масках глаза были прорезаны, и сквозь отверстия таинственно поблескивали глаза актеров. Все актеры были в белом, мужчины – в белых крестьянских рубахах и штанах, женщины – в простых белых платьях почти до пола, перехваченных в талии. Возможно, это и был знаменитый фарс Лазебникова «Маришка»: ни название это, ни фамилия автора ничего мне не говорили.

Тем временем актеры продолжали выполнять свои эволюции в той необыкновенной тишине, которая, казалось, околдовала весь дом. Я разглядел, что на них мягкие, облегающие ногу туфли, а пол на сцене затянут ковром. Они двигались, то плавно скользя, то неуклюже приседая, поворачивая скрытые масками головы из стороны в сторону, и я мысленно отметил выразительность шеи и плеч, в которой достигают такого совершенства индийские танцовщицы. Левой рукой они делали разнообразные, но простые условные жесты. Такой пантомимы я никогда еще не видел. Она действовала завораживающе. Содержания я не понимал, но как будто получалось, что центральная фигура – огромного роста дородный мужчина, чья маска выражала смиренную и тоскливую глупость, – служит мишенью для насмешек остальных действующих лиц. Я внимательно разглядел обеих актрис – может быть, одна из них Анна? Но нет. Ее я узнал бы сразу. Потом мое внимание привлек дородный простак. Некоторое время я смотрел на его маску, за гротескной неподвижностью которой сверкали живые глаза. Словно какая-то сила исходила от этих глаз и мягко, но упорно проникала в меня. Я все смотрел и смотрел. Что-то в этой грузной фигуре казалось мне смутно знакомым.

Но вот от одного движения скрипнули подмостки и колыхнулся задник. Я пришел в себя как от толчка и внезапно с тревогой сообразил, что актеры могут меня увидеть. На цыпочках я выбрался обратно на площадку и притворил дверь. Тишина накрыла меня, как колокол, но все кругом бесшумно вибрировало, и я не сразу понял, что это просто стучит мое сердце. Я оглядел остальные двери. На самой дальней белела записка. Крупными буквами было написано *Реквизит*, а ниже, шрифтом помельче – *Мисс Квентин*. На секунду я закрыл глаза и затаил дыхание. Потом постучал.

Стук эхом отдался в тишине. Хриловатый голос сказал: «Войдите».

Я вошел в комнату. Комната была длинная, узкая, окнами на реку, и в ней царил многоцветный хаос, который я поначалу никак не воспринял. Посреди него, спиной ко мне, сидела за столиком Анна и что-то писала. Она медленно обернулась, и я закрыл за собою дверь. Долгую минуту мы молча смотрели друг на друга. Как вода наполняет стакан, так поднялась к глазам моя душа; и в щемящем спокойствии этой встречи мы оба пережили миг почти отрешенного созерцания. Анна встала, сказала: «Джейк!» И тут я ее увидел.

Она пополнила и не смогла или не захотела защититься от времени. Было в ней что-то увядшее, бесконечно трогательное. Лицо, которое запомнилось мне округлым и мягким, как абрикос, стало чуть усталым, напряженным, шея выдавала ее возраст. Большие карие глаза, когда-то глядевшие на мир так прямо, теперь словно сузились, и у наружных их уголков, там,

где Анна раньше продлевала их кверху темным карандашом, годы нарисовали крошечный сноп морщинок. Пряди волос, выбившиеся из замысловатой короны прически, вились у нее на шее, и я заметил в них седые нити. Я смотрел на это лицо, когда-то такое знакомое, и, впервые поняв, что красота его смертна, чувствовал, что никогда еще не любил его так сильно. Анна поймала мой взгляд и быстро, словно спасаясь от опасности, закрыла лицо руками.

– Ты здесь зачем, Джейк? – сказала она.

Чары были нарушены.

– Хотел тебя повидать, – ответил я и тут же постарался не смотреть на нее и собраться с мыслями. Я окинул взглядом комнату. В ней громоздились кучи всевозможных предметов, местами доходившие до потолка. Все содержимое этой комнаты было в каком-то смысле однородно и слитно, оно, казалось, липло к стенам, как варенье в начатой банке. А между тем чего тут только не было! Точно огромный игрушечный магазин, в который попала бомба. На первый раз я успел заметить валторну, лошадь-качалку, набор жестяных дудок в красную полоску, шелковый китайский халат, несколько ружей, яркие шали, плюшевых мишек, стеклянные шары, связки бус и других украшений, вогнутое зеркало, чучело змеи, множество игрушечных зверей и несколько железных сундуков, из которых выглядывали и свисали костюмы всевозможных цветов и оттенков. Изящные, дорогие игрушки лежали вперемешку с хламом из рождественских хлопушек. Я опустился на ближайшее сиденье – им оказалась спина лошади-качалки – и продолжал осмотр.

– Что это за диковинное место? – спросил я. – Чем ты теперь занимаешься, Анна?

– Да всем понемножку, – сказала Анна. Она всегда так говорила, если хотела что-нибудь от меня утаить. Я видел, что она нервничает: говоря, она все время брала в руки то ленту, то шарик, то длинный кусок брюссельских кружев. – Как ты разыскал меня? – спросила она.

Я сказал.

– Зачем ты пришел?

Мне не хотелось пускаться в банальный диалог из вопросов и ответов. Не все ли равно, зачем я пришел? Я и сам не знал зачем.

– Меня выгнали с квартиры. – Это было не очень вразумительно, но ничего, кроме правды, как-то не пришло мне на ум.

– Вот как? – сказала Анна. Потом спросила: – Что ты подделывал все эти годы?

Я пожалел, что мне нечем ее удивить, но опять на ум мне пришла только правда.

– Немножко переводил, – сказал я. – Немножко работал на радио. В общем, просуществовал.

Но я видел, что Анна не слушает моих ответов. Она взяла со стола пару красных перчаток, надела одну из них и, не глядя на меня, натягивала и разглаживала пальцы.

– Встречал за последнее время кого-нибудь из общих знакомых? – спросила она.

Я почувствовал, что на такой вопрос ответить не в силах.

– Какое кому дело до общих знакомых?

Что может быть мучительнее встречи после долгой разлуки, когда все слова падают на землю, как мертвые, а дух, который должен бы их оживлять, парит в воздухе, лишенный плоти? Мы оба ощущали его присутствие.

– Ты совсем не изменился, Джейк, – сказала Анна.

И верно, я выглядел почти так же, как в двадцать пять лет.

Она добавила:

– Жаль, что не могу сказать того же о себе.

– Ты выглядишь очаровательно.

Анна засмеялась и взяла в руки венки из искусственных цветов.

– Бог знает, на что похожа эта комната, – сказала она. – Я все собираюсь навести здесь порядок.

– И комната очаровательная.

– Ну, если ты *это* называешь очаровательным...

Она упорно не смотрела на меня. Еще минута – и мы будем беседовать спокойно, как двое старых знакомых. Этого я не намерен был допустить. Я посмотрел на нее. Среди упоительного хаоса шелков, зверей и всяких невообразимых предметов, достигавших ей чуть не до пояса, она казалась очень умной русалкой, выходящей из многоцветного моря; но через минуту она ускользнет от меня. Внезапно и мгновенно я осознал необычность всего этого дня; и тут же меня осенило. В прежние времена в гостиную Анны в Бэйсуотере смотрело столько чужих окон, что укрыться от них можно было лишь в одном уголке и притом на полу. Когда мне хотелось целовать Анну, я мог делать это только там. Тогда же я, не вполне бескорыстно, преподавал Анне основы дзюдо, и так у нас повелось, что, приходя, я хватал ее за руку, бросал в тот угол и целовал. Сейчас память об этом возникла во мне подобно вдохновению, и я двинулся к Анне. Я взял ее за запястье, на миг увидел совсем близко ее распахнутые тревогой глаза, а в следующую минуту я уже бросил ее, очень осторожно, на груды бархатных костюмов в углу комнаты. Колено мое ушло глубоко в бархат рядом с ней, и на нас дождем посыпались шарфы, кружева, жестяные дудки, мохнатые собаки, маскарадные шляпы и еще невесть что. Я поцеловал Анну.

Глаза ее все еще были распахнуты, губы полураскрыты, с минуту она лежала в моих объятиях жесткая, как большая кукла. Потом она засмеялась, я тоже засмеялся, и оба мы долго смеялись от облегчения и радости. Я почувствовал, как она вздохнула и обмякла, тело ее стало округлым и податливым, и мы поглядели друг другу в лицо и улыбнулись долгой улыбкой доверия и узнавания.

– Анна, родная моя! – сказал я. – И как я только мог без тебя жить! – Я нащупал какой-то сверток расшитого шелка и подсунул ей под голову вместо подушки. Она откинулась на него, долго смотрела на меня, а потом притянула к себе.

– Я много чего хочу рассказать тебе, Джейк, только сейчас, кажется, не могу. Я страшно рада тебя видеть. Ты ведь и сам это видишь, да? – Она заглянула мне в глаза, и я почувствовал знакомое дуновение теплого, пряного ветра. Конечно же, я в этом не сомневался.

– Жулик ты! – сказал я.

Анна подсмеивалась надо мной – так бывало всегда.

– Значит, какая-то женщина дала тебе отставку? – Она всегда наносила ответные удары.

– Ты же знаешь, что могла бы сохранить меня навсегда, если бы захотела. – Я не собирался ей это спустить, да и слова мои были более или менее правдой. – Я тебя любил, – добавил я.

– Ах, любовь, любовь! – сказала Анна. – Как мне надоело это слово. Что значила в моей жизни любовь, кроме скрипа лестниц в чужих домах? Что мне дала вся эта любовь, которую мне навязывают мужчины? Любовь – это преследование. А я хочу одного – чтобы меня оставили в покое, дали немножко полюбить самой.

Я хладнокровно глядел на нее, окружив ее голову руками, как рамкой.

– Если б ты хоть раз ощутила отсутствие любви, ты не стала бы от нее так отмахиваться.

Теперь она не отводила глаз, и во взгляде ее было что-то бесстрастное и оценивающее, чего я раньше не замечал.

– Нет, в самом деле, Джейк, – сказала она. – Все эти разговоры о любви так мало значат. Любовь – не чувство. Ее можно проверить. Любовь – это поступки, это молчание, тишина. Это вовсе не эмоциональные уловки и борьба за обладание, как тебе когда-то казалось.

Я нашел, что это глупые слова.

– Но любовь и означает обладание, – сказал я. – Ты бы это знала, если б имела понятие о неудовлетворенной любви.

– Нет, – неожиданно сказала Анна. – Неудовлетворенная любовь означает понимание. Только если есть полное, полное понимание, любовь, даже неудовлетворенная, остается любовью.

Я не слушал эту серьезную тираду – мое внимание задело слово «тишина».

– Что это за театр, Анна?

– Вот это как раз одна из тех вещей, Джейки, которые очень трудно объяснить. – Я почувствовал, как руки Анны сошлись у меня на поясице. Она прижала меня к себе, а потом добавила: – Это маленький эксперимент.

Фраза эта меня резанула. Не похоже было, что ее произнесла Анна. Тут звучал чей-то другой голос. Я решил свернуть с этой дорожки.

– Как твое пение? – спросил я.

– О, с пением покончено. Я не буду больше петь. – Взгляд Анны улетел за мое плечо, и она разняла руки.

– Бог с тобой, Анна, почему?

– В общем, – сказала Анна, и опять я почувствовал в ее тоне что-то искусственное, – мне не по душе зарабатывать деньги таким способом. Петь, как я, – это очень уж... – она поискала слово, – неприкрыто. В этом нет правды. Попросту пускаешь в ход свое обаяние, чтобы соблазнять людей.

Я взял ее за плечи и встряхнул.

– Ты сама не веришь в то, что говоришь! – воскликнул я.

– Верю, Джейк! – Анна бросила на меня чуть ли не умоляющий взгляд.

– А театр? – спросил я. – При чем тогда театр?

– Это чистое искусство. Очень простое и очень чистое.

– Анна, кто тебя обработал?

– Джейк, ты всегда был такой. Стоило мне сказать что-нибудь, что тебя удивляло, и ты говорил, что кто-то меня обработал.

К концу нашего разговора она положила руку мне на плечо, так что ей были видны ее часы, и я заметил, что время от времени она скользит по ним взглядом. Это меня взбесило.

– Перестань смотреть на часы! – сказал я. – Ты меня не видела несколько лет. Неужели ты не можешь уделить мне немного времени?

Я догадался, что очень скоро Анна намерена прервать наш tête-à-tête. Встреча наша шла по расписанию, о котором она ни на секунду не забывала. Вся жизнь Анны шла по расписанию; без часов она пропала бы, как монахиня. Я схватил запястье с часами и сжимал, пока она не стала морщиться от боли. Теперь она смотрела на меня пристально, тем ясным, вызывающим взглядом, который я помнил и любил с давних пор. Так мы с минуту глядели друг на друга. Мы хорошо друг друга знали. Я не выпустил ее рук, но ослабил хватку и поцеловал ее. Тело ее опять затвердело, но теперь было так, словно от меня ему передалась какая-то сила, и оно, как жесткая ракета, за которую я цеплялся, стремительно несло в пространстве. Я целовал ее напрягшую шею и плечо.

– Джейк, мне больно, – сказала Анна.

Я отпустил ее и без сил лежал у нее на груди. Она гладила меня по волосам. Мы долго лежали молча. Вселенная отдыхала, как большая птица.

– Сейчас ты скажешь, что мне надо уходить, – сказал я.

– Да. Вернее, мне самой надо уходить. Встань, пожалуйста.

Я поднялся с таким чувством, точно восстал от сна, и посмотрел на Анну. Она лежала среди пестрого хлама, как сказочная принцесса, свалившаяся с трона. Грудь и бедра тонули в шелках. Длинные волосы растрепались. Минуту она лежала неподвижно, и даже по выгнувшейся в подъеме ноге было видно, что она ощущает мой взгляд.

– Где твоя корона? – спросил я.

Анна порылась в груди шелков и извлекла золоченую корону. Мы рассмеялись. Я помог ей встать, и мы смахнули с ее платья крошки мишуры, золотую пыль и блески.

Пока Анна причесывалась, я бродил по комнате и все разглядывал. Мне сразу стало легко. Я знал, что еще увижусь с Анной.

– Объясни мне, что это за театр, – сказал я. – Кто здесь играет?

– Главным образом любители. Все мои знакомые. Но тут нужна совсем особая техника.

– Да, я это понял.

Анна быстро оглянулась на меня.

– Так ты входил в театр?

– Да, на одну минуту. А разве нельзя? Зрелище очень внушительное. Это что-то индийское?

– Связь с Индией есть, но по существу это нечто самостоятельное. – Я видел, что Анна думает о другом.

– Вот этот предмет бутафории вам едва ли понадобится, – сказал я, указывая на «гром».

На всякий случай поясню, что «гром» – это тонкий металлический лист величиной в два-три квадратных ярда; если его потряхнут, он и правда гроыхает, как далекие раскаты грома. Я подошел к нему.

– Не трогай! – сказала Анна. – Да, мы его продадим.

– Анна, ты не шутила насчет своего пения?

– Нет, – сказала она. – Это безнравственно. – И опять у меня появилось странное чувство, что я вижу человека в плену у какой-то теории. – Только очень простые вещи можно выразить без фальши, – добавила она.

– То, что я видел в театре, было не просто.

Анна развела руками.

– Зачем я тебе понадобилась?

Вопрос этот вернул меня на землю. Я ответил осторожно:

– Я хотел тебя видеть. Это ты знаешь. Но, кроме того, я должен решить, где мне жить. Может, ты мне посоветуешь. Здесь, наверно, мне нельзя поселиться? Где-нибудь на чердаке, например?

Анна поежилась.

– Нет, это невозможно.

Мы глядели друг на друга, быстро соображая.

– Когда я опять тебя увижу? – спросил я.

Лицо Анны стало жестким и отчужденным.

– Джейк, оставь меня на некоторое время в покое. Мне много о чем нужно подумать.

– Мне тоже. Могли бы подумать вместе.

Она улыбнулась бледной улыбкой.

– Если ты мне понадобишься, я тебя позову. Вполне вероятно, что так и будет.

– Надеюсь, – сказал я и записал ей на клочке бумаги адрес Дэйва. – Предупреждаю, что если я не понадоблюсь долго, то явлюсь и без зова.

Анна опять смотрела на часы.

– Можно тебе написать? – спросил я. Опыт говорил мне, что если женщина сколько-нибудь заинтересована в том, чтобы сохранить свою власть над вами, то в этом она не откажет. Это связывает, не компрометируя. Анна, зная мое мнение на этот счет, как, впрочем, и насчет почти всех других предметов, внимательно поглядела на меня, и оба мы улыбнулись.

– Ну что ж, – сказала она. – Можешь писать на адрес театра.

Теперь она, легонько хмурясь, собирала свои вещи. Мне пришло в голову, что она озабочена тем, как бы незаметно выпроводить меня отсюда.

– Мне и сегодня негде спать, – сказал я (первая ложь). – Можно, я переночую здесь?

Анна опять бросила на меня внимательный взгляд, прикидывая, в какой мере я разгадал ее мысли. Помолчав, она сказала:

– Хорошо. И не провожай меня вниз. Только дай мне слово, что не будешь тут рыскать и завтра уйдешь рано утром.

Я дал слово.

– Посоветуй, где мне жить, Анна.

Я подумал, что раз она позволила мне переночевать в театре, то, может быть, смягчится и насчет чердака. Анна прибрала на столе и заперла ящики.

– Вот что, – сказала она. – Толкнись к Сэди. Она уезжает в Штаты, ей нужен кто-нибудь, кто бы мог сторожить квартиру. Может, ты ей подойдешь. – Она быстро написала мне адрес.

Я взял его без восторга.

– Сейчас вы с ней в дружбе? – спросил я.

Анна рассмеялась чуть раздраженно.

– Она моя сестра. Мы терпим друг друга. Почему бы тебе вообще ее не навестить, может, что и получится. – И она с сомнением поглядела на меня.

– Ну что ж, давай встретимся завтра и еще обсудим это дело.

Тогда Анна решилась.

– Нет. Сходи повидай Сэди. А сюда не возвращайся, пока я не позову.

Она направилась к двери. Я взял ее за руку и обнял очень нежно. Она тоже крепко меня обняла. Мы расстались.

После того как затворилась дверь, я не услышал ни звука и несколько минут стоял как замороженный. В комнате уже совсем стемнело, а за окнами еще синел летний вечер, в деревьях и на реке, дрожа, переливались краски. Потом я услышал, как трогается с места машина. Я подошел к окну. Если немного высунуться, виден кусок переулка. Из-за угла, мурлыча, выплыл роскошный черный «альвис» и пополз к улице. Я подумал, сидит в нем Анна или нет. Сейчас это было мне почти безразлично. Что касается того, как неловко она от меня отделалась, то это было мне не внове. Почти все мои знакомые женщины так поступают, и я уже привык не задавать вопросов ни вслух, ни даже мысленно. Все мы знаем только кусочки чужих жизней и очень бы удивились, если б могли увидеть все. Я не сомневался, что тут замешан мужчина – с Анной всегда так бывало. Но думать об этом не к спеху.

Хорошо было побыть одному. Я прожил невыносимо насыщенный день и теперь тихо сидел, положив локти на подоконник и глядя в сторону Хэммерсмитского моста. Река, едва слышно журча, уносила последние остатки дневного света и наконец обратилась в черное, невидимое движение. Я перебрал в памяти свидание с Анной. Некоторые ее слова показались мне странными, но не об этом я думал. Я вспоминал ее жесты и как она нервно брала в руки то шарик, то ожерелье, вспоминал изгиб ее бедра, когда она лежала на полу, седые нити в волосах, усталую шею. Все это вызывало как будто новую любовь, в сто раз более глубокую, чем прежняя. Я был взволнован. И в то же время я думал об этом не без иронии. Я не раз и в прошлом бывал взволнован, и мало что из этого получалось. Твердо я знал одно: что-то осталось неприкосновенным из того, что между нами было; и, конечно же, оттого, что с тех пор прошло много времени, эти остатки сделались тем более драгоценными. Я с известным удовлетворением вспоминал нашу встречу и то, как замечательно Анна откликалась на прежние знаки.

Теперь на мосту зажглись фонари, и черная река вдалеке впадала в дробящуюся полосу света. Я отвернулся от окна и спотыкаясь добрал до двери. Выключатель щелкнул, и где-то в углу загорелась лампа, прикрытая во много слоев легкими платками. Анна не велела мне рыскать, но запрет был выражен туманно, и я решил, что немного порыскать можно. Мне очень хотелось снова побывать в крошечном зрительном зале, отчасти поэтому я и рискнул попросить у Анны позволения остаться. При тусклом свете я отыскал выключатель на площадке и, закрыв за собой дверь бутафорской, пошел к двери в зал. Я бы не удивился, если бы оказалось,

что пантомима продолжается в темноте. Я взялся за ручку, но дверь оказалась заперта. Попробовал остальные двери на площадке, а потом все двери внизу, в холле. К великой моей досаде, все они были заперты. И тогда тишина этого дома стала душить меня, как туман, и внезапно меня объял страх, что сейчас я вернусь наверх и комната с реквизитом тоже окажется запертой. Я бесшумно взбежал по лестнице и ворвался в комнату. Лампа тускло горела, все было как прежде. Я подумал было выйти на улицу и попробовать проникнуть в зал через боковой вход, но какой-то дух запретил мне покидать пределы дома. Сняв с лампы два-три слоя материи, я оглядел комнату. Сейчас она выглядела еще более неправдоподобно. Я побродил из угла в угол, касаясь тех вещей, которые держала в руках Анна. Взгляд мой упорно тянулся к «грому», меня так и подмывало с разбега ударить по нему кулаком. Я думал о том, какой великолепный шум в нем таятся и как я мог бы заполнять им все здание. Я вообразил это так явственно, что чуть не вспотел. Но что-то принуждало меня хранить тишину, я даже ходил на цыпочках.

Спустя какое-то время у меня возникло противное чувство, что на меня смотрят. Я очень остро ощущаю чужой взгляд, и чувство это часто возникает у меня не только среди людей, но и в присутствии мелких животных. Однажды причиной его даже оказался большущий паук, устремивший на меня свои загадочные глаза. По моим наблюдениям, паук – самая мелкая тварь, чей взгляд можно почувствовать. Теперь я стал искать, что же это на меня смотрит. Ничего живого я не обнаружил, но в конце концов набрел на комплект масок, похожих на те, что видел на сцене; раскосые их глаза были скорбно обращены в мою сторону. Я, очевидно, бессознательно заметил их во время своих странствий по комнате. Теперь я как следует их рассмотрел, и меня поразила пугающая красота рисунка и безмятежность, которую выражали даже самые неприятные из них. Они были вырезаны из легкого дерева – одни анфас, другие в профиль – и слегка подкрашены. Было что-то чуть восточное в их выражении, таившееся, пожалуй, не столько в разрезе глаз, сколько в тонком изгибе рта. Некоторые определенно напомнили мне индийские статуи Будды, когда-то виденные. Все были чуть больше натуральной величины. Смотреть на них было неприятно, и скоро я, нервно поеживаясь, водворил их на место. Они глухо стукнули, когда я выпустил их из рук, и от этого я вздрогнул и заново ощутил тишину. И тут я стал замечать, что комната полным-полна глаз – большие пустые глаза лошади-качалки, глаза-бусинки плюшевых мишек, красные глаза чучела змеи, глаза кукол, уродцев, бибабо. Мне стало жутко. Я снял с лампы остальные платки, но она давала мало света. В дальнем углу что-то мягко соскользнуло вниз. Я сел на пол посреди комнаты, скрестил ноги и постарался подумать о чем-нибудь осязаемом.

Я достал из кармана клочок бумаги, который дала мне Анна. Адрес был – Уэлбек-стрит. Я глядел на него и гадал, намерен ли я постучаться в дверь Сэди, а вернее, суждено ли мне это. По уже упомянутым причинам мне этого не хотелось. Но, с другой стороны, теперь, когда повидаться с ней мне предложила Анна, все выглядело по-иному. Если Анна и Сэди в дружбе, значит, общение с Сэди – один из способов не терять связи с Анной. Кроме того, мне уже становилось любопытно, как Сэди меня примет. И наконец, мало кто так свободен от земного тщеславия, чтобы, при прочих равных условиях, отказаться от дружеской встречи с женщиной, чье лицо красуется по всему Лондону на афишах в двенадцать футов высотой. Потом я подумал, как было бы здорово, если бы Сэди в самом деле уехала и оставила меня хозяином роскошной бесплатной квартиры на центральной улице. Перспектива была так заманчива, что ради нее стоило рискнуть нарваться на отказ. Я уже начинал верить, что хотя бы расследую положение на Уэлбек-стрит.

Когда я чисто индуктивным путем достиг такого вывода относительно своих ближайших шагов, мне стало легче и сразу захотелось спать. Пол был так загроможден, что пришлось расчищать себе место. Вскоре показался кусок закапанного белого ковра. Тогда я стал искать, что бы употребить вместо одеяла. В тканях недостатка не было. В конце концов я остановил свой выбор на шкуре медведя, с мордой и когтями. Свет я не стал выключать, но опять наки-

нул на лампу тонкие платки, так что она еле светилась. Мне не улыбалось проснуться среди ночи и оказаться в такой комнате одному в кромешной тьме. Потом я сунул руки и ноги в медвежьи лапы, а огромную оскаленную морду опустил себе на голову. Получился уютный спальный мешок. Я еще немножко подумал об Анне и о том, что она, черт возьми, затеяла. Нетрудно было поверить, что этот театр – ее идея; но тут явно поработала и еще чья-то мысль, и временами Анна, несомненно, говорила с чужих слов. И еще я подивился, откуда у нее взялись деньги. Наконец я зевнул и разлегся поудобнее. Подушкой мне служила восточная шаль. Какие-то мягкие предметы упали мне на ноги. Потом наступила тишина. Сон никогда мне не изменяет и, если позвать его, не заставляет себя долго ждать. Я уснул почти мгновенно.

Глава 4

На следующее утро, часов в десять, я шел по Уэлбек-стрит. Настроение у меня было скверное. При свете дня затея казалась куда менее привлекательной. Я чувствовал, что, получив щелчок от кинозвезды, надолго потеряю душевное равновесие. Но поскольку решение было принято, не выполнить его было нельзя. Этим методом я уже часто разрешал трудные проблемы. На первой стадии я рассматриваю тот или иной шаг как чистую гипотезу, а на второй уже считаю первую стадию твердым решением, от которого нельзя отступаться. Рекомендую эту технику всем, кому решения даются с известным трудом. Меня соблазняло вернуться в театр и попробовать еще раз увидеть Анну, но я боялся ее обидеть. Таким образом, оставалось одно – повидать Сэди и покончить с этим.

Квартира Сэди была на четвертом этаже, дверь стояла открытой. Появилась уборщица и сказала, что мисс Квентин нет дома. Затем эта простая душа сообщила мне, что мисс Квентин у парикмахера, и назвала модное заведение в Мэйфэре. (Из предосторожности я помянул, что прихожусь мисс Квентин родней.) Я поблагодарил ее и зашагал обратно к Оксфорд-стрит. Мне уже приходилось навещать женщин в парикмахерских, идея эта меня не страшила. Более того, женщины, по моим наблюдениям, особенно восприимчивы и милосердны, когда навещаешь их в парикмахерской, может быть, потому, что им приятно продемонстрировать плененного представителя мужской половины рода человеческого стольким другим женщинам в минуту, когда те, бедняжки, не имеют своих поклонников при себе. Однако, чтобы играть эту роль, нужно выглядеть прилично, и я первым делом пошел побриться. Затем я купил себе на Оксфорд-стрит новый галстук, а старый выбросил. Поднимаясь по благоухающей парфюмерией лестнице парикмахерской, я мельком увидел себя в зеркале и решил, что вполне сойду за интересного мужчину.

Дамские парикмахерские подчинены некоему неисповедимому закону природы, гласящему, что в этой сфере, в отличие от других, чем дороже фирма, тем больше клиентки должны быть на виду. Какой-нибудь продавщице в Патни могут сделать прическу в уединении закрытой портьерами кабинки, но богатые женщины в Мэйфэре вынуждены сидеть рядами и подвергаться преобразению на глазах друг у друга. Я очутился в огромной комнате, где множество изящных головок находились в различных стадиях сборки. Передо мной тянулся ряд нарядно одетых спин, и, оглядывая их в поисках Сэди, я чувствовал, что за мной наблюдают из десятка зеркал, разделенных лампами под розовыми колпачками. Сперва я ее не нашел. Я двинулся вдоль ряда, заглядывая в каждое зеркало, и то молодые, то старые лица встречали мой взгляд из-под завитых и туго уложенных волос. В каждой паре глаз читалось любопытство, так что я почувствовал себя принцем из сказки. Я был рад, что догадался потратиться на новый галстук. В конце ряда несколько голов было прикрыто урчащими электрическими сушилками. И здесь-то наконец я увидел в зеркале глаза, которые могли принадлежать только Сэди.

Я остановился и положил руки на спинку стула. Так я постоял, серьезно глядя в эти глаза, пока в ответном взгляде их обладательницы равнодушные не сменилось сначала враждебностью, а затем проблеском узнавания.

Сэди чуть взвизгнула, потом крикнула: «Джейк!»

Я чувствовал, что на нас смотрят. Я уже не жалел, что пришел сюда.

– Хэлло, Сэди! – сказал я, и в моей радостной улыбке не было ни капли притворства.

– Золото мое! – сказала Сэди. – Я тебя сто лет не видела. Вот хорошо-то! Ты меня искал?

Я сказал, что да, принес себе стул и уселся у нее за плечом. Мы улыбались друг другу в зеркале. Я решил, что мы интересная пара. Сэди выглядела прелестно, хотя волосы у нее и были стянуты сеткой; она ничуть не постарела, скорее наоборот. Даже с поправкой на розовые

абажуры цвет лица у нее был безупречный, а карие глаза так и сверкали. Я невольно положил руку на ее плечо.

– Дуся ты мой! – сказала Сэди. – Что за проделки у тебя на уме? Расскажи мне все!

В ее голосе и манере была аффектация – это было что-то новое. И говорила она во весь голос и как-то необычайно звонко, так что каждое слово эхом отдавалось по всей комнате. Через минуту я нашел этому объяснение: оглушенная урчанием сушилки, она сама не понимала, как громко говорит.

Я ответил, тоже повысив голос:

– Да что, занимаюсь своей писаниной. Все книги, книги. Сейчас у меня их начато штуки три. От издателей просто отбою нет.

– Ты всегда был такой умный, Джейк! – восхищенно прокричала Сэди.

Если не считать шепота мастеров, в огромной комнате царило молчание, и я чувствовал, как все уши жадно впитывают наш разговор. Кто такая Сэди, было известно здесь всем, в этом не было сомнения, и я решил насладиться нашей беседой в полной мере.

– Ну как тебе живется? – спросил я.

– Скука смертная, – отвечала Сэди. – Работа просто выматывает. Вздохнуть некогда – с раннего утра до поздней ночи. Еле вырвалась сюда, чтобы хоть причесаться спокойно. С нашим студийным парикмахером я поругалась. Я так устала, что ругаюсь со всеми подряд. – И она одарила меня обольстительной улыбкой.

– Когда ты могла бы со мной пообедать, Сэди?

– Ох, миленький, я законтракована на много дней вперед. Даже сюда за мной приедут. Ты как-нибудь заходи выпить ко мне домой.

Я быстро кое-что прикинул. Очевидно, дни у Сэди заполнены до отказа, и, возможно, другого случая поговорить о деле не представится. Так что если уж поднимать щекотливый вопрос, то лучше не медлить.

– Сэди, послушай, – сказал я, понизив голос.

– Что, миленький? – прокричала Сэди из-под сушилки.

– Послушай! – прокричал и я. – Говорят, ты хочешь на время отъезда сдать свою квартиру!

Перед столь многочисленной публикой я не решился задать вопрос менее деликатно. Я надеялся, что у Сэди хватит такта ответить как нужно.

Ответная реплика Сэди превзошла все мои ожидания.

– И не подумай, – сказала она. – Мне нужен кто-нибудь стеречь квартиру, и даже более того – мне нужен телохранитель, так что можешь приступить хоть сегодня.

– Что ж, с удовольствием. У меня как раз истек срок аренды, и я, можно сказать, бездомный бродяга.

– Тогда переезжай немедленно! – заорала Сэди. – Ты меня страшно выручишь, если просто побудешь у меня немножко. Понимаешь, меня сейчас преследует совершенно невыносимый человек.

Это звучало интригующе. Чувствовалось, что окружавшие нас уши наострились. Я засмеялся, как истый мужчина.

– Ну, кулаки-то у меня крепкие. Я сумею навести в этом деле порядок. Только с условием, чтобы я мог и поработать. – Мне уже мерещилось что-то даже лучшее, чем Эрлс-Корт-роуд.

– Дорогой мой, квартира необъятная. Можешь занять хоть четыре комнаты. Просто мне будет спокойнее, если ты поживешь там до моего отъезда. Этот тип влюблен в меня до безумия. Он врывается во всякое время дня и ночи, а не то звонит по телефону. Просто никакие нервы не выдерживают.

– Меня ты, надеюсь, не будешь бояться? – спросил я, двусмысленно ухмыляясь ей в зеркало.

Сэди хохотала долго и звонко.

– Ну что ты, Джейк, золотко, ты же вполне безобидный! – выкрикнула она.

Такой поворот мне не понравился. Краешком глаза я заметил, что несколько нарядных женщин вытянули шеи, стараясь меня разглядеть. Я решил, что пора переменить тему.

– И кто же эта невыносимая личность? – спросил я.

– В том-то и ужас, что это сам шеф, Белфаундер. Так что представляешь, как это все неудобно. Я просто сама не своя.

При звуке этого имени я чуть не свалился со стула. Комната пошла кругами, и Сэди различал как сквозь туман. Это в корне меняло дело. Отчаянным усилием я сохранил спокойное выражение лица, но желудок мой бунтовал, как бешеная кошка. Мне хотелось одного – уйти и обдумать эту поразительную новость.

– А ты уверена? – спросил я Сэди.

– Ну сам посуди, неужели я не знаю, у кого работаю?

– Я не о том. Ты уверена, что он в тебя влюблен?

– Влюблен до потери сознания, – сказала Сэди. – А кстати, как ты узнал, что мне нужен сторож?

– Анна сказала, – ответил я. Теперь мне было не до уверток.

Глаза Сэди в зеркале холодно блеснули.

– Ты опять видишься с Анной?

Я терпеть не могу такие намеки.

– Ты ведь знаешь, мы с Анной старые друзья.

– Да, но ты же не видел ее бог знает сколько времени, разве не так? – спросила Сэди громче прежнего.

Разговор наш стал мне решительно неприятен. Я не чаял, как уйти.

– Я довольно долго прожил во Франции.

Сэди едва ли была подробно осведомлена о жизни своей сестры. Сейчас лицо ее стало сосредоточенно-зловным. Она сделалась похожа на красивую змею; и у меня мелькнула странная фантазия, что, вздумай я заглянуть под сушилку, не на отражение, а на самое лицо, я увидел бы страшную старую ведьму.

– Ну что ж, приходи во вторник пораньше, – сказала Сэди. – Я введу тебя во владение. А насчет обязанностей телохранителя – это я серьезно.

– С восторгом, моя дорогая, – произнес я, как автомат. – Приду непременно. – И я поднялся. – А сейчас мне нужно повидаться с издателем.

Мы обменялись улыбками, и я зашагал к двери, провожаемый множеством восхищенных женских глаз.

Я еще не упоминал о том, что знаком с Белфаундером. Поскольку мои отношения с Хьюго – главная тема этой книги, не было смысла забегать вперед. Вы еще услышите об этом более чем достаточно. Для начала я, пожалуй, сообщу вам кое-что о самом Хьюго, а потом расскажу, при каких обстоятельствах мы познакомились, и немножко – о ранней поре нашей дружбы.

Белфаундер – не настоящая его фамилия. Родители его были немцы, и фамилию Белфаундер его отец принял, когда переселился в Англию. Он вычитал ее как будто бы на надгробном камне сельского кладбища в Глостершире и решил, что она подойдет для деловой карьеры. Так оно, видимо, и было, потому что, когда пришло время, Хьюго получил в наследство процветающий военный завод и фирму «Белфаундер и Берман» по производству стрелкового оружия. К несчастью для фирмы, Хьюго был в то время заядлым пацифистом, и в результате различных пертурбаций Берман вышел из дела, а у Хьюго осталось небольшое предприятие, получившее впоследствии вывеску – «Акц. о-во Белфаундер – Ракеты и фейерверки». Он ухитрился превратить военный завод в пиротехнический и несколько лет занимался производством ракет, сигнальных патронов Вери, динамита для бытовых нужд и всевозможных фейерверков.

Как я уже сказал, поначалу предприятие было скромное. Но деньги как-то всегда липли к Хьюго, он просто не мог их не наживать; и вскоре он уже был очень богат и процветал почти так же, как в свое время его отец. (Процветать *совсем* так же, как фабрикант оружия, не дано никому.) Однако жил он всегда просто и в ту пору, когда я с ним познакомился, периодически работал художником на собственной фабрике. Специальностью его были композиции. Как вы, вероятно, знаете, создание фейерверка-композиции – работа чрезвычайно искусная, требующая и физической сноровки, и творческой изобретательности. Своеобразные тонкости этого ремесла увлекали и вдохновляли Хьюго: точнейшее соотношение частей, контрастные эффекты взрыва и цвета, слияние пиротехнических стилей, методы сочетания силы блеска и продолжительности, извечный вопрос концовки. Хьюго смотрел на свои композиции как на симфонию; фейерверки-картины он считал вульгарными и от души презирал. «Фейерверк – это нечто *sui generis*⁷, – сказал он мне однажды. – Если уж сравнивать его с другим искусством, так разве что с музыкой».

Фейерверки таили в себе для Хьюго неизъяснимую прелесть. Мне кажется, его больше всего пленяла их недолговечность. Помню, он пытался внушить мне, что фейерверк – это что-то очень *честное*. Всякому ясно, что это всего лишь мимолетная вспышка красоты, от которой через минуту ничего не останется. «В сущности, таково же всякое искусство, – говорил Хьюго, – только мы не любим признавать это. Леонардо это понимал. Он нарочно создал свою «Тайную вечерю» такой непрочной». По теории Хьюго, человек, наслаждаясь фейерверками, учится наслаждаться любым земным великолепием. «Получаешь за свои деньги удовольствие и в точности знаешь, когда оно кончится, – говорил Хьюго. – О фейерверках никто не болтает профессиональной чепухи».

К сожалению, он ошибался, и его теории оказались губельны для его же мастерства. На композиции Хьюго появился огромный спрос. Без них не обходился ни один шикарный вечер в загородном доме, ни одно общественное празднество. Их даже вывозили в Америку. А потом за дело взялись газеты – стали называть их произведениями искусства и делить на стили. Отвращение, которое испытывал от этого Хьюго, не давало ему работать. Вскоре он прямо-таки возненавидел свои композиции, а еще через некоторое время совсем их забросил.

Своим знакомством с Хьюго я обязан насморку. У меня это был период острого безденежья, и мне приходилось очень и очень туго, пока я не обнаружил некое до смешного великодушное учреждение, где я мог получить бесплатную квартиру и стол в обмен на то, что представлял себя в качестве морской свинки для опыта по лечению насморка. Опыт проводился в прелестном загородном доме, где можно было оставаться сколько угодно времени, подвергаясь различным видам заражения и лечения. Насморк я не люблю, а из способов лечения, которые на мне пробовали, ни один как будто не дал хороших результатов; но, с другой стороны, я жил на всем готовом и работать с насморком вполне можно привыкнуть. Это даже неплохая тренировка для жизни в более нормальных условиях. В общем, я там писал довольно много, во всяком случае до того, как появился Хьюго.

Руководители этого благотворительного учреждения рекомендовали своим жертвам селиться парами, поскольку, как было указано в проспекте, лишь немногие люди способны переносить полное одиночество. Я и сам, как вы знаете, не люблю одиночества, но после нескольких попыток пришел к выводу, что общество болтливых дураков еще хуже, и, возвратившись под эту отрадную сень на второй срок, попросил дать мне отдельную комнату. В самом деле, такая изоляция, комфортабельная и не слишком строгая, как нельзя лучше меня устраивала. Мне пошли навстречу; но только что я втянулся в работу, а заодно и в борьбу с особенно жестоким насморком, как мне объявили, что в доме не хватает мест и придется мне все-таки принять к себе сожителя. Выбора не было, я согласился и, надо сказать, очень неласково

⁷ Своего рода, стоящее особняком (*лат.*).

посмотрел на огромного лохматого субъекта, который ввалился в комнату, положил вещи на кровать и уселся за второй стол. Я что-то сердито промычал в знак приветствия, ясно давая понять, что с болтунами не знаюсь. Еще больше меня обозлило то обстоятельство, что меня только заразили, а сосед получил и насморк, и лечение, так что, пока я чихал, задыхался и дюжинами изводил бумажные носовые платки, он полностью сохранял человеческое достоинство и казался воплощением здоровья. Я так и не уяснил себе, по какому принципу проводился опыт, но насморков мне, сколько помнится, всегда доставалось больше нормы.

Я боялся, что мой сосед окажется болтуном, но вскоре выяснилось, что опасения мои напрасны. В первые два дня мы не обменялись ни единым словом. Казалось, он вообще не замечает моего присутствия. Он не писал и не читал, а проводил почти все время, сидя у стола и глядя на зеленые кусты и лужайки за окном. Иногда он что-то бормотал про себя или вполголоса произносил какую-нибудь фразу. У него была привычка кусать ногти, а однажды он достал перочинный нож и до тех пор ковырял им мебель, пока один из служителей не отобрал у него это орудие. Сперва я заподозрил, что он слегка помешан. На второй день я даже стал его побаиваться. Он был рослый и толстый, с широченными плечами и огромными ручищами. Массивная голова была обычно втянута в плечи, а задумчивый взгляд все прослеживал в комнате или за окном воображаемую линию, не соединявшую, казалось, никаких предметов, попадавших в его поле зрения. У него были темные спутанные волосы. Большой бесформенный рот время от времени раскрывался, чтобы выпустить какие-то нечленораздельные звуки. Изредка он начинал что-то напевать себе под нос, но тотчас умолкал – это был единственный признак того, что он ощущает мое присутствие.

К концу второго дня я почувствовал, что работать больше не в силах. Снедаемый одновременно раздражением и любопытством, я тоже стал смотреть в окно, сморкаясь и придумывая, как бы установить человеческое общение, без которого просто невозможно было жить дальше. В конце концов я без всяких дипломатических уловок спросил, как его зовут. Когда он прибыл, нас представили друг другу, но я не слушал и не запомнил. Он обратил на меня взгляд очень добрых темных глаз и назвался: «Хьюго Белфаундер». Потом добавил: «Я думал, вам не хочется разговаривать». Я сказал, что, напротив, люблю поговорить, но в день его приезда был поглощен одним вопросом и прошу извинить меня, если вел себя грубо. Когда он заговорил, у меня создалось впечатление, что он не только вполне нормален, но и очень умен; и я почти машинально стал складывать свои бумаги. Мне уже было ясно, что работать я больше не буду, ибо оказался один на один с интереснейшим человеком.

С этой минуты у нас с Хьюго начался разговор, подобного которому я не мог себе и представить. Мы быстро рассказали друг другу свои биографии, причем я, во всяком случае, проявил несвойственную мне правдивость. А потом мы стали обмениваться мнениями об искусстве, политике, литературе, истории, религии, науке, обществе и вопросах пола. Мы говорили не смолкая весь день. Часто до поздней ночи. Иногда мы так орали и смеялись, что получали замечания от начальства, а один раз нас пригрозили расселить. В разгар нашей беседы очередной курс эксперимента закончился, но мы тут же завербовались на следующий. В конце концов у нас завязался спор, тема которого имеет отношение к настоящей повести.

Хьюго часто называют идеалистом. Я скорее назвал бы его теоретиком, хотя и очень своеобразным. У него не было ни практических интересов, ни нравственной серьезности, присущих тем, на кого обычно наклеивают ярлык «идеалист». Это был самый объективный и беспристрастный человек, какого я встречал, но объективность его была не столько добродетелью, сколько врожденным даром, и сам он совершенно ее не сознавал. Выражалась она даже в его голосе и манере держаться. Ясно помню его таким, каким часто видел во время наших бесед, когда он, наклонившись вперед и кусая ногти, возражал на какую-нибудь мою непродуманную сентенцию. Он был медлительный спорщик. Медленно раскрывал рот, опять закрывал его, опять раскрывал и наконец решался. «Вы хотите сказать...» – начинал он и пересказывал мои

слова конкретно и просто, после чего моя мысль либо оказывалась много понятнее и глубже, либо оборачивалась полнейшей чепухой. Я не хочу сказать, что Хьюго всегда был прав. Иногда он совершенно не понимал меня. Довольно скоро я обнаружил, что лучше его осведомлен почти обо всех предметах, которых мы касались. Но когда мы, с его точки зрения, заходили в тупик, он очень быстро замечал это и говорил: «На это я ничего не могу сказать» или «Боюсь, тут я вас совсем, совсем не понимаю», причем говорил так решительно, что тема отпадала. И направлял разговор с начала до конца не я, а Хьюго.

Его интересовало все на свете, интересовала теория всего на свете, но, как я уже сказал, очень своеобразно. У него были теории на все случаи, а одной, основной теории не было. Я не встречал человека, столь начисто лишённого того, что можно было бы назвать философским мировоззрением. Скорее, пожалуй, он старался докопаться до сути всего, что попадалось ему на пути, и всякий раз подходил к делу с абсолютно свежим восприятием. Следствия этого бывали поразительны. Помню один наш разговор – о переводе. Хьюго о переводе понятия не имел, но, узнав, что я переводчик, пожелал понять, что это такое. Посыпались вопросы: что значит – вы обдумываете смысл по-французски? Откуда вы знаете, что думаете по-французски? Если вы представляете себе какую-то картину, откуда вы знаете, что она французская? Или вы мысленно произносите французские слова? Что вы видите, когда убеждаетесь, что перевод верен? Может, вы воображаете, что подумал бы кто-нибудь другой, увидев его в первый раз? Или это просто такое ощущение? Какое именно? Вы не можете описать его подробно? И так далее, и так далее, с невообразимым терпением. Иногда это выводило меня из равновесия. Самая простая, на мой взгляд, фраза под упорным нажимом Хьюго с его вечными «Вы хотите сказать...» становилась темным, загадочным изречением, которого я уже и сам не понимал. Процесс перевода, раньше казавшийся мне яснее ясного, представлялся теперь столь сложным и необычайным, что оставалось только диву даваться, как кто-либо вообще может его осуществить. Но в то же время расспросы Хьюго почти всегда проливали новый свет на те предметы, которых он касался. Для Хьюго все было удивительно, чудесно, замысловато и таинственно. Во время наших разговоров я точно заново увидел весь мир.

Вначале я все пытался как-то «определить» Хьюго. Раза два я прямо спросил его, придерживается ли он той или иной общей теории, но он всегда отрицал это с таким видом, словно обижен проявлением дурного вкуса. Позднее мне и самому стало казаться, что задавать Хьюго такие вопросы – значит игнорировать его неповторимую умственную и нравственную сущность. Я понял, что никаких общих теорий у него нет. Все его теории, если можно их так назвать, были частные. И все же мне думалось, что при известном усилии я сумею проникнуть в средоточие его мыслей, так что я с особенной горячностью обсуждал с ним уже не политику, искусство или вопросы пола, а особенности его подхода к вопросам пола, искусству или политике. Наконец у нас состоялся-таки разговор, затронувший, как мне казалось, какую-то центральную мысль в сознании Хьюго, если применительно к сознанию Хьюго можно говорить о чем-то столь конкретном, как центр. Сам он, вероятно, стал бы это отрицать; вернее, он бы просто не понял, как мысли можно разделить на центральные и боковые. Все началось со спора о Прусте. От Пруста мы перешли к обсуждению того, что значит описать какое-то чувство или душевное состояние. Хьюго считал, что в этом нелегко разобраться (как, впрочем, и во всем остальном).

– Описывать человеческие чувства как-то непорядочно, – сказал Хьюго. – Все эти описания такие эффектные...

– А чем это плохо? – спросил я.

– Тем, что это значит: с самого начала допущена фальшь. Если я постфактум говорю, что я испытывал то-то и то-то, скажем, что мною владело предчувствие, это просто неправда.

– То есть как?

– Да я этого не испытывал. В то время я не чувствовал ничего подобного. Это я только потом говорю.

– Но если очень постараться быть точным?

– Это невозможно, – сказал Хьюго. – Единственный выход – молчать. Стоит мне начать что-то описывать, и я пропал. Вот попробуйте что-нибудь описать, хотя бы эту нашу беседу, и вы увидите, что невольно начнете...

– Приукрашивать ее? – подсказал я.

– Тут дело серьезнее. Самый язык не даст вам изобразить ее такой, какой она была.

– Ну а если описать ее тут же, одновременно?

– Как вы не понимаете, – сказал Хьюго, – тогда-то и обнаружится обман. Нельзя дать одновременное описание, не понимая, что оно неверно. В то время можно было в лучшем случае сказать что-нибудь насчет того, что у вас билось сердце. Но сказать, что вами владело предчувствие, – это только попытка произвести впечатление, это погоня за эффектом, это ложь.

Тут и я призадумался. Я чувствовал в рассуждениях Хьюго какую-то ошибку, но в чем она, не мог понять. Мы еще немного поспорили, потом я сказал:

– Но тогда и все, что мы говорим, своего рода ложь, кроме разве таких вещей, как «Передайте мне джем» или «На крыше сидит кошка».

Хьюго ответил не сразу.

– Пожалуй, что и так, – произнес он серьезно.

– Значит, разговаривать не следует, – сказал я.

– Пожалуй, что и так, – отозвался Хьюго без тени улыбки. А потом я поймал его взгляд, и мы покатались со смеху, вспомнив, что много дней подряд только и делали, что разговаривали. – Это колоссально! – сказал Хьюго. – Конечно, разговаривать приходится. Но, – и он опять посерьезнел, – на потребность общения делают слишком много скидок.

– Это как же понимать?

– Когда я говорю с вами, даже сейчас, я все время говорю не *в точности* то, что думаю, а то, что может вас заинтересовать и вызвать отклик. Даже между нами это так, а уж там, где для обмана есть более сильные побуждения, – и подавно. К этому так привыкаешь, что уже перестаешь замечать. Да что там, язык вообще машина для изготовления фальши.

– А что бы случилось, если б все стали говорить правду? – спросил я. – По-вашему, это возможно?

– Я по себе знаю, – сказал Хьюго, – что, когда я действительно говорю правду, слова слетают с моих губ мертвыми и на лице моего собеседника не отражается абсолютно ничего.

– Значит, мы никогда по-настоящему не общаемся?

– Как вам сказать. *Поступки*, по-моему, не лгут.

Чтобы достигнуть этой точки, нам потребовалось пять или шесть курсов лечения. Мы приспособились болеть насморком по очереди, чтобы ослабление умственной деятельности, буде он таковое вызывает, распределялось поровну. На этом настоял Хьюго; сам я охотно взял бы все насморки на себя – отчасти потому, что в мое отношение к Хьюго вкралось желание опекать его, отчасти же потому, что Хьюго, когда у него насморк, производит невыносимый шум. Не знаю, почему нам не пришло в голову, что продолжать наши беседы мы можем и за стенами насморочного заведения. Возможно, мы боялись сделать перерыв. Трудно сказать, когда мы догадались бы выехать по собственному почину, но в один прекрасный день нам предложили освободить палату – начальство опасалось, как бы дальнейшие насморки вконец не подорвали наше здоровье.

К этому времени я совсем подпал под обаяние Хьюго. Сам он, видимо, и не замечал, насколько сильно его воздействие на меня. У него не было ни малейшего желания меня переспорить, и хотя он нередко припирали меня к стенке, но делал это как бы невзначай. Не то чтобы я всегда с ним соглашался. Его неспособность понять ту или иную мысль часто меня раздра-

жала. Но самый его способ мышления показал мне, как безнадежно мое видение мира затемнено обобщениями. Я испытывал чувство человека, который, смутно представляя себе, что все цветы более или менее одинаковы, отправился на прогулку с ботаником. Впрочем, это сравнение тоже не подходит к Хьюго, потому что ботаник не только замечает подробности, но и классифицирует. Хьюго только замечал подробности. Он никогда не классифицировал. Казалось, зрение его обострено до такой степени, что классификация уже немыслима, поскольку каждый предмет видится как единственный и неповторимый. Я чувствовал, что впервые в жизни встретил почти абсолютно правдивого человека, и это, естественно, меня тревожило. И я тем более был склонен ценить в Хьюго духовное благородство, что сам он и в мыслях не приписал бы себе этого свойства.

Когда нас выставили из опытного заведения, мне было негде жить. Хьюго предложил мне жить у него, но тут во мне заговорила жажда независимости. Я чувствовал, что индивидуальность Хьюго с легкостью может поглотить мою, а этого я не хотел, несмотря на все мое восхищение им. Так что от его предложения я отказался. К тому же мне как раз нужно было съездить во Францию повидать Жан-Пьера – он что-то разворчался по поводу одного из переводов, – так что наша беседа на время прервалась. Хьюго опять поступил на свой ракетный завод, погрузился в разработку новых композиций и вообще вернулся к своему лондонскому образу жизни. Его попытки нарушить этот образ жизни всегда принимали какую-нибудь эксцентричную форму; неумение отдохнуть нормально, с комфортом и затратой больших денег, было единственной сколько-нибудь неврастенической чертой, какую я в нем обнаружил. Вернувшись из Парижа, я снял дешевую комнату в Бэттерси, и наши беседы возобновились. После работы Хьюго встречался со мной на Челсийском мосту, и мы бродили по набережной Челси или заглядывали подряд во все кабаки на Кингс-роуд и говорили, говорили до изнеможения.

Однако незадолго до этого я предпринял один шаг, оказавшийся роковым. Разговор, из которого я выше привел небольшой кусок, так заинтересовал меня, что я кое-что из него записал – просто для памяти. Когда я через некоторое время взглянул на эти заметки, они показались мне очень отрывочными и неполными, и я кое-что к ним добавил, чтобы не забыть. Еще через некоторое время я опять к ним вернулся, и мне показалось, что наш спор в том виде, как он закреплен на бумаге, лишен всякого смысла. Я добавил еще немного, чтобы он стал понятен, все по памяти. И тут, когда я перечел написанное, меня поразило, что это не так уж плохо. Ничего похожего я еще не читал. Я просмотрел текст заново и немножко причесал его. Как-никак я по натуре писатель, и раз вещь написана, так почему не придать ей приличный вид. Я основательно ее подчистил, а потом начал записывать и предыдущий разговор. Оказалось, что его я помню не так хорошо, поэтому, воссоздавая его, я черпал материал из нескольких разных бесед.

Хьюго я, конечно, об этом не рассказал. К чему – ведь запись я делал только для себя. Правда, в глубине души я знал, что в некотором роде предаю все то, чему я, как мне казалось, научился от Хьюго. Но это меня не остановило. Более того, работа эта приобрела притягательную силу тайного порока. Я уже не расставался с ней. Я расширил ее, включив еще много наших разговоров, причем записывал их не всегда так, как помнил, а сообразуясь с планом всей вещи. Начала вырисовываться целая книга. Я писал ее по-прежнему в форме диалога между двумя лицами, которых назвал Тамарус и Аннандайн. Любопытнее всего, что мне было ясно: эта книга с начала до конца – объективное оправдание позиции Хьюго. Другими словами, она и в самом деле была фальсификацией наших бесед. По сравнению с ними это была претенциозная фальшь. Хотя я и написал ее только для себя, было ясно, что она пишется ради эффекта, ради впечатления. Самые значительные моменты нашего разговора были те, которые, если бы записать их, прозвучали бы наиболее плоско. Я не мог заставить себя изобразить их с той откровенностью, какой они были отмечены в жизни. Я все время делал их более оформ-

ленными и связными. Но хоть я и видел, что получается фальшь, книга от этого нравилась мне не меньше.

А потом я не удержался от искушения и показал ее Дэйву. Я решил, что она должна его заинтересовать. Так и случилось. Он тут же выразил желание обсудить ее со мной. Однако из этого ничего не вышло – оказалось, что я совершенно не способен обсуждать мысли Хьюго с Дэйвом. Как ни волновали меня эти мысли, воспроизвести их в разговоре с другим человеком я не мог. Когда я пытался растолковать какую-нибудь идею Хьюго, она получалась мелкой и ребяческой, а то и просто идиотской, так что я скоро отступился. Тогда Дэйв потерял к книге всякий интерес: для Дэйва истинно и важно только то, что поддается устному обсуждению. Но тем временем он, несмотря на мой запрет, успел показать рукопись нескольким другим людям – он брал ее домой, чтобы дочитать, – и те тоже очень ею заинтересовались.

Зная, как неприятна будет вся эта затея Хьюго, я счел своим долгом умолчать о нем. Дэйву я сказал, что писал книгу как упражнение в диалогическом жанре, отчасти основанное на беседах, которые я в разное время вел с разными людьми. Но теперь в определенном кругу во мне вдруг увидели чуть ли не мудреца, и многие знакомые просили меня дать им рукопись для прочтения. Кое-кому я ее показал и понемногу стал свыкаться с мыслью, что она приобретает читателей. Я не переставал над ней работать и даже дополнял ее новым материалом из текущих разговоров с Хьюго. Дружбу с Хьюго я скрывал от всех моих знакомых. Вначале это объяснялось ревнивым желанием сохранить мою удивительную находку для себя, а позднее также и страхом, как бы Хьюго не обнаружил моего предательства.

Потом разные люди стали уверять меня, что мое сочинение нужно опубликовать. Я только смеялся, но идея эта все же меня привлекала. Сначала так, как может привлекать нечто явно неосуществимое. Поскольку о публикации не могло быть и речи, я чувствовал, что могу без всякого риска потешить свое воображение. Я думал о том, до чего замечательная получилась бы книга – такая оригинальная, такая необычная, такая вдохновляющая! Забавы ради я придумывал для нее заглавия. Я подолгу сидел, держа рукопись в руках и воображая, что она размножена в тысячу раз. Я все время терзался от страха, как бы не потерять ее, и хотя у меня было напечатано три экземпляра, мне казалось вполне вероятным, что все они могут пропасть, и тогда мой труд погибнет безвозвратно. А это, думалось мне, было бы очень жаль. И вот настал день, когда один издатель прямо предложил мне выпустить книгу в свет.

Я был застигнут врасплох. Никогда еще ни один издатель не обращался ко мне первым, и такая любезность ударила мне в голову. Ведь если книга будет иметь успех – а в этом я не сомневался, – это значительно облегчит мне доступ в литературный мир. Легче сбыть макулатуру, когда тебя знают, чем гениальное произведение, когда твое имя никому не известно. Если мне удастся одним скачком достигнуть славы, моя писательская карьера будет обеспечена. Нет, сказал я себе, об этом даже думать нечего. Не мог я выдавать мысли Хьюго за свои собственные. А главное – не мог я использовать материал, почерпнутый из откровенных разговоров с Хьюго, чтобы предложить публике книгу, которая у самого Хьюго вызвала бы предельное отвращение. Однако беспредметные мечты прежних дней теперь обернулись вполне реальным желанием. Я уже не мог отделаться от сознания, что книга увидит свет. Мне чудилось в этом веление рока. Выходило, что все мои прошлые поступки вели к этой цели. Я вспомнил один пьяный вечер, когда я мысленно пережил все этапы, которые пройдет мой диалог по пути к печатной машине. И теперь в моем воображении идея эта стала такой осязаемой и прочной, что для претворения ее в жизнь требовалось уже совсем немного. Я позвонил издателю домой.

Он знал, что я колеблюсь, и на следующий день с утра явился ко мне с договором, который я и подписал, присовокупив с отчаяния замысловатый росчерк и изнемогая от головной боли. Когда он ушел, я достал рукопись и долго смотрел на нее, как человек смотрит на женщину, ради которой он пожертвовал своей честью. Я озаглавил ее «Молчальник» и добавил авторское предисловие, оговорив в нем, что многими мыслями, содержащимися в книге, я

обязан одному другу, чье имя останется неизвестным, так как не имею оснований полагать, что он одобрил бы форму, в которой эти мысли изложены. Потом я отослал рукопись и представил ее своей судьбе.

Пока развертывались эти события, Хьюго начал вкладывать деньги в кино. Сперва им руководили смутные филантропические соображения – ему хотелось поддержать английскую кинематографию. Но потом новое дело затянуло его, и к тому времени, как была основана компания «Баунти – Белфаундер», Хьюго неплохо разбирался в вопросах кино. Надо сказать, что он был отличным дельцом. Он всем внушал доверие, обладал железной выдержкой. «Баунти – Белфаундер» быстро пошла в гору. Как вы помните, она пережила экспериментальную стадию, на которую ее, вероятно, вдохновил сам Хьюго, – выпустила несколько немых фильмов, из тех, что называли «экспрессионистскими», – однако скоро перешла к самым обычным картинам, лишь изредка отдавая дань модным исканиям. Мне Хьюго мало что рассказывал о своих кинематографических делах, хотя в это время мы виделись довольно часто. По-моему, он немного стыдился своего успеха. Меня же, напротив, такое многообразие его талантов наполняло гордостью, и когда я ходил в кино, то с особенным удовольствием видел на экране, еще до начальных титров, знакомые лондонские шпили и слушал нарастающий звон лондонских колоколов, пока в кадре медленно возникали слова «Производство Баунти – Белфаундер».

Поначалу моя тайная деятельность как будто совсем не отражалась на дружбе с Хьюго. Беседовали мы по-прежнему откровенно и непринужденно, темы наши были неисчерпаемы. Однако по мере того, как книга росла и набиралась сил, она каплю за каплей пила кровь из прежней близости. Она становилась соперницей. То, что сперва казалось невинным *suppressio veri*⁸, постепенно перерастало в очень злостное *suggestio falsi*⁹. От сознания, что я обманываю Хьюго, мои возражения ему становились фальшивыми даже в вопросах, не связанных с этим частным обманом. Хьюго как будто ничего не замечал, а я по-прежнему наслаждался общением с ним. Но когда я наконец подписал договор и книга ушла к издателю, я почувствовал, что не могу больше смотреть Хьюго в глаза. Через день-другой я привык встречаться с ним даже в этих условиях, но над нашими встречами нависла огромная печаль. Я знал, что нашей дружбе пришел конец.

Я спрашивал себя, решусь ли я, хотя бы теперь, открыть Хьюго правду. Несколько раз я был на грани исповеди. Но всякий раз отступал, убоившись его презрения и гнева. Больше же всего удерживала меня мысль, что в конце концов еще не поздно все исправить. Я могу попросить издателя расторгнуть договор. Дав отступного, я, вероятно, и сейчас еще могу с ним разделаться. Но при этой мысли у меня больно сжималось сердце. Единственным моим утешением был унылый фатализм: сознание, что у меня все еще есть выбор, что преступления еще можно избежать, было слишком мучительно. Хьюго мог потребовать, чтобы я взял книгу обратно. При одной этой мысли мне становилось так больно, что не было сил хотя бы подготовиться к признанию, и теперь это уже не объяснялось желанием увидеть свой труд напечатанным. Радостное предвкушение этой минуты умерло – его убило горе предстоящей потери Хьюго. Просто меня не могло утешить ничего, кроме твердой уверенности (которую я укреплял в себе день ото дня), что жребий брошен.

Я впал в такую меланхолию, что мне стало страшно трудно разговаривать с Хьюго. Встречаясь с ним, я иногда часами молчал, только вставлял короткие реплики, чтобы он мог говорить дальше. Хьюго заметил мое уныние и стал расспрашивать, в чем дело. Я отговорился недомоганием; и чем больше тревоги и заботы проявлял Хьюго, тем больше я терзался. Он стал присылать мне в подарок фрукты и книги, банки глюкозы и препараты железа, умолял меня показаться врачу; а я к этому времени довел себя до того, что и в самом деле занемог.

⁸ Замалчивание правды (*лат.*).

⁹ Утверждение лжи (*лат.*).

В тот день, когда книга должна была появиться в продаже, я не находил себе места. С Хьюго у нас была назначена встреча на вечер – как всегда, на мосту. К полудню я почувствовал, что воплощение моего предательства уже красуется во всех книжных витринах Лондона. Возможно, Хьюго еще не видел книги, но если и не видел, так скоро увидит – он часто заходил в книжные магазины. Наша встреча была назначена на половину шестого. До пяти часов я пил коньяк, а потом отправился в Бэттерси-парк. На меня снизошел покой – теперь я знал, что не встречу с Хьюго ни в этот день, ни когда бы то ни было. Влекомый какой-то трагической силой, я побрел к реке, откуда был виден мост. Хьюго пришел точно в назначенное время и стал ждать. Я сел на скамью и выкурил две сигареты. Хьюго долго ходил взад и вперед. Потом он двинулся по мосту на южный берег, и я понял, что он пошел ко мне. Я закурил еще одну сигарету. Через полчаса я увидел, как он медленно прошел по мосту в обратную сторону и исчез.

Тогда я вернулся к себе, заявил, что съезжаю, упаковал вещи и тут же укатил в такси. Через неделю мне переслали письмо от Хьюго – он спрашивал, что со мной случилось, и просил ему позвонить. Я не ответил. Хьюго не мастер писать письма, ему вообще трудно выражать свои мысли на бумаге. Больше я писем не получал. Тем временем на «Молчальника» появилось несколько прохладных отзывов. Рецензенты, решив что-то сказать о книге, явно ничего в ней не поняли. Один назвал ее «претенциозной и обскурантистской». А в общем, ее почти не заметили. Это был тихий провал. Мало того что книга не проложила мне пути к литературной славе – она сильно повредила моей репутации: во мне стали видеть сноба, лишённого юмора и умения заинтересовать, притом как раз в тех кругах, где я давно пытался создать о себе совсем иное представление.

Впрочем, это меня не волновало. Я жаждал одного – забыть обо всей этой истории и окончательно вытравить из себя отношения с Хьюго. «Молчальник» выдержал всего одно издание, которое частью поступило в дешевую распродажу на Чаринг-Кросс-роуд, а затем, к великому моему облегчению, и вовсе исчезло с прилавков. Я не оставил себе ни одного экземпляра и от души жалел, что нельзя жить так, будто этой проклятой книги никогда и не было. Я перестал ходить в кино, избегал читать те падкие до сенсаций газеты, в которых рекламировалась деятельность Хьюго. В это время возник откуда-то Финн и привязался ко мне. Постепенно жизнь моя пошла по новым рельсам, и яркий образ Хьюго стал тускнеть. Ничто не нарушало этого процесса потускнения до той минуты, когда Сэди так неожиданно упомянула его фамилию в парикмахерской.

Глава 5

Я шел по улице, как в тумане. Потом купил пачку сигарет и завернул в кафе-молочную – обдумать положение. Само упоминание фамилии Хьюго расстроило меня чрезвычайно, и от душевной боли я сначала вообще не мог думать. Первое соображение, которое забрезжило в мозгу сколько-нибудь четко, было то, что, раз в деле замешан Хьюго, для меня отпала всякая возможность принять предложение Сэди и вообще поддерживать с ней какие бы то ни было отношения. Оставалось одно – бежать без оглядки. Но через некоторое время я успокоился настолько, что сложившаяся ситуация показалась мне не лишенной интереса; и чем больше я над ней размышлял, тем больше убеждался: то, что сказала Сэди, просто не могло быть правдой. Я помнил по прежним временам, что Сэди – отчаянная лгунья и всегда готова соврать, если это ей сулит хотя бы временную выгоду. Хьюго влюблен в Сэди? Нет, это и само по себе невероятно. С женщинами Хьюго был не особенно смел, а уж если и восхищался, то женщинами спокойными, домоседками. А чтобы он вел себя так, как рассказала Сэди, этого я просто не мог себе представить. Что затевается какая-то интрига и Хьюго в ней замешан – это вполне возможно; но дело скорее в том, что Сэди добивается чего-то по профессиональной линии, а Хьюго хочет ее обойти. Мир кино был мне совершенно незнаком, но я представлял его себе как рассадник нескончаемых интриг. Возможно даже, что Сэди сама влюблена в Хьюго и пытается как-то его скомпрометировать. Эта гипотеза показалась мне весьма правдоподобной. По тому, как Сэди держалась со мной, я знал, что мужчине, которого она считает умным и образованным, нетрудно поразить ее воображение, и если Хьюго отнюдь не из тех мужчин, что способны влюбиться в Сэди, то Сэди как раз из тех женщин, что способны увлечься Хьюго.

Когда я пришел к этому выводу, мне стало легче. Почему-то мысль, что Хьюго влюблен в Сэди, мне претила. Однако собственный мой курс был мне по-прежнему неясен. Как поступить? Выходило, что принять предложение Сэди – значит примкнуть к вражескому стану в какой-то непонятной мне битве против Хьюго; а принять его с тем, чтобы по возможности помочь Хьюго и перехитрить Сэди, – это отдавало двурушничеством. Лучше всего, конечно, было бы вовсе не ввязываться в эту историю: мне страшно было и подумать о том, с каким лицом я встречу Хьюго, если в том возникнет необходимость. Но с другой стороны, я как будто уже связал себя обещанием, да и очень уж было удивительно, как все сошлось, и страшно интересно, что будет дальше. Какая-то судьба, с которой мне, в сущности, не хотелось бороться, вела меня обратно к Хьюго.

Я все утро обдумывал положение и так и этак, но ни к какому решению не пришел. Эта неопределенность вконец меня вымотала, и я решил, что, поскольку работать я в таком нервном и возбужденном состоянии все равно не могу, есть смысл сделать в этот день хоть одно нужное дело – взять на Эрлс-Корт-роуд мою радиолу. Тут я с грустью сообразил, что если на Уэлбек-стрит мне, возможно, свернет шею Хьюго, то на Эрлс-Корт-роуд то же, возможно, проделает Святой Сэмми. Я пошел звонить по телефону.

У Мэдж никто не ответил, из чего я заключил, что путь свободен, и поехал туда. Ключ от квартиры у меня еще был, и я вошел, соображая, где лучше поставить пока радиолу – у Дэйва или у миссис Тинкхем. Одним прыжком я влетел в гостиную и тут только увидел, что в дальнем ее конце стоит мужчина и в руках у него бутылка. Я сразу понял, что передо мной Святой Сэмми. Он был в толстом твидовом костюме и выглядел как человек, выросший на свежем воздухе, но в последнее время слишком привыкший жить при свете электричества. У него было мясистое красное лицо и мощный нос. Волосы чуть начали седеть. Голову он держал высоко, а бутылку – за горлышко. Он окинул меня хладнокровным взглядом, в котором таилась опасность. Разумеется, он знал, кто я такой. Я заколебался. Сейчас у Сэмми шикарная контора, но когда-то он действительно был букмекером на скачках, и ясно, что сладить с ним

нелегко. Я прикинул разделявшую нас дистанцию и сделал шаг назад. Потом снял пояс. Пояс был кожаный, крепкий, с тяжелой медной пряжкой. Это была всего лишь демонстрация. Я видел, что так поступают перед дракой гвардейцы – жест очень эффектный. Я не собирался применить пояс как оружие, но решил, что лучше не рисковать: Сэмми, возможно, не знает, что я силен в дзюдо, а мало ли что у него на уме. Я решил, что если он подойдет ко мне, то тут уж я вздую его без дураков, по старинке.

Пока я проделывал эти маневры, лицо Сэмми смягчилось и выразило притворное непонимание.

– Вы что же это делаете, а? – спросил он.

Этого я не ждал и, несколько сбитый с толку, раздраженно ответил:

– А вы разве не хотите драться?

Сэмми уставился на меня, а потом оглушительно расхохотался.

– Ну и ну! – выговорил он наконец. – С чего это вы взяли? Вы, наверно, Донагью, так? Вот, подкрепитесь! – И он с молниеносной быстротой сунул мне в свободную руку стакан виски. Можете вообразить, каким я себя чувствовал болваном – со стаканом в одной руке и поясом в другой.

Немного очухавшись и уповая на то, что слова мои прозвучат не слишком по-идиотски, я сказал:

– Вы, очевидно, Старфилд? – Я совсем растерялся. Видимо, мне самому следовало решить, драться или нет. Мне драться совсем не хотелось, но теперь я, безусловно, предоставил инициативу Сэмми, а это тоже было нежелательно.

– Он самый, – отвечал Старфилд. – А вы – юный Донагью. Ну и кипятик! – И он опять покатился со смеху.

Я отхлебнул виски и надел пояс, притворяясь, наперекор видимости, будто я хозяин положения. В кино нередко прибегают к таким полезным условностям. Я не спеша оглядел Сэмми с ног до головы. В своем роде он был довольно интересен. В нем чувствовалась грубая сила. Я попытался увидеть его глазами Мэдж. Это оказалось нетрудно. У него были лукавые треугольные голубые глаза, они с усмешкой приметили мой испытующий взгляд и ответили на него с притворной серьезностью.

– Совсем еще молодой! – сказал он. – Вы понимаете, у Мэдж я никак не мог ничего о вас выпытать. – Он долил мой стакан. – Обидно вам небось, что пришлось вытряхиваться, – добавил он без тени сарказма.

– Послушайте, Старфилд, – начал я, – есть вещи, которые джентльмен не может обсуждать спокойно. Хотите драться – пожалуйста. Не хотите – тогда прошу вас замолчать. Я сюда пришел не беседовать с вами, а только взять свои вещи.

Мне было приятно, что я его не боюсь, и я надеялся, что он это чувствует, но тирада моя прозвучала бы внушительнее, если бы я только что не пил его виски. Вдобавок мне пришлось в голову, что Сэмми, чего доброго, не признает моих прав на радиолу.

– Гляди, какой недотрога, – сказал Сэмми. – А вы не спешите. Я хочу на вас посмотреть. Не каждый день встречаешь писателя, да еще такого, чтобы выступал по радио.

Возможно, он надо мной издевался, но мысль, что Сэмми мог усмотреть во мне романтическую фигуру, была так забавна, что я рассмеялся, и Сэмми рассмеялся со мной за компанию. Казалось, он хочет мне понравиться. Я допивал второй стакан виски и уже склонялся к мнению, что, в общем, Сэмми – неплохой малый.

– Где вы познакомились с Мэдж? – спросил я. Не все же ему направлять разговор!

– А она вам как сказала? – отпарировал Сэмми.

– В одиннадцатом автобусе.

Сэмми опять захохотал.

– Еще чего! Буду я ездить в автобусе. Нет, мы познакомились на вечеринке у одних киношников.

Я поднял брови.

– Да, мой милый, она тогда только-только начала там осваиваться. – Сэмми погрозил мне пальцем. – Не спускать с них глаз, не то – пиши пропало!

От этой смеси торжества и заботливости мне стало тошно.

– Магдален вольна в своих поступках, – сказал я холодно.

– Кончилась ее воля! – сказал Сэмми.

Меня захлестнула слепая ненависть.

– Слушайте, вы! – сказал я. – Вы правда собираетесь жениться на Мэдж?

Сэмми воспринял это как дружеское недоверие доброжелателя.

– А почему бы и нет? Она что, нехороша собой? Не может составить мне рекламу? Может, у нее деревянная нога? – И он ткнул меня пальцем в ребра, да так, что виски расплескалось на ковер.

– Не в том дело, – сказал я. – Я спрашиваю, вы *намерены* на ней жениться?

– Ах, вас интересуют мои *намерения*? Вот это уже серьезно. Вы бы захватили с собой ружье! – Он снова захохотал. – Ну ладно, будем кончать бутылку.

Я уже успел влить в себя столько виски, что его ответ был мне, в сущности, безразличен.

– Дело ваше, – сказал я.

– А то чье же, – сказал Сэмми, и мы оставили эту тему.

Вдруг Сэмми стал рыться в карманах.

– Я вам хочу кое-что дать, молодой человек, – сказал он.

Я настороженно наблюдал за ним. Он размашистым жестом извлек чековую книжку и снял колпачок с авторучки.

– Как решим, сто фунтов, двести фунтов?

Я только рот раскрыл.

– Зачем?

– Ну, скажем, на расходы по переезду? – И Сэмми подмигнул.

Я оторопел. И вдруг все понял – от меня хотят откупиться! Как могла такая мысль прийти Сэмми в голову? В следующую минуту я решил, что ее вложила туда Магдален, и только ахнул, лишний раз убедившись, сколь извилист ее ум. Видимо, в таком странном обличье представилась ей возможность оказать мне услугу. Я был и оскорблен до глубины души, и до глубины души тронут. Я одарил Сэмми ласковой улыбкой.

– Нет, денег я взять не могу.

– Почему?

– Во-первых, потому, что никаких прав на Мэдж у меня нет. – Я решил, что это соображение будет ему понятнее, и потому с него начал. – А во-вторых, потому, что я не принадлежу к тому общественному кругу, где в такой ситуации берут деньги.

Сэмми поглядел на меня так, словно я был его оппонентом в научном диспуте.

– То вы говорили, что никакой ситуации нет, а теперь говорите, что в такой ситуации не берут денег. Бросьте, мы же взрослые люди. Условности я знаю не хуже вас. Но таким ребятам, как вы, плевать на ваш общественный круг. Такие ребята, как вы, всегда сидят без денег. Если не возьмете, завтра же пожалеете. – И он стал выписывать чек.

От сознания, что его пророчество сбудется, я вложил особенную страсть в свои выкрики: «Нет! Не возьму! Не нужны мне ваши деньги!»

Сэмми поглядел на меня с интересом и состраданием.

– Но я же нанес вам обиду, – попытался он объяснить. – У меня совесть будет нечиста, если вы ничего не возьмете.

Казалось, он серьезно озабочен моей судьбой, и мне стало интересно, что могла наговорить ему Мэдж.

– С чего это вы так уверены, что нанесли мне обиду? – спросил я.

– Ну как же, ведь вам до смерти хотелось жениться на Мэдж.

У меня даже дух захватило. Он поймал меня в ловушку. Не мог я подвести Мэдж, заявив, что и в мыслях не имел на ней жениться, тем более что, как я теперь сообразил, Мэдж, весьма возможно, использовала мои воображаемые домогательства как рычаг, чтобы ускорить решение Сэмми. Да и все равно он не поверил бы никаким опровержениям.

– Что ж, пожалуй, я и в самом деле обижен, – нехотя допустил я.

– Вот умница! – воскликнул Сэмми в полном восторге. – Ну, значит, двести фунтов – и по рукам.

Что было делать? Своеобразный этический кодекс Сэмми требовал какого-то расчета. Деньги мне были нужны. Что же мешало этой сделке, привлекательной для обеих сторон? Мои принципы? Так неужели нет обходного пути? В подобных затруднениях мне обычно удавалось найти выход.

– Не перебивайте, Старфилд, – сказал я. – Дайте мне подумать. – И скоро меня осенило.

Дневной выпуск «Ивнинг стандарт» лежал на полу у наших ног. Я просмотрел последнюю страницу, потом взглянул на часы. Было 2:35. Скачки в этот день проходили в Солсбери и в Ноттингеме.

– Вот что я предлагаю, – сказал я. – Вы скажете мне, какая лошадь придет в трехчасовом заезде, и от моего имени поставите на нее по телефону через вашу контору или где вы там держите свой скачечный счет. Если выгорит, то на заезд в три тридцать мы поставим побольше и так будем продолжать до вечера. Попробуем выиграть пятьдесят фунтов, а убытки, если будут, вы покроете сами.

– Идет! – заорал Сэмми в полном восторге. – Вот это дело! Только мы выиграем не пятьдесят фунтов, а побольше. Сегодняшнюю программу я знаю как родную дочь. Это просто мечта.

Мы расстелили газету на ковре.

– Трехчасовой в Солсбери возьмет Маленькая Ферма, – сказал Сэмми. – Это верняк, но выдача будет плохая. Мы ее для пушшего шика скомбинируем с Грачом Королевы в три тридцать.

Я немного встревожился: мне уже чудилось, что Сэмми рискует моими деньгами.

– А если Грач не придет? – сказал я. – Для меня это не забава, мне нужны деньги. Лучше поставим только на Ферму.

– Вздор. К чему осторожность, когда все ясно? Вы потерпите минутку, я сейчас звякну в контору. Алло! Алло! Это Энди? Говорит Сэм.

– Только не зарывайтесь! – твердил я.

– С моего личного счета, – говорил Сэмми в трубку. – Да, да, игра – это не по моей части. – То был ответ на какую-то шутку Энди. – Я тут стараюсь для одного приятеля, он мне сослужил хорошую службу.

Сэмми подмигнул мне треугольным глазом и через минуту уже поставил сорок фунтов в дубле – на Маленькую Ферму и Грача Королевы. В ожидании результата мы переключились на Ноттингем. Там в три часа разыгрывался приз.

– Неинтересно, – сказал Сэмми. – Не лошади, а скамейки. Пренебрежем. Зато дальше – программа что надо. Вот мы и закрутим позабавнее, экспресс, сразу в трех заездах. В три тридцать – на Святой Крест, в четыре – на Хэл Эдэр, а в полпятого – на Питера, сына Алекса. Четырехчасовой в Солсбери меня не волнует. А вот в четыре тридцать придет либо Дагенхем, либо Выбор Илен.

– Так ставьте, ради Христа, и на ту, и на эту! – Я налил себе еще виски. По натуре я вовсе не игрок.

Сэмми уже ставил по телефону двадцать фунтов в Ноттингеме. Потом справлялся насчет победителя в трехчасовом заезде в Солсбери. Я сел на пол. Сэмми рисковал потерять больше денег, чем у меня их было в банке. Нервы мои вибрировали, как струны арфы. Я жалел, что подал ему эту мысль.

– Да не кисните вы! – сказал Сэмми. – Если что и потеряем, так только деньги. А между прочим, знаете, кто выиграл в трехчасовом? Ферма, в двух к одному.

Я еще больше расстроился.

– Но ведь у нас дубль. В дубле нипочем не угадать. Теряешь больше, чем ставил, вот и все.

– Хватит каркать, – сказал Сэмми. – Беспokoиться предоставьте мне. А если нервишки не выдерживают, ступайте посидите на лестнице.

Он подсчитывал на листке бумаги, сколько мы должны выиграть.

– Грач не подведет, – сказал он, – но на всякий случай нас страхует еще последний заезд – в полпятого. На двух так и этак берем двадцать пять фунтов как одну копеечку. Гарантия полная. Бросил и подобрал – вот так-то!

Я же подсчитывал, сколько мы должны потерять. Это было легче, расчет можно было делать в уме. Получилось сто шестьдесят фунтов. Меня подмывало сбежать и оставить его одного расхлебывать кашу, но честь не позволяла дезертировать – идея-то как-никак принадлежала мне. Да и вообще рассуждение это было чисто теоретическое – обилие виски на пустой желудок накрепко приковало меня к месту. Ноги были точно набиты соломой. Я застонал. Сэмми уже справлялся о следующем заезде. Грача какая-то другая лошадь обошла на целую голову, но Святой Крест в Ноттингеме победил.

Это было уже совсем скверно.

– Черт вас возьми, – сказал я, – почему вы меня не послушались, когда ставили на Ферму? Теперь сорок фунтов у нас уплыли, и даже на Святом Кресте мы ничего не выиграли.

– Так интересней, – сказал Сэмми. – Поверьте мне, сегодня для вас счастливый день. Сегодня что, среда? Ну так вот, среда – ваш счастливый день. Давно я не играл по-настоящему, уже сколько лет. Даже забыл, как это бывает. – Говоря, он радостно потирал руки, а меня от этого зрелища бросало в дрожь. – Полезно, знаете ли, время от времени встречать таких, как вы, – сказал Сэмми. – Начинаешь понимать, что деньги чего-то стоят.

Когда в четырехчасовом заезде в Ноттингеме первым пришел Хэл Эдэр, по спине и бокам у меня побежали холодные струйки пота. Я не проникся чувством, что это мой счастливый день, и даже Сэмми проявлял признаки нервозности. Он допил виски и заявил, что вся моя беда – в неправильном отношении к таким вещам.

– Загрэбать деньги – все равно что укрощать льва, – сказал Сэмми. – Нельзя подавать виду, что боишься.

Моя голова, описав несколько плавных кругов, опустилась на ковер и потянула за собою все тело. Я заглянул под тахту.

До меня донесся голос Сэмми, повторявший: «Презренный металл!» – так мужчина поносит женщину, которую сам погубил. К половине пятого атмосфера накалилась до крайности. Еще до того, как начался заезд, Сэмми повис на телефоне, но я уже не слушал. Я лихорадочно соображал, где взять денег, чтобы расплатиться с ним. Я решил, что, если отдать ему радиолу, мы будем более или менее квиты.

Я расслышал слова Сэмми:

– Ну, Энди, не зевай. У меня тут приятель уже грызет ножки стульев.

Потом Сэмми выругался.

– Что там случилось? – протянул я умирающим голосом.

– Выбор Илен не выпустили, а Дагенхем пришел четвертым.

– А как в Ноттингеме? – спросил я равнодушно.

– Подождите. – И Сэмми опять прилип к телефону. Я стал тихонько закатываться под тахту.

И тут я услышал его крик:

– Есть, черт побери! Говорил же я, что у вас везучая физиономия!

Я выкатился из-под тахты, и торс мой принял вертикальное положение.

– Питер, сын Алекса, девять к двум! – орал Сэмми. – Открывайте новую бутылку, живо!

Мы оба вцепились в бутылку, разбили стакан и уселись на полу, надрываясь от смеха и желая друг другу здоровья. Комната волнами заходила вокруг меня, и я уже плохо представлял себе, что происходит. Сэмми выкрикивал: «Не подкачала старая фирма!», «Попробуй кто сказать, что я не знаю в них толку!» – и опять подсчитывал.

– Вот, – сказал он. – Святой Крест – семь к двум, значит, на Хэла Эдэра ставили девяносто, выдали два к одному, значит, на Питера – сто тридцать пять, выдали девять к двум, итого семьсот двадцать два фунта десять шиллингов. Для таких скачек вполне прилично. Что я вам говорил? Писаниной когда еще столько заработаете, а? – И он помахал бутылкой.

– Минуточку, – сказал я. – Во-первых, сорок фунтов ухнули на Граче, во-вторых, провалился дубль в Солсбери.

– А-а, бросьте! – сказал Сэмми. – Не забывайте, букмекер каждый день в выигрыше. Потому-то я сегодня и получил такое удовольствие.

– Нет уж, уговор дороже денег! – заорал я. На карту были поставлены остатки моей чести.

Поорав еще немножко, Сэмми согласился.

– Ладно, Донагью. Тогда остается шестьсот тридцать три фунта десять шиллингов. Давайте выпишу чек. Деньги поступят на мой личный счет. – И он опять достал чековую книжку.

Это меня отрезвило. Появилось странное чувство, что все начинается сначала, только теперь Сэмми предлагал мне втрое больше. Сейчас, когда возбуждение улеглось, я просто не мог поверить, что Сэмми достаточно было произнести несколько слов в телефон, чтобы выиграть такую кучу денег.

Я сказал это Сэмми, и он посмеялся надо мной.

– Беда ваша в том, что вы привыкли зарабатывать деньги кровавым потом. Разве так можно? Лечь на диван и свистнуть – они и прибегут.

В конце концов мы решили, что Сэмми пришлет мне чек, когда получит выписку из счета, где будет указан его выигрыш. Это убедит меня в том, что операция вполне реальна. Он долго распространялся насчет того, какой я порядочный, что доверяю ему, потом я ему дал адрес Дэйва и шатаясь двинулся к двери. Сэмми вызвал мне такси. Он и не думал оспаривать мои права на радиолу – он, кажется, отдал бы мне всю квартиру – и помог снести ее вниз по лестнице. Радиолу мы поставили рядом с шофером и распростились с громкими изъявлениями самых лучших чувств.

– Славно провели время, – сказал Сэмми. – Надо будет повторить.

Шофер доставил меня на Голдхок-роуд и препроводил вместе с радиолой на этаж Дэйва. Я ввалился в квартиру к Дэйву и Финну, хохоча как безумный. На их вопрос, что со мной, я рассказал, что получил у Сэди должность телохранителя, и, когда я разъяснил, в чем дело, это действительно получилось смешно. О Хьюго и о Сэмми я умолчал. Дэйв отнесся к моим планам саркастически, Финна они заинтересовали. Для Финна я, по-моему, служу неиссякаемым источником интереса. Потом я добрался до постели и заснул мертвецким сном.

Глава 6

В назначенное утро я попал на Уэлбек-стрит примерно в четверть десятого – по дороге туда я еще зашел к миссис Тинкхем за своими рукописями. Дверь была распахнута настежь, в передней металась разъяренная Сэди.

– Слава тебе Господи, пришел. Милый мой, когда я говорю «с раннего утра до поздней ночи», это значит с раннего и до поздней. Теперь я из-за тебя опоздала. Ну ладно, не делай жалкое лицо и входи. Ага, бумаги ты запас на целый год. Вот и хорошо, пиши на здоровье. А теперь послушай. Я хочу, чтобы сегодня и завтра ты пробыл здесь *весь день*. Согласен? Мне будет спокойнее, если я буду знать, что здесь все время кто-то есть. Выпивки в доме – залиться, в холодильнике найдешь лососину, малину и прочее. Только, пожалуйста, никого сюда не приглашай. Если позвонит Белфаундер или еще кто-нибудь, скажешь строгим мужским голосом, что меня нет и когда буду – неизвестно. Ну вот и умница, вот и милый. А теперь я убегаю.

– Когда ты вернешься? – спросил я, несколько ошарашенный этим инструктажем.

– Вернусь поздно, ты ложись спать, не жди. Выбирай любую свободную комнату. Постели везде приготовлены. – После этого она меня расцеловала и ушла.

Когда дверь за ней захлопнулась и в большой, залитой солнцем квартире стало тихо, я блаженно потянулся и пошел обозревать свои владения. Ковры, застилавшие паркет – казахские, афганские, кавказские, – заглушали шаги. Красное дерево, палисандр, карельская береза изгибались, тянулись и суживались дорогими отполированными поверхностями. Крошечные изделия из яшмы покоились на белых каминных полках. Камчатные занавески чуть колыхались на летнем ветру. Со времен «сестер Квентин» Сэди прошла долгий и славный путь. Тут и там, под фарфоровыми китайскими зверюшками или французскими пресс-папье, лежали аккуратные стопки писем, газетных вырезок, тысячефранковых банкнот. Я бродил по комнатам, тихонько насвистывая. На низком столике стояло несколько хрустальных графинов с эмалевыми ярлычками на горлышках, а в одном из буфетов я обнаружил множество початых бутылок с хересом, портвейном, вермутом, перно, джином, виски и коньяком. В кухонном шкафу хранились в изобилии белые и красные столовые вина, в кладовке – разные паштеты, колбасы, консервы из крабов и кур. Я увидел не меньше десяти сортов печенья, но никаких признаков хлеба. В холодильнике действительно оказались лососина, малина, а также изрядное количество масла, сыра и молока.

Вернувшись в гостиную, я налил себе щедрую порцию итальянского вермута с содовой и бросил в него кусочек льда из холодильника. Взял сигарету из северского ящичка на золоченых ножках. А потом мягко опустился в глубокое кресло и дал чувству времени замереть в плавном волнообразном движении, которое, казалось, пронизало меня всего подобно вздоху. День был жаркий. В открытые окна струилось далекое прерывистое жужжание Лондона. Голова моя была пуста, руки и ноги отяжелели в приятной истоме. Прошло много времени, прежде чем я потянулся за своими рукописями и начал их сортировать и просматривать. Мысль о Сэди и о недавней суете была уже далеко. Вот она сжалась в булавочную головку и пропала. Я вытянул ноги, собрав в складки чудесный полосатый казахский ковер, золотисто-желтый с полуночно-синим. Если бы я мог в эту минуту уснуть, мой сон был бы неомраченным отдыхом и покоем. Но я не спал и скоро перестал перебирать написанные от руки и на машинке страницы. Я дал им соскользнуть на пол.

Прошло еще сколько-то времени, взгляд мой бродил по низкой белой книжной полке в другом конце комнаты. На ней были расставлены фигурки из дрезденского и вустерского фарфора. Я разглядел их, одну за другой, потом стал медленно скользить глазами обратно вдоль верхнего ряда книг. И вдруг я весь сжался и вскочил, словно от удара, а исписанные листы разлетелись во все стороны. Одним прыжком я очутился у полки. Да, в самой ее середине

стоял экземпляр «Молчальника». Я не видел этой книги много лет. На ней даже сохранилась суперобложка. Я глядел на нее с отвращением и не мог наглядеться. Потом вытащил ее, мысленно твердя, что глупо так волноваться от новой встречи с этим ничтожным творением; и, крепко держа книгу в руке, я вдруг почувствовал, что отвращение к ней сменяется теплым, покровительственным чувством... и любопытством. Я уселся по-турецки на полу возле шкафа и раскрыл ее.

Всегда бывает странно читать после долгого перерыва то, что сам написал. Как правило, такое чтение захватывает. Я листал страницы этого своеобразного дневника, и мне казалось, что годы, отделявшие меня от времени его создания, придали ему какую-то самостоятельную жизнь. Все равно как при встрече со взрослым человеком, которого знал ребенком. Не то чтобы книга мне теперь больше нравилась, просто она отделилась от меня; и я подумал, что теперь наконец я, может быть, смогу с ней помириться. Я стал читать наудачу.

ТАМАРУС. Но идеи подобны деньгам. В обращении должна быть какая-то общепринятая монета. Концепции, применяемые для общения, оправдывают их успех.

АННАНДАЙН. Так можно сказать, что рассказ правдив, если достаточное число людей в него верит.

ТАМАРУС. Этого я, конечно, не имел в виду. Если я прибегаю к аналогии или придумываю концепцию, проверка успеха состоит частично в том, удалось ли мне таким способом привлечь внимание к реальным вещам. Любую концепцию можно извратить. Любая фраза *может* выражать ложь. Но самые слова не лгут. Концепция может быть не всеобъемлющей, но она не введет в заблуждение, если, употребляя ее, я это оговариваю.

АННАНДАЙН. Да, это и есть высокопарная ложь. Произноси лучшую полуправду, какую знаешь, и называй ее ложью, но все же держись за нее. Она останется жить и тогда, когда твои оговорки будут забыты, даже самим собой.

ТАМАРУС. Но человек должен прожить свою жизнь, а для этого он должен ее понять. Этот процесс называется цивилизацией. То, что ты говоришь, идет вразрез с нашей природой. Мы рациональные животные в том смысле, что мы строим теории.

АННАНДАЙН. Когда ты жил в полную силу, когда больше всего чувствовал себя человеком, помогала тебе какая-нибудь теория? Не в такие ли минуты вещи предстают перед тобой обнаженными? Помогала тебе теория, когда ты сомневался, как поступить? Разве в такие очень простые минуты не рушатся все теории? И разве в такие минуты это не понимаешь особенно ясно?

ТАМАРУС. Мой ответ состоит из двух частей. Во-первых, я могу не думать о теориях, но все же выражать ту или иную из них. Во-вторых, в мире так или иначе есть теории, например политические, и нам приходится о них думать, притом и в такие минуты, когда мы принимаем решение.

АННАНДАЙН. Если «выражать теорию» означает, что кто-то другой может создать теорию на основании твоих поступков, то это, конечно, верно и совершенно неинтересно. А я говорю о подлинном решении в том виде, как мы его переживаем; и здесь движение прочь от теории обобщений есть движение к правде. Всякое теоретизирование – это бегство. Мы должны руководствоваться самой ситуацией, а каждая ситуация неповторима. В ней заключается нечто такое, к чему мы никогда не можем подойти вплотную, сколько бы ни пробовали описать это словами, сколько бы ни старались забраться под эту сеть.

ТАМАРУС. Допустим. Ну а мой второй пункт?

АННАНДАЙН. Верно, что теории часто входят как составная часть в ситуации, с которыми мы сталкиваемся. То же можно сказать о явной лжи и фантазиях; но заключить из этого следует, что надо уметь различить ложь и бежать ее, а не то, что надо уметь лгать.

ТАМАРУС. Ты за то, чтобы исключить из человеческой жизни всякий разговор, кроме самого простого. Так мы лишили бы себя возможности понимать самих себя и делать жизнь сносной.

АННАНДАЙН. А зачем делать жизнь сносной? Я знаю, ничто не может утешить или оправдать, кроме рассказа, но этим не снимается то положение, что всякий рассказ – ложь. Только самым великим людям дано говорить и при этом оставаться правдивыми. Смутно это сознает каждый художник; он знает, что любая теория – смерть, а всякое выражение сковано теорией. Только сильнейшие способны разбить эти оковы. Большинство из нас, почти все мы, если и можем достичь правды, то только в молчании. Лишь в молчании человеческий дух прикасается божественного. Древние это понимали. Психее было сказано, что, если она заговорит о своей беременности, ее ребенок будет смертным; если же смолчит, он будет богом.

* * *

Я читал очень внимательно. Я и забыл, что сумел, в общем, недурно возражать Хьюго. Сейчас его доводы казались мне менее убедительными, и тут же пришло в голову несколько возможностей усилить позиции Тамаруса. Ясно, что в ту пору, когда писался этот диалог, я не в меру поддался влиянию Хьюго. Я решил конфисковать книгу, перечитать ее всю от начала до конца и пересмотреть собственные взгляды. У меня даже мелькнула мысль о возможном продолжении. Но через минуту я покачал головой. Оставалось в силе, что Аннандайн – всего лишь слабая карикатура на Хьюго. Хьюго никогда не употребил бы слов «обобщение» или «теория». Мне удалось передать только бледную тень его рассуждений.

Одновременно с этими мыслями где-то в моем сознании едва слышно журчал ручеек, ручеек воспоминаний. Что это было? Что-то стремилось вспомниться. Я бережно держал книгу в обеих руках и не спешил предаваться смутным грезам в ожидании, пока память прояснится. Смутно я недоумевал, как могла эта книга очутиться у Сэди. Казалось бы, такие вещи не должны ее интересовать. Я заглянул на внутреннюю сторону обложки. Там было написано имя, только не Сэди, а Анны. Секунду я глядел на него, все так же бережно держа книгу перед собой, и вдруг воспоминание, которого я ждал, овладело мной с ураганной силой.

То, о чем пытался напомнить мне прочитанный отрывок диалога, были слова, которые Анна произнесла в театре пантомимы, те слова, за которыми я уловил не ее мысли. Это и были не ее мысли. Это были мысли Хьюго. То был лишь отзвук его мыслей, пародия на них, точно так же, как моя книга была только отзвуком и пародией. Когда я слушал Анну, мне не пришло в голову связать ее слова с настоящим Хьюго, и, думая о Хьюго, я не вспоминал Анну. Моя собственная жалкая попытка выразить точку зрения Хьюго – вот что внезапно открыло мне источник, откуда и Анна, очевидно, почерпнула принципы, о которых толковала мне и выражением которых был ее театр. Я ни на минуту не подумал, что Анна могла взять свои идеи из моей книги. Чтобы поразить ум столь простого и нефилософского склада, как у Анны, книге недоставало и силы, и чистоты. Сомнений быть не могло. Мысли Анны были попросту выражением Хьюго негодными средствами, как мои мысли были выражением его же совсем иными средствами; и оба эти способа выражения, как ни странно, имели больше общего между собой, чем с оригиналом.

Голова у меня шла кругом. Я поставил книгу обратно и прислонился к полкам. У меня было такое ощущение, будто все становится на свои места, образуя рисунок, который я пока не удосужился разглядеть. Значит, Хьюго знаком с Анной. Это само по себе вполне естественно, поскольку он знает Сэди. Но мысль, что Хьюго знаком с Анной, была для меня новой и очень тревожной. Я всегда старался отгородить от всех ту часть моей жизни, которая касалась Хьюго. С Анной я встретился раньше, чем расстался с Хьюго, но близко узнал ее уже после этого. В разговорах с ней я смутно упоминал о Белфаундере как о человеке, которого немного знал еще

до того, как он стал знаменит. Вероятно, у нее создалось впечатление, что Хьюго перестал со мной знаться. Книгу же я ей никогда не показывал, а если и упоминал о ней, то лишь как о юношеской работе, не представляющей ни малейшего интереса. Я всегда говорил о ней так, будто она была опубликована очень давно и давно забыта.

Вопросы роем жужжали у меня в голове. Когда эта книга попала к Анне? Много ли ей известно о моем предательстве? Что означает театр пантомимы? Какие отношения связывают Хьюго и Анну? Что они могли сказать друг другу обо мне? Тут открывались такие чудовищные возможности, что я ахнул. Внезапно поведение Сэди тоже обрело смысл, и мне стало ясно, что Хьюго влюблен не в Сэди, а в Анну. Хьюго пополнил ряды тех, кому Анна уделяла ровно столько терпимого и нежного внимания, сколько требовалось, чтобы держать их в постоянной лихорадке. И уж скорее Анна была того типа женщина, какой мог увлечься Хьюго. Вот почему Сэди выходит из себя от ревности, вот откуда, возможно, и та враждебность, которую Хьюго пытается побороть, а я, видимо, призван каким-то образом поддерживать. А может быть, Уэлбек-стрит интересуется Хьюго просто потому, что он надеется застать там Анну. В общем, вариантов сколько угодно.

Теперь объясняется и театр пантомимы. Это, безусловно, какая-нибудь фантазия Хьюго, и для осуществления ее он завербовал Анну, возможно, против ее воли. Если она по ходу дела нахваталась его мыслей, так это вполне естественно. Анна впечатлительна, а Хьюго – яркая личность. Возможно, даже и так: театр для того и предназначался, чтобы привлечь и увлечь Анну, а затем стать для нее золотой клеткой. Мне вспомнился немой экспрессионизм ранних фильмов Хьюго. Допустим, что безмолвная чистота пантомимы прочно завладела его душой. Но самый-то театр во всей своей прелести был домом для Анны, домом, который Хьюго построил и в котором ей уготована была роль королевы. Неспokoйной королевы – я помнил, как нервничала Анна в тот день, когда я нашел ее в театре. Роль, которую создал для нее Хьюго, была явно не по ней. И тут мне явилось новое озарение. С невероятной отчетливостью перед глазами возникла фигура рослого мужчины в маске, которого я увидел на сцене крошечного театра, фигура, показавшаяся мне странно знакомой; теперь у меня уже не оставалось ни тени сомнения в том, что это был сам Хьюго.

В ту же минуту зазвонил телефон. Сердце у меня подскочило и упало, как птица, ударившаяся о стекло. Я вскочил с кресла. Мне было ясно, что это звонит Хьюго. Я смотрел на телефон, как смотрят на гремучую змею. Потом поднял трубку и, изменив голос, хрипло сказал: «Алло?»

На другом конце провода Хьюго нерешительно произнес:

– Простите, нельзя ли мне поговорить с мисс Квентин, если она дома?

Я стоял окаменев, не соображая, что нужно ответить. Потом сказал:

– Здравствуйте, Хьюго, это Джейк Донагью. Мне нужно как можно скорее увидеться с вами, дело важное. – Ответом было мертвое молчание. Я продолжал: – Вы бы не могли приехать сюда, к Сэди? Я здесь один. Или мне приехать к вам? – На середине этой фразы Хьюго положил трубку.

Тогда я пришел в исступление. Я крикнул что-то в трубку и швырнул ее. Я рвал на себе волосы и громко ругался. Я носился по комнате, раскидывая ногами ковры. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем я успокоился и спросил себя, почему я, собственно, так волнуюсь. Я чувствовал, что мне необходимо увидеть Хьюго немедленно, сию же минуту, любой ценой. Пока я не повидаяюсь с Хьюго, мне жизни на земле не будет. Зачем мне нужно его увидеть, я понятия не имел. Просто это было необходимо, и, пока это не свершится, я не смогу свободно дышать. Я схватил телефонную книгу. Что Хьюго переехал с прежней квартиры, это я знал, а новым его адресом нарочно не интересовался. Теперь я дрожащими пальцами листал справочник. Да, вот он: адрес в Холборне и телефон. С бешено бьющимся сердцем я набрал номер. Никто не ответил.

Я посидел тихо, соображая, что же делать дальше. Я решил сразу поехать по адресу, указанному в книге, на случай, что Хьюго все-таки дома, а если нет – разыскивать его на студии «Баунти – Белфаундер». Если Хьюго нужна Сэди, едва ли он на студии, ведь Сэди как раз туда и поехала. Но с другой стороны, возможно, что под «мисс Квентин» он подразумевал Анну. Так что неизвестно, может, он еще и на студии. Во всяком случае, сперва надо попытаться счастья в Холборне – вдруг он там прячется и просто не подходит к телефону. Если он звонил из дому, то, конечно, догадался, что я сейчас же сам ему позвоню.

Потом я представил себе, с какой неприязнью и отвращением он, наверно, положил трубку, услышав мое имя. Не мог заставить себя поговорить со мной хотя бы минуту. Я отбросил эти мысли как слишком горькие и стал поправлять ковры и наводить в комнате порядок. И тут я вспомнил, что Сэди специально просила меня никуда сегодня не уходить. Но ведь я выйду на поиски Хьюго, а охранять квартиру я как будто должен именно от его вторжения. Значит, мои действия можно расценить как наступательную тактику вместо оборонительной для достижения той же цели – не пускать Хьюго на Уэлбек-стрит. Если я найду Хьюго и займу его своей особой, я тем самым выполню желание Сэди, только по-другому. Я зашагал к входной двери. На прощание оглянулся, потом повернул ручку.

Ничего не последовало. Я еще раз повернул ручку. Дверь заело. Английский замок работал, но ниже в двери был еще один замок, другой системы, и он-то, очевидно, был заперт. Я осмотрел засовы, все они были отодвинуты. Я стал что было силы дергать дверь. Она, несомненно, была заперта, а ключ вынут. Меня заперли здесь. Убедившись в этом, я прошел в кухню и попробовал кухонную дверь, выходящую на пожарную лестницу. Она тоже была заперта.

Тогда я осмотрел окна. Проблеск надежды вселило в меня только окно на кухне, находившееся в нескольких футах от двери. При некоторой смелости оттуда можно было перескочить на пожарную лестницу. Я прикинул расстояние, глянул вниз и решил, что смелости у меня маловато. Я боюсь высоты. По той же причине отпадала водосточная труба на фасаде дома. Я стал обыскивать квартиру, заглядывая во всякие ящики – не окажется ли там ключа, – но надежды на успех было мало. Я уже не сомневался, что Сэди сделала это нарочно. По каким-то своим причинам она хотела, чтобы я удерживал форт весь день, а для верности посадила меня под замок. То обстоятельство, что она была права, предусмотрев мою попытку к бегству, ничуть не умаляло моей ярости. И было совершенно ясно, что на этом всякие отношения между мной и Сэди кончаются.

Отчаявшись найти ключ, я прибегнул к последнему средству – взломать кухонную дверь. Замок был простой. В общем я вскрываю замки довольно ловко, этому искусству научил меня Финн, сам он мастер по этой части. Но тут дело у меня не ладилось, главным образом потому, что не попадалось подходящего инструмента. Вскрывать замки удобнее всего куском толстой проволоки или крупной шпилькой. Ни того ни другого я в квартире не нашел и потому отступился. Теперь, когда мне стало предельно ясно, что я пленник и что остается только ждать возвращения Сэди, я был совершенно спокоен; вернее, пожалуй, будет сказать – угрюм и мрачен. Я собрал все свое имущество, чтобы сразу уйти. Никаких разговоров – это я решил твердо. И так же твердо было мое намерение, получив свободу, сейчас же отправиться на розыски Хьюго. Я еще раз позвонил ему, но никто не ответил. Подумал было позвонить кому-нибудь и попросить вызволить меня, но выяснилось, что посвящать в свои затруднения мне не хочется никого. Я налил себе полстакана джину, сел и долго смеялся.

Потом я почувствовал голод. Шел уже третий час. Я пошел в кухню и приготовил себе роскошное пиршество – паштет, лососина, консервы (куры и спаржа), малина, рокфор и апельсиновый сок. Вина Сэди я решил не пить, несмотря на всю чудовищность ее преступления. Достал в буфете коньяк и долго просидел за ним, жалея об одном – что Сэди не курит сигар. Когда меня снова начали одолевать мысли о Хьюго и Анне, я перемысл посуду. После этого я

загрустил и, выбрав одно из окон, выходящих на Уэлбек-стрит, стал глядеть на прохожих и машины.

Так я посидел некоторое время, высунувшись из окна, напевая какую-то французскую песенку и хмуро придумывая, что я скажу Сэди, когда она вернется, как вдруг заметил на другой стороне улицы две знакомые фигуры. То были Финн и Дэйв. Увидев меня, они остановились и стали делать мне таинственные знаки.

– Все в порядке! – крикнул я. – Никого нет.

Они перешли улицу, и Дэйв сказал:

– Ну и хорошо, а то мы боялись, вдруг царица Савская дома!

Оба смотрели на меня, задрав голову, и улыбались. Я был им страшно рад.

– Так, – сказал Дэйв, очень довольный собой. – Ну, нравится тебе быть телохранителем? Хорошо охранял?

Финн улыбнулся мне, как всегда, дружелюбно, но я чувствовал, что на этот раз он солидарен с Дэйвом. Обоим ситуация, видимо, казалась до крайности забавной. Что-то они подумают через минуту?

– Я провел спокойный день, – отвечал я с достоинством. – Немного поработал.

– Спросить его, какая это была работа? – обратился Дэйв к Финну. Я понял, что в ближайшие полчаса мне достанется.

– Ну, если твой рабочий день кончился, выходи, пойдем выпьем. Сейчас откроют. А может, ты пригласишь нас к себе? Или это не разрешается?

– Я не могу выйти, – сказал я ровным голосом. – И вас не могу пригласить.

– Почему? – спросил Дэйв.

– Потому что я здесь заперт.

Финн и Дэйв переглянулись, а потом будто сразу лишились сил. Дэйв сел на тротуар, давась от смеха, Финн томно прислонился к фонарному столбу. Оба тряслись. Я безмятежно ждал, когда припадок кончится, напевая что-то себе под нос. Наконец Дэйв поднял голову и после нескольких безуспешных попыток выдавил из себя:

– Все понятно.

И они опять покатались со смеху.

– Слушайте, вы, – сказал я раздраженно, – перестаньте ржать и выпустите меня на волю.

– Ах, ему хочется на волю! – воскликнул Дэйв. – А ты сам не пробовал освободиться? Вот водосточная труба. По ней спуститься легче легкого, ты как считаешь, Финн? – И они снова захохотали.

– Я испробовал все, – сказал я. – Замолчите и слушайте меня. Пусть Финн взломает замок у кухонной двери. До нее можно добраться по пожарной лестнице, с той стороны. Я бы и сам справился, только у Сэди нет шпилек.

– У нас тоже нет шпилек, – сказал Дэйв, – но мы можем отправиться к Сэди с петицией.

– Финн, – сказал я, – хочешь ты мне помочь?

– Я бы с удовольствием, – сказал Финн, – но у меня ничего с собой нет.

– Так пойд и найди что-нибудь! – крикнул я.

Наш не совсем обычный разговор уже привлек внимание прохожих, и мне не хотелось продолжать его. Мы согласились на том, что Финн найдет на одной из ближайших улиц шпильку и вернется. Если хорошенько поискать, найти на лондонских улицах шпильку не так уж трудно, даже в наше время. Я боялся одного – что Финн забудет, зачем пошел, и оседет в каком-нибудь баре. Я по себе знаю: когда идешь по улице, глядя себе под ноги, это оказывает прямо-таки гипнотическое действие.

Уладив этот вопрос, я решительно затворил окно. Я чувствовал, что поддерживать сейчас разговор с Дэйвом было бы ни к чему. Но через несколько минут я услышал, что он колотит в кухонную дверь, и мне пришлось выйти на кухню и беседовать с ним из окна просто для

того, чтобы его утихомирить. Четверть часа, не меньше, я бесился, выслушивая его шуточки на тему о том, что, будь у меня хоть капля храбрости и смекалки, я мог бы проползти по карнизу, залезть на крышу, связать простыни и так далее. Я отделялся короткими ответами и наконец услышал, как по лестнице бодрыми прыжками поднимается Финн. Он нашел прелестную шпильку и в какие-нибудь полминуты справился с замком. Мы с Дэйвом восхищенно следили за его работой. Когда дверь открылась, Дэйв и Финн хотели войти и осмотреть помещение, но я живо спустил их с лестницы. Я не жалел о несостоявшейся встрече с Сэди, и мне вовсе не улыбалось, чтобы она нас здесь застала. На дорогу я набил карманы печеньем. Я спросил себя, принадлежу ли я к тому кругу общества, где не зазорно стянуть две банки паштета у женщины, повинной в незаконном содержании вас под арестом, и ответил утвердительно. Бросив прощальный взгляд на афганские и казахские ковры, я схватил свое имущество и тоже спустился вниз.

Выйдя на улицу, я окликнул такси. Финн и Дэйв пребывали в отличном расположении духа и явно не намерены были со мной расставаться. Они, видно, решили, что в моем обществе вечер пройдет не скучно и нельзя упускать такой случай. Я же еще не надумал, что предпринять, и, как всегда, ощущал потребность в моральной поддержке, а потому позволил им ввалиться в такси следом за мной. Первым делом мы завезли мой чемодан и рукописи к миссис Тинкхем.

– А теперь куда? – спросил Дэйв. Его круглая физиономия так и сияла от радости, как у мальчишки перед пикником.

– Поедем искать Белфаундера, – сказал я.

– Это киношника? – спросил Финн. – С которым ты когда-то был знаком?

– Вот именно, – отрезал я и на дальнейшие вопросы отвечать отказался, так что остаток пути Дэйву пришлось развлекать Финна целой серией более и менее оскорбительных предположений.

Я не слушал их болтовни. Теперь, когда встреча с Хьюго маячила передо мной, подобно айсбергу, я сильно нервничал. Что я скажу Хьюго – этого я себе не представлял. Ведь не для того мне нужно его увидеть, чтобы выяснить его отношение к Анне. Тут я не сомневался в правильности своих догадок, как не сомневался и в том, что простак на сцене был Хьюго и что потом тот же Хьюго увез Анну в огромном черном «альвисе». Гораздо важнее было узнать, как Хьюго относится ко мне. Правда, у меня и тут не было сомнений – конечно же, Хьюго испытывает ко мне вполне понятную неприязнь и презрение. Но это я волен изменить. И все же не для того мне нужно было увидеть Хьюго. В тот день мне пришло в голову, что я еще многому могу у него поучиться, тем более что со времени наших бесед мои взгляды тоже претерпели изменение. Это мне стало ясно, когда я после стольких лет перечитал кусок диалога. Мое желание слушать Хьюго не притупилось. Нам еще есть о чем поговорить. Значит, поэтому я его так лихорадочно разыскиваю? Нет, мне просто хотелось его увидеть, вот и все. Матадор на арене не может сказать, почему ему хочется заколоть быка. Хьюго был моим роком.

Глава 7

Такси остановилось, мы вышли. Дэйв расплатился. Хьюго, как выяснилось, жил на Холборнском виадуке, в квартире, расположенной над несколькими этажами контор. На доске у двери, за которой начиналась каменная лестница, среди наименований торговых и юридических фирм значилась его фамилия – Белфаундер. Такси отъехало, мы остались одни на виадуке. Если вам приходилось бывать в лондонском Сити вечером, вы знаете, какое жуткое безлюдье царит на этих улицах, в дневное время таких оживленных и шумных. С виадука хорошо обозревать город. Но хотя перед нами открывались эффектные дали не только в сторону Холборна и Ньюгет-стрит, но и вдоль Фаррингдон-стрит, которая текла под нами, как высохшая река, нигде не было ни единой живой души. Ни кошки, ни полисмена. Вечер был теплый, прозрачный, безоблачно-синий, и мы пребывали посреди немого пространства, которое замыкал далекий шелест – не то шум уличного движения, не то летние вздохи клонившегося к закату солнца. Мы стояли не шевелясь. Даже Финн и Дэйв притихли.

– Подождите меня здесь, – распорядился я. – Если через несколько минут я не вернусь, можете уходить.

Это им не понравилось.

– Мы проводим тебя наверх, – сказал Дэйв. – И уж поверь нам, тут же смоемся, как только ты дашь знак.

Они, видимо, надеялись хоть одним глазком взглянуть на Хьюго.

Я отнюдь не был убежден, что им можно верить, однако спорить не стал, и мы пустились гуськом вверх по каменным ступеням. Теперь я не ощущал ничего, кроме тупой решимости. Мы поднимались все выше и выше, мимо запертых контор оптовиков и нотариусов. Когда мы добрались до четвертого этажа, сверху послышался странный шум. Мы остановились и поглядели друг на друга.

– Что это? – сказал Финн.

Мы не знали, что и думать. На цыпочках двинулись дальше, и шум стал определяться – много высоких голосов говорили разом, перебывая друг друга.

– У него гости! – догадался я.

– Женщины! – сказал Дэйв. – Наверно, кинозвезды. Пошли!

Мы с опаской продолжали путь. До двери Хьюго оставался всего один марш. Я оттолкнул своих спутников и пошел дальше один. Дверь была приоткрыта. Голоса звучали теперь очень громко. Я расправил плечи и вошел.

Комната, в которой я очутился, была пуста. Прямо перед собой я увидел вторую дверь. Я быстро пересек комнату и отворил ее. Следующая комната тоже была пуста. Я попятился к выходу и налетел на Финна и Дэйва.

– Это птички, – сказал Финн.

И верно! Квартира Хьюго занимала угол здания, снаружи вдоль нее шел высокий парапет. Крутая крыша, выдаваясь над окном, почти касалась парапета; а в глубоком углу под крышей гнездились сотни скворцов. Они порхали и резвились между стеклом окна и парапетом, словно в клетке. С улицы их, видимо, не было слышно, а может быть, мы не различили их голосов в общем гуле Лондона. Здесь же они просто оглушали. Я испытал и растерянность, и облегчение. Никаких признаков Хьюго!

Дэйв стоял у окна, тщетно пытаясь отогнать птиц.

– Оставь в покое, – сказал я. – Они здесь живут.

Я с любопытством огляделся по сторонам. Вторая комната была спальней и обставлена была с предельной простотой, присущей тому Хьюго, которого я когда-то знал. В ней стояла только железная кровать, соломенные стулья, комод и сундучок, а на нем – стакан с водой.

Зато в первой, большей комнате проявился новый Хьюго. Весь пол был застлан турецким ковром; зеркала, тахты, полосатые подушки создавали атмосферу элегантного безделья. На стенах висели картины – все оригиналы. Я узнал двух маленьких Ренуаров, одного Минтона и одного Миро и тихонько свистнул. Не припоминаю, чтобы Хьюго интересовался живописью. Книг было очень мало. Меня умилило и показалось очень типичным для Хьюго, что он, уходя, оставил дверь этой сокровищницы открытой.

Финн глядел на птиц. Если забыть об их оглушительном верещании, они являли собой чудесное зрелище: они порхали, возились, прыгали, расправляли остроперые крылышки в раме окон, словно были частью убранства комнаты. Глядя на них, я думал, как мне поступить, может быть, усесться здесь и ждать возвращения Хьюго?

Но тут Дэйв, который рыскал по комнате, воскликнул:

– Гляньте-ка! – И указал на записку, приколотую к двери: входя, мы ее не заметили.

Записка гласила: «Ушел в кабак».

Дэйв мигом выскочил на площадку.

– Чего мы ждем? – У него был вид человека, которому хочется выпить. И у Финна, когда ему подали эту идею, сделался тоже такой вид.

Я колебался.

– Мы не знаем, в какой кабак.

– Наверно, в ближайший, – сказал Дэйв, – или в один из ближайших. Можно поискать.

Они с Финном уже мчались вниз. Я быстро оглядел площадку. Другая дверь вела с нее в ванную и в маленькую кухню. Окно кухни выходило на плоскую крышу, за которой были видны окна других конторских зданий. Вот и все владения Хьюго. Я кинул прощальный взгляд на скворцов, оставил дверь в гостиную Хьюго приоткрытой, как было, и тоже пошел вниз.

Мы постояли возле бронзовых львов на виадуке. Чистый вечерний свет бил по шпилям и башням Святой Бригитты на юге, Святого Иакова – на севере, Святого Андрея – на западе, Гроба Господня, Святого Леонарда Фостера и Святой Марии-ле-Боу – на востоке. В вечернем свете дремали дома и одинокие белые шпили. Фаррингдон-стрит была все так же широка и пустынна.

– Куда пойдем? – спросил Дэйв.

Я хорошо знаю Сити. Мы могли двинуться либо на запад, к «Королю Лудду» и барам Флит-стрит, либо на восток, к менее популярным кабачкам Сити, зажатым среди кривых переулков и высоких церквей. Я вызвал в памяти облик Хьюго и сказал:

– На восток.

– А где восток? – спросил Финн.

– Пошли! – сказал я.

Мы миновали церковь Гроба Господня и ввалились в таверну «Виадук», которая славились пивом Мьюкса. Окинув взглядом стойки, я убедился, что Хьюго здесь нет, и хотел тут же уйти, но Финн и Дэйв запротестовали.

– Я помню, – сказал Дэйв, – ты как-то объяснял мне, что неприлично пить в кабаке, когда не знаешь, как он называется, а также уходить из кабака, ничего не выпив.

Финн добавил:

– Это приносит несчастье.

– Так или иначе, – сказал Дэйв, – у меня пересохло в горле. Тебе какого, Финн?

В других условиях я бы тоже был не прочь выпить, и, так как вечер был жаркий, я раздел с друзьями пинту пива, только пил, стоя один в сторонке и думая о Хьюго. С пинтой мы быстро покончили, и я отдал приказ к выступлению. Стараясь не смотреть на Олд-Бейли, я повел их через улицу.

Тут стояло нарядное заведение «Пень и сорока», где подавали пиво Чаррингтона. Я забежал вперед, оглядел бар и выскочил на улицу, не дав им времени войти в дверь.

– И здесь нет! – крикнул я. – Пойдем в следующий. – Я понимал, что с каждым глотком продвижение наше будет замедляться, и мне хотелось, пока не поздно, уйти как можно дальше.

Финн и Дэйв галопом обогнали меня и ринулись в «Джордж», здесь поили элем Уотни, – уютный кабачок с облупленными стенами и старинной стойкой, где высилось сооружение из стекла и красного дерева, из-за которого бармен взирал на мир, как священник со своей кафедры. Хьюго там не было.

– Ничего не выйдет, – сказал я, когда мы опорожнили по кружке, – он может быть где угодно.

– Не вешай нос, – сказал Дэйв. – Домой к нему ты всегда можешь вернуться.

Он был прав; к тому же меня снедала нестерпимая тревога. Раз нужно убить вечер до возвращения Хьюго, почему не убить его на поиски Хьюго? Я окинул мысленным взором район вокруг собора Святого Павла. Потом заключил с Финном и Дэйвом соглашение, что мы будем заходить не во все бары подряд, а через один. Наконец я стал подгонять их к выходу. Выйдя на улицу, я направился к Ладгет-Хилл и повернул вверх, к собору. В конце подъема стоял кабачок, где угощали пивом Янгера, но Хьюго там не было. Следующий привал мы сделали у Шорта, в переулке Святого Павла. Там мы тоже выпили, и я стал обдумывать, не вернуться ли на Флит-стрит; но ведь я сам выбрал восточное направление, отступить не хотелось. Кроме того, встреча с Хьюго в обстановке Флит-стрит мне не улыбалась – был риск, что в нашу личную драму вторгнутся какие-нибудь пьяные журналисты. И я повел всю компанию на Чипсайд.

Час был поздний. Темнота уже стущалась в воздухе, но под этой прозрачной завесой умирающие краски казались особенно яркими. Над головой небо густо синело, ближе к горизонту горело аметистами. Из мрака и теней переулка Святого Павла мы вышли на Чипсайд, как на освещенную арену, и к югу от себя, на той стороне Кэннон-стрит, увидели в раме развалин ровные бледные прямоугольники аббатства Святого Николая. Заросли кипрея колыхались над остатками улиц. В этом запустении разноцветные остовы домов тянулись кверху пустыми и заполненными прямоугольниками окон и стен. Последние лучи солнца озаряли блестящий кирпич и сверкающую черепицу, тут и там согревали камень упавшей колонны. Когда мы проходили церковь Святого Веста, синева в зените еще стусилась, и мы, повернув за угол бывшего переулка Фрименс-Корт, вошли в заведение, где торгуют элем Хенеки.

Здесь наше соглашение лопнуло, главным образом по причине процесса замедления, о котором говорилось выше. К этому времени я уже пришел к мысли, что Хьюго мы едва ли найдем, но все равно, круг можно и завершить. Пока мы переходили обратно через Чипсайд и сворачивали на Боу-лейн, стали зажигаться фонари. Желтые качающиеся круги света в узких переулках падали на белые стены с вывесками старинных фирм, а вверх совсем стемнело. Я заметил несколько звезд – вид у них был такой, точно они висят там уже давно. Мы заглянули в старую «Таверну» на Уотлинг-стрит. Такие вот места Хьюго всегда любил; но его там не было. Допивая стакан, я сообщил Финну и Дэйву, что теперь мы зайдем в «Герб скорняков», а потом двинемся обратно, к Ладгет-Сэркус.

Они не возражали.

– Лишь бы не терять слишком много времени на переходы, – заметил Финн.

Я вытащил их на улицу, и мы подошли к «Гербу скорняков». Эта пивная стоит на стыке Кэннон-стрит и Куин-Виктория-стрит, под сенью церкви Святой Марии. Мы вошли.

Только я убедился в том, что и здесь Хьюго нет, как Дэйв схватил меня за рукав:

– Идем, я хочу тебя с кем-то познакомить.

У дальнего конца длинной стойки стоял какой-то шуплый субъект в красном галстуке бабочкой. Он сделал Дэйву приветственный знак, и, когда мы подошли ближе, меня поразили его огромные глаза – печальные, круглые и лучистые, как глаза вомбата или Христа у Руо.

– Познакомьтесь, – сказал Дэйв. – Лефти Тодд – Джейк Донагью.

Мы обменялись рукопожатием. Я, разумеется, много слышал об эксцентричном лидере Новой независимой социалистической партии, но еще не встречался с ним и теперь не без любопытства его разглядывал.

– Вы что тут делаете? – спросил он Дэйва. Его изможденный, малокровный облик не вязался с резкой, энергичной манерой говорить. Он помахал Финну как знакомому. Финна почему-то никогда ни с кем не знакомят.

– Спросите Донагью, – сказал Дэйв.

– Что вы здесь делаете? – обратился Лефти ко мне.

Я не люблю, когда мне задают вопросы в упор, и в таких случаях обычно лгу.

– Заходили к одному приятелю в редакцию «Стар», – ответил я.

– К кому? – спросил Лефти. – Я там всех знаю.

– Некий Хиггинс, он там недавно.

Лефти посмотрел на меня удивленно и пристально.

– Ну ладно, – сказал он и опять обратился к Дэйву: – Вы не часто бываете в этих краях?

– А вы, наверно, укладывали спать «Независимого социалиста»?

– Строго говоря, он еще не спит, – сказал Лефти. – Там есть кому о нем позаботиться.

Он опять повернулся ко мне:

– Я о вас слышал.

Раздражение мое еще не прошло. Я не сделал промаха, не ответил, как иногда отвечают на эти слова знаменитому человеку: «Я тоже о вас слышал». Нет, я спросил:

– Что же вы обо мне слышали? – Этим вопросом легко смутить человека.

Лефти не смутился. Он немного подумал и отвечал:

– Что вы талантливы, но ленивы, а потому не работаете, и что вы исповедуете левые взгляды, но активно в политической жизни не участвуете.

Все было ясно.

– Информация правильная, – сказал я.

– На пункт первый мне плевать, – сказал Лефти. – Но по второму пункту хочу вам задать несколько вопросов. Время у вас есть? – И он поднял руку часами ко мне.

У меня кружилась голова от пункта первого и пункта второго, а также от его резкости и выпитого пива.

– Вы хотите говорить со мной о политике?

– О вас с политической точки зрения.

Дэйв и Финн тем временем отошли и уселись за столик.

– Ну что ж, – сказал я.

Глава 8

– Так, – сказал Лефти. – Для начала проясним положение. Какой у вас опыт политической работы?

– Когда-то я состоял в Союзе молодых коммунистов. Сейчас – член лейбористской партии.

– Что это значит, нам известно, – сказал Лефти. – Практического опыта ни малейшего. Но теоретически вы хотя бы идете в ногу с жизнью? Политическую обстановку изучаете?

Он говорил быстро и бодро, как врач с пациентом.

– Очень поверхностно, – отвечал я.

– Вы можете хотя бы объяснить, почему сложили оружие?

Я развел руками.

– Дело безнадежное...

– Ага, – сказал Лефти. – Вот этого как раз и не следует говорить. Это грех против Святого Духа. Ничего безнадежного на свете нет. Верно, Дэйв? – Дэйв в эту минуту подошел к стойке заказать еще порцию.

– Кроме попыток заткнуть тебе рот, – ответил он.

– Что вернее: вы ушли от борьбы, потому что вам было все равно или потому что не знали, что делать? – спросил меня Лефти.

– Одно связано с другим, – начал я и готов был еще поговорить на эту тему, но Лефти перебил меня:

– Вы совершенно правы. Я и сам хотел это сказать. Так вы признаете, что вам не все равно?

– Конечно, – сказал я, – но...

– Это и нужно для начала. Если вам не все равно, значит, вы потенциальный борец. А какая еще моральная проблема возможна в наше время?

– Верность друзьям и порядочность по отношению к женщинам, – ответил я без запинки.

– Ошибаетесь, – сказал Лефти. – На карту поставлена вся система. Что толку не дать человеку споткнуться, если он находится на тонущем корабле?

– Если он ломает ногу, то не сможет плыть, – рискнул я.

– Но что толку заботиться о его ноге, если можно попытаться спасти ему жизнь?

– На первое я способен, на второе нет, – отвечал я, начиная сердиться.

– Ну-с, посмотрим, – сказал Лефти, отнюдь не обескураженный.

Он вытащил из портфеля пачку брошюр и быстро их перебрал.

– Вот эта подойдет, – сказал он, держа брошюру передо мной, как зеркало. На обложке крупным шрифтом стояло: «Почему вы отошли от политики?», а ниже – «Левой политике нужна ваша поддержка». В нижнем углу значилась цена – шесть пенсов. Я стал шарить в карманах.

– Не надо, не надо, это подарок, – сказал Лефти. – Мы их вообще не продаем. Но когда цена проставлена, люди чувствуют, что сэкономили деньги, и читают текст. Вы просмотрите ее завтра, на досуге. – И он засунул брошюру во внутренний карман моего пиджака. – Ну, дальше. Вы социалист?

– Да.

– В самом деле?

– Да.

– Хорошо. Имейте в виду, мы еще не знаем, что это значит, но пока это не важно. Скажите, какие же особенности современного положения привели вас к выводу, что бороться за социализм – безнадежное дело?

– Не то чтобы безнадежное... – начал я.

– Бросьте, бросьте. В болезни мы признались, так? Теперь переходим к лечению.

– Ладно, – сказал я. – Суть вот в чем. Английский социализм – явление почтенное, но это не социализм. Это капитализм процветания. Его не тревожит истинный бич капитализма, состоящий в том, что труд убивает.

– Так, так, – сказал Лефти. – Не будем торопиться. Какое из положений Маркса самое мудрое?

Этот метод вопросов и ответов начинал мне надоедать. Лефти задавал каждый вопрос так, будто на него возможен только один совершенно точный ответ. Это смахивало на катехизис.

– Почему какое-то одно положение непременно самое мудрое? – спросил я.

– Вы правы, у Маркса множество мудрых положений, – сказал Лефти, не соизволив заметить моего раздраженного тона. – Например, он сказал, что не сознание определяет бытие, а общественное бытие определяет сознание.

– Не забудьте, мы еще не знаем, что это значит...

– О нет, это мы знаем! И значит это совсем не то, что воображают некоторые марксисты с механистическим уклоном. Это не значит, что общество развивается автоматически, а идеологи просто плетутся за ним следом. Что важнее всего в эпоху революций? Да, разумеется, сознание. А в чем его главная особенность? Да именно в том, что оно не просто отражает социальные условия, но влияет на них – до известного предела, конечно, только до известного предела. Отсюда большое значение имеет вы, интеллигенция. Скажите, как вы представляете себе задачи такой организации, как ННСП?

– Получить больше голосов, чем другие партии, и сделать вас премьер-министром.

– Ничего подобного! – с торжеством воскликнул Лефти.

– Тогда каковы же ее задачи?

– Не знаю.

Я решил, что с его стороны было нечестно огорошить меня вопросом, на который он сам не может ответить.

– В том-то и дело! – продолжал он. – Нас обвиняют в безответственности. Но те, кто обвиняет, просто не понимают нашего назначения. Наше назначение в том, чтобы исследовать социалистическое сознание Англии. Повысить ее чувство ответственности. Новые общественные формы нам навяжут достаточно скоро. Но почему мы должны ждать этого времени, не имея при себе ничего лучшего, чем социальные идеи, почерпнутые из старых общественных форм?

– Минутку, – сказал я. – А что будет пока с народом? Я имею в виду массы. Идеи приходят в голову отдельным личностям. В этом всегда была беда человечества.

– Вы попали в самую точку. Сейчас вы скажете: «А где же тогда пресловутое единство теории и практики?»

– Вот именно. По-моему, для Англии было бы просто великолепно, если бы английский социализм обновился, обрел вторую молодость. Но что толку в интеллектуальном обновлении, которое не коснется народа? Теория и практика сливаются воедино только в исключительных обстоятельствах.

– Например? – спросил Лефти.

– Например в России, когда большевистская партия боролась за власть.

– Э, – сказал Лефти, – вы выбрали плохой пример в подкрепление вашего довода. Почему нас так поражает необычайная сознательность, с какой эти люди, казалось бы, добивались своей цели? Потому что они победили. Нельзя судить о единстве теории и практики по отдельным случаям. Важен также принцип, по которому они расходятся. Ваша беда в том, что вы в душе не верите в возможности социализма. Вы механицист. А почему? Сейчас я вам объ-

ясню. Вы называете себя социалистом, но вы, как и все вам подобные, воспитаны на «Британия правит морями». Вы хотите быть частью чего-то большого, яркого. Поэтому вам жаль, что вы не можете примкнуть к коммунистам. Но этого вы не можете, а на то, чтобы разделаться с тем, другим, у вас не хватает воображения. Отсюда безнадежность. Вам недостает гибкости, гибкости! – Лефти ткнул в меня неимоверно длинным, подвижным пальцем. – Мы, возможно, упустили шанс возглавить Европу, – сказал он. – Но главное – заслужить это право. А тогда, возможно, появится и новый шанс.

– А тем временем, – сказал я, – как быть с диалектикой?

– Ну, знаете, – сказал Лефти, – это все равно что дурной глаз. И не веришь в него, а все-таки боишься. Даже приверженцы диалектики знают, что предсказать будущее невозможно. Единственное, что в нашей власти, – это сперва думать, а потом действовать. На то мы и люди. Даже Европа не будет продолжаться вечно. Вечного вообще ничего нет.

Дэйв опять стоял у стойки.

– Кроме евреев, – сказал я.

– Ваша правда, – сказал Лефти. – Кроме евреев.

Мы оба посмотрели на Дэйва.

– Что? – спросил он.

– Время закрывать, джентльмены, – сказала буфетчица.

– Так вы признаете, что не все можно объяснить? – спросил я.

– Да, я эмпирик.

Мы отдали стаканы.

Я проглотил уже столько спиртного, что необходимость прекратить это занятие повергла меня в отчаяние. И к Лефти я начал проникаться симпатией.

– Здесь можно купить бутылку бренди? – спросил я его.

– Вероятно.

– Так, может, купим бутылку и продолжим нашу дискуссию где-нибудь в другом месте?

Лефти минуту колебался, потом сказал:

– Ну что ж, только одной бутылки нам будет мало. Четыре полбутылки «Хеннеси», мисс, будьте добры, – обратился он к буфетчице.

Мы вышли на Куин-Виктория-стрит. Ночь была тихая, жаркая, прожженная звездами и залитая луной. Несколько пьяных, пошатываясь, убрались прочь и оставили нас одних. Мы стояли, глядя в сторону Святого Павла, у каждого в кармане была бутылка.

– Куда? – спросил Дэйв.

– Минутку, – сказал Лефти, – дайте собраться с мыслями. Мне нужно зайти на почту, отправить кое-какие письма.

Характерная черта центрального Лондона: единственное, что там можно купить в любое время дня и ночи, – это почтовые марки. Даже женщины там не найти после половины четвертого утра, разве только вы особенно хорошо осведомлены. Мы двинулись в сторону главного почтамта, и, сворачивая на Кинг-Эдвард-стрит, я хлебнул из своей бутылки. Хлебнул и понял, что уже сильно пьян.

Главный почтамт стоял огромный, мрачный, как пещера, казенный, трезвый, полутемный. Мы с хохотом ввалились в подъезд, нарушив покой нескольких клерков и людей, занятых сочинением анонимных писем или предсмертных записок, – такие всегда толкуются здесь в поздний час. Пока Лефти покупал марки и отправлял телеграммы, я организовал исполнение канона «Колокол отлили», а поскольку у меня никогда не хватает ума вовремя остановиться, мы пели до тех пор, пока кто-то из служащих не выставил нас за дверь. Тут мы загляделись на фантастические почтовые ящики – огромные разинутые пасти, в которые бросаешь письмо и видишь, как оно летит вниз, вниз, по темному длинному колодцу, и наконец падает на поддон в освещенной комнате глубоко под землей. Это зрелище так заворожило меня и Финна, что

мы решили тут же написать по письму и опять вошли в здание – купить конвертов и бумаги. Дэйв сказал, что и так получает слишком много писем, так незачем привлекать их еще больше бессмысленными посланиями. Финн сказал, что напишет кому-то в Ирландию. Я начал писать Анне, прижав бумагу к стене почтамта, но не мог придумать, что ей сказать, кроме «Я тебя люблю». Это я написал несколько раз подряд, очень криво. Потом добавил: «Ты прекрасна» – и запечатал письмо. Я засунул его глубоко в пасть почтового ящика, и оно полетело вниз, переворачиваясь на лету, как осенний лист.

– Пошли! – сказал Лефти.

– Куда?

– Сюда! – И он повел нас куда-то вниз вдоль стены почтамта. Вдруг я с изумлением увидел, что он вознесся над землей. Он стоял на какой-то стене и манил меня к себе. В ту минуту я, кажется, готов был залезть хоть на борт «Куин Мэри». Я последовал за Лефти, остальные последовали за мной. Мы очутились в маленьком, огороженном со всех сторон и густо заросшем саду. В прозрачном летнем мраке я различил смоковницу, склонившуюся над железной калиткой. Среди белых камней росла высокая, по колено, трава. Мы сели. И тут я вдруг сообразил, что там, где мы находимся, был когда-то неф церкви Святого Николая Фостера. Я лег на траву, и глаза мои наполнились звездами.

Через некоторое время до меня долетел голос Лефти:

– Самое главное для вас – ввязаться в борьбу. Стоит начать что-то делать, сталкиваться с людьми – и некоторых из них вы непременно возненавидите. А ничто так не разбивает абстракций, как ненависть.

– Правильно, – протянул я лениво. – Сейчас я никого не ненавижу.

Мы говорили вполголоса. Рядом с нами Финн и Дэйв тоже о чем-то шептались.

– Как же вам не стыдно, – сказал Лефти.

– А что я могу сделать?

– Этот вопрос придется изучить. Мы ко всем своим членам применяем научный подход. Мы спрашиваем о каждом: где точка пересечения его потребностей и наших? Какая работа больше всего придется ему по душе и в то же время будет полезна нам? Разумеется, на каждого ложится и какая-то доля рядовой работы.

– Разумеется, – сказал я. Я смотрел, как за лесом травы поднимается Орион.

– В данном случае, – сказал Лефти, – сомнений, к счастью, нет. Совершенно ясно, что вы можете делать.

– Что же?

– Писать пьесы.

– Не умею, – сказал я. – Романы не подойдут?

– Нет. Кто в наше время читает романы? А пьесы писать вы не пробовали?

– Никогда.

– Ну так начинайте, и чем скорее, тем лучше. Конечно, с расчетом на театры Вест-Энда.

– В Вест-Энде не так-то легко поставить пьесу.

– Не верьте в эту легенду! – сказал Лефти. – Все дело в том, чтобы пойти на известные уступки распространенным вкусам. До того как писать, подвергните научному анализу несколько пьес, которые за последнее время имели успех. Ваша беда в том, что вы не любите усидчиво работать. Создайте приемлемый костяк, а заполнить его можете любой идеей. В общем, вы заходите ко мне на будущей неделе, мы с вами это обсудим. В какой день вы могли бы зайти?

Он достал записную книжку и стал быстро листать густо исписанные странички. Я искал в уме, чем бы отговориться, но ничего не придумал. Орион лез ногой мне в глаза.

– Во вторник, в среду, в четверг... Но я ничего не обещаю.

– Я порядком загружен, – сказал Лефти. – Может быть, в пятницу, в три пятнадцать? У меня просвет до четырех, а если повезет, то даже чуть дольше. Вы приходите ко мне в редакцию.

– Ладно, ладно, – сказал я. Бледное пятно – лицо Лефти – обратилось ко мне.

– Забудете. – Он достал карточку, записал время и адрес и сунул карточку мне в карман. – А теперь, – сказал он, – может, вы мне расскажете, что вы делали в этих краях?

Этот вопрос меня взволновал – я усмотрел в нем первое прямое указание на то, что Лефти присущи и чисто человеческие свойства, а вдобавок он напомнил мне о Хьюго, который за последние несколько часов как-то испарился из моей памяти. Я с усилием принял сидячее положение. Голова моя, казалось, держалась на пружине, и кто-то пытался ее оторвать. Я вцепился в нее обеими руками.

– Я искал Белфаундера.

– Хьюго Белфаундера? – переспросил Лефти с нескрываемым интересом.

– Да, а вы его знаете?

– Знаю, кто он такой.

Я повернулся к Лефти, но его огромные глаза были всего лишь черными провалами на бледном лице.

– Вы сегодня его видели? – спросил я.

– К «Скорнякам» он не заходил.

Мне хотелось продолжать расспросы: интересно, как Лефти воспринимает Хьюго? Как капиталиста? Но сейчас все мое внимание поглощала моя собственная голова.

Прошло еще сколько-то времени, вероятно, шел уже третий час, и тут Финн выразил желание искупаться. Лефти перед тем говорил с Дэйвом, а ко мне только начало приходиться второе дыхание. Ночь стояла безупречно теплая и тихая. Идея Финна нашла отклик у всех, кроме Дэйва. Мы стали обсуждать, куда пойти. До Серпантайна было далеко, до Риджентс-парка тоже, а в районе Сент-Джеймс-парка всегда слишком много полиции. Сам собой напрашивался вывод – искупаться в Темзе.

– Вас унесет отливом, – сказал Дэйв.

– Не унесет, если поймать нужный момент, – сказал Финн. Это было гениально. Но когда настанет нужный момент?

– Сейчас посмотрим, у меня записано, – сказал Лефти. Мы окружили его тесным кольцом, и он зажег спичку. – Высшая точка прилива у Лондонского моста – два пятьдесят восемь. В самый раз! – В следующую минуту мы уже лезли через стену. – Берегитесь полиции, – сказал Лефти. – Они подумают, что мы идем грабить склад. Если увидите полисмена, притворитесь пьяными.

Без этого совета мы, в сущности, могли обойтись.

Мы стали пересекать озаренный луной пустырь, где раньше проходила Файфут-лейн, где множество скорбных надписей на щитах в развалинах Сити обозначают места стоявших здесь церквей и кабаков. Мимо одинокой башни Святого Николая мы выбрались на Аппер-Темз-стрит. Не слышно было ни звука – ни шагов, ни колокольного звона. Мы старались ступать бесшумно. Из освещенного пространства мы свернули в темный лабиринт переулков и разрушенных складов, где громоздились кучи каких-то непонятных предметов. Обрывки газет, которыми были усеяны улицы, застыли в полном безветрии. Редкие фонари то выхватывали из мрака кусок обвалившейся кирпичной стены, то отбрасывали на тротуар тень кошки. Наконец какая-то улица, темная и глубокая, как колодец, уперлась в каменный парапет, а за ним, у подножия нескольких ступеней, опять была луна, теперь расплескавшаяся по реке. Мы перелезли через парапет и немного постояли на ступенях, чувствуя, как вода лижет нам подошвы.

Справа и слева от нас в воду выдавались стены складов, заслоняя вид и отгораживая заливчик, где река подходила к нам вся в грязной пене и обломках досок, полная до краев, в

самом сердце Лондона. Пахло гнилью. Финн стал разуваться. Человека, который видел Лефти, ни одна грязная река уже не отпугнет.

– Поаккуратнее, – сказал Лефти. – Пригнитесь, тогда с улицы не видно. Не говорите громко, не ныряйте. Тут, возможно, рыщет речная полиция. – Он стянул рубашку.

Я посмотрел на Дэйва:

– Будешь купаться?

– Конечно, нет! По-моему, вы все с ума сошли. – Он сел, прислонясь к парапету.

Сердце у меня колотилось. Я тоже стал раздеваться. Финн, голый и бледный, уже ступил в воду. Он медленно спустился по ступенькам, отодвигая ногой плавучий мусор. Вода дошла ему до колен, до бедер, и вот уже он, тихо плеснув, поплыл прочь от берега, и дерево застучало о камень от набежавших крошечных волн.

– И шумит же он, черт возьми, – сказал Лефти.

В животе у меня было холодно, пробирала дрожь. Я стянул с себя последнее. Лефти меня опередил.

– Только тихо, – сказал он. – За *это* я не желаю угодить в полицию.

Мы улыбнулись друг другу в темноте. Он повернулся к реке и стал неуклюже спускаться, постепенно уходя в черную воду. Ночной воздух тронул мое тело прикосновением не холодным и не теплым, а только очень мягким и неожиданным. Кровь загудела во мне лихорадочными толчками. Без единого звука Лефти последовал за Финном. Вода сжала мои лодыжки холодными тисками. Спускаясь, я видел краешком глаза Дэйва – он высился надо мной, как монумент. Потом вода обняла меня за шею, и я понесся на простор реки.

Небо развернулось надо мной, как знамя, усыпанное звездами и выбеленное луной. Позади меня черные корпуса барж отбрасывали в воду густую тень; на том берегу, еле видные, тянулись ввысь темные башни и шпили. Я плыл и плыл. Темза казалась невероятно широкой; поворачивая голову вправо и влево, я видел то темные заводы под Блекфрайерским мостом, то быки Саутуоркского моста, поблескивающие в свете луны. Вся водная гладь переливалась и мерцала. Я поискал глазами Финна и Лефти и вскоре увидел неподалеку от себя их головы, подпрыгивающие на воде. Они приблизились ко мне, и мы поплыли рядом. На редкость удачно мы поймали время между приливом и отливом – течение совершенно не чувствовалось.

Из нас троих я, несомненно, был лучшим пловцом. Финн плавает быстро, но некрасиво – тратит много сил на лишние движения, слишком перекачивается с боку на бок. У Лефти движения были четкие, но недостаточно сильные. Я видел, что он скоро устанет. Я плаваю отлично, весь отдаюсь воде, кролем могу плыть сколько угодно. Плавание сродни дзюдо. И то и другое искусство зиждется на умении отрешиться от тупой и боязливой приверженности к вертикальному положению. И то и другое предполагает участие всех мускулов. И то и другое при многообразной физической нагрузке требует отказа от любого ненужного движения. И то и другое динамично, как вода, находящая сотни путей, чтобы достичь единого уровня. А когда научишься владеть своим телом и преодолеешь страх перед падением, глубоко заложенный в сознании человека, тогда уже легко, во всяком случае много легче, достигнуть совершенства и в других «физических» искусствах. Я, например, хорошо танцую и очень прилично играю в теннис. Если бы что-нибудь могло утешить меня за малый рост, это служило бы мне утешением.

Финн и Лефти уже повернули назад, к лестнице. Я подплыл к какой-то барже, ухватился за канат и, откинув голову, полежал неподвижно, глядя на панораму черно-синего неба и серебристо-черной воды и дожидаясь, когда хлынет в меня тишина. Потом вылез по канату из воды и повисел, обняв его, как белый червяк. Потом бесшумно, на одних руках, снова опустился в реку. Коснувшись ногами воды, я почувствовал, что их легонько, но упорно тянет вбок. Начался отлив. Я быстро поплыл к лестнице.

Финн и Лефти одевались, давясь от сдерживаемого смеха. Я к ним присоединился. Разрядилось какое-то напряжение, совершился обряд. Нам хотелось кричать, тузить друг друга. Но шуметь было нельзя, и вся наша энергия ушла в смех. Одевшись, я почувствовал, что мне тепло, что я почти трезв и голоден как волк. Я пошарил в карманах плаща и нашел печенье и паштет, которые стянул у Сэди. Их встретили немymi изъятиями восторга. Мы уселись на лестнице, которая становилась все длиннее, по мере того как вода отступала, оставляя у наших ног сломанные корзины и ящики, пустые жестянки и всякий мусор. Я вскрыл банки с паштетом перочинным ножом и раздал печенье. У всех, кроме меня, еще оставалось в бутылках немного бренди, но Дэйв сказал, что с него хватит, и передал свои права мне. Лефти заявил, что ему скоро нужно уходить, потому что утром одно из отделений партии переезжает в новое помещение. Он предложил остатки своей бутылки Финну, тот не отказался. Мы весело закусили, передавая банки по кругу. Бренди пробежало по моим внутренностям, как божественный огонь, и разогнало кровь до скорости света.

Что было потом, я помню смутно. Остаток ночи проступает отдельными пятнами из тумана, окутавшего мою память. Лефти ушел после того, как мы поклялись друг другу в вечной дружбе и я обязался посвятить себя социалистическим исследованиям. У меня состоялась долгая сентиментальная беседа с Дэйвом, о чем – не помню, может быть, о судьбах Европы. Финн, опьяневший еще больше, чем я, куда-то затерялся. Когда мы уходили, он лежал ногами в воде. Немного погодя Дэйву вспомнилось, что как будто в воде была его голова, а не ноги, и мы вернулись проверить, но Финна не нашли. Проходя пустынными улицами под бледнеющим небом, я словно слышал какой-то странный звук – может быть, то звонили вдали колокола Святой Марии, и Святого Леонарда, и Святого Веста, Святой Анны, Святого Николая, Святого Иоанна-Захарии. Наступающий день запустил длинную руку в гущу ночи. Неожиданно быстро наступил туманный рассвет, и, когда я допивал бренди возле Святого Андрея-при-Гардеробе, над горизонтом уже протянулись ярко-зеленые полосы.

Глава 9

Дальше я помню, что мы пили кофе на Ковент-Гарденском рынке. Там очень рано открывается кофейный павильончик для грузчиков, но в то утро никого, кроме нас, возле него не было. Уже совсем рассвело. Мы стояли в той части рынка, где торгуют цветами. Оглядевшись по сторонам и увидев множество роз, я сейчас же вспомнил Анну. Я решил безотлагательно преподнести ей букет и сообщил об этом Дэйву. Мы пошли по аллее из огромных корзин с цветами. Народу было так мало, а цветов так много, что сам Бог велел брать все, что приглянется. Я шел между двумя стенами роз, еще мокрых от ночной росы, и брал подряд белые, розовые, чайные. Из-за угла навстречу мне вышел Дэйв, нагруженный пионами – махровыми шарами в алую крапинку. Мы объединили свои цветы в одну охапку. Поскольку не было причин на этом останавливаться, мы произвели опустошения в нескольких ящиках с фиалками и анемонами, а карманы набили анютиными глазками; рукава у нас намокли, мы задыхались от цветочной пыли. Подхватив свою добычу, мы выбрались за пределы рынка и, дойдя до Лонг-Эйкр, присели на каком-то пороге.

Голова у меня трещала, я отнюдь не протрезвел. Как сквозь сон я услышал голос Дэйва:

– Боже милостивый, совсем забыл. Тебе еще третьего дня пришло письмо. Я с тех пор таскаю его в кармане.

Он протянул мне письмо, и я лениво взял его. И вдруг узнал почерк Анны.

Я неловко разорвал конверт, пальцы тряслись от страха. Буквы плясали и плыли у меня перед глазами. Когда они наконец успокоились, я прочел следующее короткое послание: «Мне нужно как можно скорее с тобой повидаться. Пожалуйста, приезжай в театр». Я обхватил голову руками и застонал.

– Что случилось? – спросил Дэйв.

– Найди мне такси, – простонал я.

– Ну тебя с твоим такси. Мне и без того тошно.

Я встал и ушел, забрав с собой цветы, а Дэйв остался сидеть на пороге, прислонившись к стене и закрыв глаза.

Такси я нашел на Стрэнде и велел шоферу везти меня в Хэммерсмит. Сердце мое билось в такт словам: «Поздно, поздно!» всю дорогу я сидел, подавшись вперед, стебли цветов ломались у меня в руке. Только доехав до места, я заметил, что весь искололся о розы. Я стер кровь рукавом рубашки, еще не просохшим с вечера. Отпустив такси у Хэммерсмитской ратуши, я спустился к реке. По пути я несколько раз приваливался к стенам домов, от боли в сердце трудно было дышать. Вот и театр. Но возле него творилось что-то странное. Дверь была распахнута настежь. Я ускорил шаг. Перед калиткой выстроились в ряд три грузовика. Я влетел в холл, и башмаки мои застучали по голому полу. Взбежал по лестнице, едва касаясь ступенек, и бросился в комнату Анны.

В комнате не было ничего. Я даже не сразу узнал ее. Многоцветный хаос исчез, не осталось ни одной блески, ни единого шелкового лоскутка. Окна были распахнуты на реку. Только в дальнем углу стоял складной стол, заваленный бумагами. Я застыл в горестном изумлении. Потом вышел на площадку. Было ясно, что катастрофа коснулась всего здания. Оно гудело, скрипело, в нем гуляло эхо. Из каких-то комнат доносились голоса и стук тяжелых шагов по голым доскам. Хлопали двери. Через все окна вливался веселый гул летнего утра. Кто-то наложил на дом грубую руку, подверг его насилию. Вдруг я вспомнил про дверь в зрительный зал. Я подергал ее, но она по-прежнему была заперта. Какую бы тайну ни хранило сердце этого непонятного дома, здесь она еще какое-то время будет в безопасности.

По лестнице поднималась, насвистывая, девушка с веселым лицом, в синих джинсах. При виде меня она сказала:

– Вы насчет розничных цен?

Я уставился на нее как идиот, и она поспешно добавила:

– Простите, я думала, вы из Пэддингтонской группы.

– Я искал одну из служащих театра.

– А они, кажется, все уехали, – сказала девушка и прошла в комнату Анны.

Я еще стоял, вцепившись одной рукой в перила, а другой прижимая к себе охапку цветов, когда двое мужчин в вельветовых штанах пронесли мимо меня большой деревянный щит. На щите были выведены буквы «ННСП».

Я очутился на улице. К дому за это время подъехали еще два грузовика. Я пошел по тротуару. Когда я поравнялся с последним грузовиком, что-то в его кузове привлекло мое внимание. Я остановился, подошел ближе. И тут меня охватило странное волнение. В грузовике были вещи из комнаты Анны. В этом огромном ящике, который придерживал только задний борт, были свалены как попало все сокровища, которые я так хорошо помнил. Я быстро оглянулся. Никто не видит. В следующее мгновение я уже перелез через борт и, поскользнувшись, в дожде осыпающихся лепестков, упал вместе со своими цветами в податливую мешанину из игрушек и тканей. Я огляделся. Здесь были все мои старые знакомые: лошадь-качалка, чучело змеи, маски, железный гром. Я глядел на них с глубокой грустью. В резком свете солнца это была всего лишь беспорядочная груда грязных, поломанных вещей. Таинственный порядок, объединявший их и так мягко и естественно исходивший от присутствия Анны, отлетел прочь. Теперь они лежали неловко, где рядом, где одно на другом, и колдовство исчезло.

Я все смотрел на них, и вдруг ощутил сильный толчок – грузовик тронулся. Меня швырнуло вперед, я ушиб щеку обо что-то твердое, а сверху меня засыпало целым ворохом всякого хлама. Несколько минут я лежал неподвижно, вдавившись лицом в одну из нагло ухмыляющихся масок, а в спину мне упирался конец жестяной дудки. Потом я медленно выбрался на свет божий. Грузовик шел по Кинг-стрит. Я подумал: а что, если я в нем останусь и он привезет меня к Анне? Но тут же проникся уверенностью, что нет, не привезет. Вещи выглядели покинутыми, и гораздо вероятнее было, что их везут на склад какого-нибудь аукционного зала. Я стал медленно и печально перебирать их, узнавая и приветствуя одну за другой; а цветы я оборвал и посыпал кучу обломков лепестками пионов и роз с таким чувством, будто хороню какое-то диковинное начинание.

Пригнувшись, чтобы выпростать ногу из стеклянного ожерелья, я заметил что-то белое на шее лошади-качалки, которая лежала на боку, заваленная другим скарбом. К ее уздечке был прикреплен конверт. С испугом и тревогой я пригляделся: на конверте стояло «Дж.». Я отколол его и, сам не свой от волнения, поспешно развернул лежавший в нем листок бумаги. Я прочел: «Жаль, что я не могла больше ждать. Ко мне обратились с одним предложением, и хотя оно мне не по душе, но чувствую, что принять его нужно. Анна». Ошеломленный, я смотрел на листок, и тяжелый камень горя ворочался у меня на сердце. Что это значит? Ах, почему я не приехал раньше? Что это за предложение? Может быть, Хьюго... Я рывком выпростал ногу, стеклянные бусины взлетели фонтаном, запрыгали и наконец успокоились в щелях и ямках раскачивающейся груды вещей. Под звук рвущегося шелка я поднялся на колени и пополз к заднему борту. Мы как раз проезжали мимо Альберт-Холла.

В последний раз я обвел взглядом имущество Анны. Из-под полосатой шали выглядывала золоченая корона, которой я венчал ее на царство в ее безмолвных, размалеванных владениях. Я просунул в корону руку, подтянул ее повыше и приготовился прыгать. Перед светофором на Найтсбридж грузовик замедлил ход. Поднимаясь с колен, я увидел гром – он держался еле-еле, вонзившись одним углом в кучу тряпья. Я дотянулся до него и потряс что было силы. А потом соскочил на землю. Грузовик, набирая скорость, свернул на Бромптон-роуд, а злоеющий звук все еще разносился по перекрестку, и прохожие останавливались, осматривались,

прислушивались. Унося этот грохот в ушах, я вошел в Гайд-парк, растянулся на траве и почти в ту же минуту заснул.

Глава 10

Мне казалось, что я проспал много дней, но было всего половина двенадцатого. Я не сразу вспомнил, почему мне так скверно, и несколько минут смотрел на золоченую корону, которую и во сне не выпускал из рук, стараясь понять, что это такое и откуда она взялась. Когда печальные события этого утра прояснились, я стал думать, как же быть дальше. Первым делом нужно дотащить до аптеки и принять что-нибудь от головной боли. Что я и сделал. Потом утолил терзавшую меня жажду у уличной колонки. Утолять жажду – одно из самых острых наслаждений; просто безобразно, что никто до сих пор не придумал, как его продлевать. Затем я сел на скамью у ворот Гайд-парка и, потирая виски, попробовал выработать какой-то план.

Мне было ясно, что с прежней жизнью покончено навсегда. Я умею понимать намеки судьбы. Какова будет новая жизнь, которой суждено возникнуть на обломках старой, – этого мне не угадать. А между тем нужно хотя бы попытаться разрешить кое-какие проблемы, иначе они не дадут мне покоя. Возникла мысль – немедленно мчаться на Холборнский виадук. Но я одернул себя: прежде чем говорить с Хьюго, нужно немножко очухаться, я пока еще был не в себе. Да и вряд ли Хьюго днем сидит дома. По первой из этих причин не стоило разыскивать его и на студии. Лучше я проведу день спокойно, после обеда, может быть, сосну, а потом уже снова пушусь по следам Хьюго. Гораздо охотнее я бы занялся поисками Анны. Но теперь я понятия не имел, где ее искать. И хотелось поскорее заглушить ужасное подозрение, что там, где я найду Хьюго, окажется и Анна. Думать об этом было невыносимо, и я не стал об этом думать.

Я стал перебирать в уме события последних дней и вдруг с досадой сообразил, что, второпях покидая квартиру Сэди, забыл взять с собой экземпляр «Молчальника», который решил конфисковать для собственных нужд. Чем больше я об этом думал, тем больше досадовал. Смогу ли я когда-нибудь снова беседовать с Хьюго – это покажет будущее; но мне представлялось, что так или иначе пришло время свежим взглядом взглянуть на эту книгу и решить, есть ли в ней что-нибудь, что стоило бы сохранить для потомства. Нельзя же в самом деле так швыряться своим прошлым. Человек, написавший этот любопытный диалог, еще живет во мне и, как знать, возможно, напишет и еще что-нибудь. Да, «Молчальник» – вот одно из неоконченных дел.

Где бы мне добыть эту книгу? В библиотеках и книжных магазинах ее не найдешь. Проще всего пойти к Сэди и взять ее там. Видеть Сэди мне не хотелось, но едва ли она сейчас дома. Проникнуть в квартиру я могу по способу Финна. Этот план очень мне понравился. Я займусь чем-то нужным и увлекательным и перестану терзаться мыслями об Анне и Хьюго. Утвердившись в своем решении, я поехал 73-м автобусом на Оксфорд-стрит, сдал корону Анны в камеру хранения на Оксфорд-Сэркус, выпил изрядное количество черного кофе и купил у Вулворта пачку шпилек.

Я принадлежу к тому разряду людей, которые лучше пройдут двадцать минут пешком, чем станут ждать пять минут на автобусной остановке, чтобы потом пять минут ехать автобусом. Когда я не нахожу себе места от тревоги, бездействие и ожидание – сушая пытка. Но стоит мне взяться за что-нибудь конкретное, пусть даже и безнадежное, как я снова доволен и на все остальное закрываю глаза. Теперь, шагая по Уэлбек-стрит, я чувствовал, что делаю полезное дело, и, хотя у меня болела не только голова, но и сердце, я вполне владел собой. Я свернул в проулок между домами, с легкостью отыскал пожарную лестницу Сэди и стал подниматься, нашаривая в кармане шпильку. Я твердо надеялся, что все обойдется без затруднений.

Однако, приближаясь к цели, я услышал голоса, несомненно доносившиеся из кухни Сэди. Неприятный сюрприз. Я приостановился. Потом подумал, что, может, это уборщица заболталась с какой-нибудь знакомой и я уговорю их впустить меня. Поднявшись еще на две-

три ступеньки, я как будто узнал голос Сэди и хотел уйти, и вдруг кто-то произнес имя Хьюго. Интуиция подсказала, что речь идет обо мне. Я решил, что не мешает послушать дальше. Еще несколько ступенек – и я оказался в двух шагах от площадки Сэди, а голова моя прилась чуть пониже матового стекла двери. Послышался смех, мужской и женский. Потом голос Сэди сказал: «Те, кто плюет на документы, – воск в руках тех, кто на них не плюет». Опять смех... звон как от кусочков льда в стаканах. Мужской голос что-то ответил. Слов я не разобрал, потому что слишком разволновался, узнав этот голос. Говорил Сэмми.

Я сел на ступеньку и сдвинул брови. Значит, Сэди и Сэмми – друзья? Почему-то я сразу увидел в этом подвох, и мне стало больно за Мэдж. Впрочем, сейчас, да еще с такой тяжелой головой, нечего было и пытаться додумать все до конца. Можно было только собрать побольше впечатлений, а подумать успею и позже. Но оказалось, что, сидя, я не слышу слов, а стоять утомительно, особенно если стоять придется долго. Я переполз через последние ступеньки, отделявшие меня от площадки, и уселся, скрестив ноги, спиной к двери. Здесь я был всего в нескольких футах от говоривших, и в то же время они не могли меня увидеть, если только им не вздумается отворить дверь; я, понятно, надеялся, что этого не случится.

Сэди сказала:

– Нужно его поймать, как только он приедет в Лондон. Он из тех, кому подавай *fait accompli*¹⁰. Важно не упустить инициативу.

Сэмми:

– Думаешь, клюнет?

Сэди:

– Либо клюнет, либо нет. Если нет, хуже не будет, а если да...

– Если да, – сказал Сэмми, – тогда держись!

Они опять рассмеялись. Возможно, они были навеселе. И, уж конечно, были одни.

– А ты уверена, что Белфаундер не станет скандалить? – спросил Сэмми.

– Говорю же тебе, это джентльменское соглашение.

– А ты не джентльмен! – сказал Сэмми и долго потом хохотал.

Я уже убедился, что правильно поступил, решив подслушать. Сэди и Сэмми явно что-то замыслили. Но что? И кого нужно поймать в Лондоне? Вполне естественно, что Сэди хочет околпачить Хьюго – потому, без сомнения, что ревнует его к Анне. «Послушаем дальше», – подумал я и продолжал сидеть неподвижно, широко раскрыв глаза. Но тут дело приняло не совсем приятный оборот. Задняя стена дома смотрела на заднюю стену другого дома, выходящего на параллельную улицу. В том доме, прямо напротив меня, тоже была пожарная лестница, от которой меня отделяло всего каких-нибудь пятнадцать футов. Заслушавшись, я устремил взгляд прямо в одно из окон этого дома. Вернее, лицо мое было повернуто в ту сторону, но я был так поглощен другим, что ничего не замечал, пока не обнаружил, что из комнаты напротив за мной внимательно наблюдают две женщины. Одна из них была в красном переднике, другая, мощного сложения, – в шляпе. Я быстро отвел глаза и тут же вновь переключил внимание на разговор, который шел у меня за спиной, потому что услышал свою фамилию.

Фразы я не разобрал. Следующую реплику подал Сэмми:

– Для сценария там есть все, что нужно.

– Молодчина Мэдж! – сказала Сэди. – Сумела угадать победителя.

– Зря она на него не поставила! – сказал Сэмми. Снова смех.

– Ты уверена, что он не может опротестовать? – спросил Сэмми.

– А чем он докажет? Документа у него наверняка нет, если и был, так он его потерял.

– И все-таки он может не разрешить нам его использовать.

¹⁰ Свершившийся факт; здесь: что-нибудь готовое (*фр.*).

– Как ты не понимаешь, – сказала Сэди. – Это же не важно. Он нам нужен только для того, чтобы заставить Г.К. подписать контракт.

Все это было захватывающе интересно, но о чем речь, я, хоть убей, не мог понять.

И тут меня снова отвлекли. Женщины в доме напротив растворили окно и смотрели на меня с явным подозрением. Очень трудно не встретиться глазами с человеком, находящимся в пятнадцати футах от тебя и старающимся поймать твой взгляд, когда поблизости нет ничего такого, на что можно бы смотреть, не вызывая удивления. Я вежливо улыбнулся.

Они посоветовались между собой. Потом та, что была в шляпе, крикнула:

– Вы хорошо себя чувствуете?

Я струхнул. Только железная дисциплина удержала меня от того, чтобы встать и обратиться в бегство. Ведь Сэмми и Сэди вполне могли ее услышать, думал я, а сам тем временем энергично кивал головой и радостно улыбался обоим дамам.

– Правда? – крикнула та, что в шляпе.

Я продолжал кивать что было сил, а к улыбке добавил жесты, выражающие отличное самочувствие, насколько они доступны человеку, который сидит, подпирая спиной дверь. Я пожал сам себе руку, поднял большой палец и заулыбался еще радужнее.

– Сдается мне, что он сбежал из желтого дома, – сказала вторая женщина. Они отошли от окна.

– Пойти сказать мужу, – донесся до меня голос одной из них.

Сэди и Сэмми все разговаривали. Уши мои, можно сказать, отскочили от головы и приклеились к двери.

– И чего ты нервничаешь? – говорила Сэди. Было совершенно ясно, кто играет первую скрипку в этом гнусном дуэте. – Предложи ему звезду, сценарий и контракты – и дело в шляпе. Юридически мы перед Белфаундером чисты, а если он вздумает жаловаться, так у меня сколько угодно контржалоб на его обращение со мной. А Донагью всегда можно купить.

Это меня так взбесило, что я чуть не ударил в дверь кулаком.

Но Сэмми быстро возразил:

– Ну, не знаю. Эти юнцы иногда до того шепетильны, что даже смешно.

«Спасибо, Сэмми!» – подумал я и, почувствовав, что сейчас расхохочусь, судорожно зажал рот ладонью.

Женщина в переднике опять появилась у окна, и в ту же минуту женщина в шляпе, очевидно проживавшая над нею, появилась у другого окна, повыше, в сопровождении мужчины.

– Вот он! – указала она на меня. Они вышли на свою лестницу.

– Наверное, он глухонемой, – сказала женщина в переднике.

– Вы что, слова сказать не можете? – крикнул мужчина.

Час от часу не легче! Я злобно воззрился на него, вложил палец в рот и замотал головой. Я вполне допускал, что точнее передал бы свою мысль кивками, но возможности для недоразумений были столь безграничны, что, так ли, этак ли, все уже не имело значения.

– Он голоден, – сказала женщина в переднике.

– Да сделай же что-нибудь! – накинулась на мужа женщина в шляпе. Я от души пожалел беднягу.

Он почесал в затылке.

– Оставьте вы его в покое. Он ничего плохого не делает.

Слова его были так разумны, что я не мог не помахать ему в знак благодарности и сочувствия. Должно быть, это произвело жуткое впечатление. Он отпрянул.

– Нельзя оставлять его там, – сказала женщина в переднике. Она тоже вышла на лестницу. – Он смотрит прямо к нам в комнату. Ну как дети увидят?

– Говорю вам, он откуда-то сбежал, – сказала верхняя соседка.

Тут отворилась третья дверь, пониже, из нее выглянула уборщица, и женщинам пришлось объяснять ей, что происходит. Я между тем обливался холодным потом от страха, что вся эта суета привлечет внимание Сэди и Сэмми, но либо они были слишком пьяны, либо слишком поглощены своим заговором – они пока ничего не заметили.

– Я бы его еще раз просмотрела перед встречей с Г.К., – говорила Сэди. – Где он, между прочим?

– У меня дома, – отвечал Сэмми.

– Давай сейчас же позвоним, пускай привезут.

– Там никого нет, разве что прибыла наша новая звезда. Но едва ли. – Он рассмеялся.

– Знаешь, по-моему, это была отнюдь не блестящая идея, – сказала Сэди. – Такие вещи нынче не в моде.

– Ревнуешь? – сказал Сэмми. – Ладно, зайду туда сегодня вечером и сам принесу. Идет?

– Идет, – сказала Сэди.

– Поздно вечером! – сказал Сэмми.

– Все равно идет! – сказала Сэди.

Смех и возня. Я пожелал им много радостей. Но самым большим моим желанием было понять, что они замышляют.

– Рассчитываться с Донагью предоставляю тебе, – сказал Сэмми.

– У нас неважные отношения, – сказала Сэди. – Я тебе говорила, что хотела посадить его сторожить квартиру, а он удрал?

– Пока Белфаундер лезет в бутылку, тебе нужна вооруженная охрана, – сказал Сэмми. – Зачем было нанимать такого остолопа, как Донагью? Это надо же было додуматься!

– Он милый, – сказала Сэди просто, чем глубоко меня тронула.

– Ну так и возись с ним.

– Да перестань ты трусить! – сказала Сэди. – Что один перевод, что другой, не все ли равно? Если он заартачится, завтра же можем купить другой перевод. Нам что нужно? Чтобы Г. К. увидел его по-английски. А француз – тот за доллары родную бабушку продаст.

У меня в глазах помутилось. Я уже нащупывал разгадку, но внезапно услышал ее от Сэмми.

– А название симпатичное, верно? «Деревянный соловей».

Я только рот разинул. Но на размышления мне не дали времени. Опять пришлось переключить внимание на соседний дом: события там развивались стремительно.

– Самое милое дело – позвать полицию, – сказала уборщица. – Полиция с такими лучше управляется, верное слово.

Дом напротив боком выходил на мощный булыжник переулок, который вел к Куин-Энн-стрит. Я увидел, что на углу этого переулочка собирается небольшая толпа, привлеченная дискуссией на пожарной лестнице.

– Смотрите, вниз смотрит! – сказала уборщица. – Все понимает.

– Пойди набери девять-девять-девять, – сказала мужу женщина в шляпе.

И тут уборщица, ненадолго исчезнув в доме, появилась, вооруженная длинной щеткой, какой обметают потолки.

– Вот я ткну его щеткой, посмотрим, что он будет делать, – сказала она. Поднявшись по лестнице, она нацелила щетку и больно ткнула меня в лодыжку.

Это было слишком. Но я слышал уже вполне достаточно. У меня были все данные, необходимые для решения задачи, а мысль, что Сэмми и Сэди в любой момент могут выйти на лестницу, вселяла в меня ужас.

Грациозно и неторопливо, под восхищенным взглядом множества глаз, я распрямил ноги и сполз на животе с первых трех-четырёх ступенек. Потом встал, растер затекшие колени и не спеша пошел вниз по лестнице.

- Говорила я вам, что он сумасшедший, – сказала женщина в переднике.
- Он уходит! Сделай же что-нибудь! – сказала женщина в шляпе.
- Да пусть себе уходит, несчастный, – сказал муж.
- Живо! – сказала уборщица. И все они поспешили по своей лестнице вниз, к ожидавшей там кучке зевак.

Добравшись до земли, я быстро оглянулся, чтобы удостовериться, не вышел ли кто из квартиры Сэди. Никого. Мои мучители сбились в кучу в узком проулке. Мы молча поглядывали друг на друга.

- Тихонько к нему подбирайтесь, – сказала уборщица.
- Осторожней, он может наброситься, – сказал кто-то.

Они стояли в нерешительности. Я оглянулся. Путь на Уэлбек-стрит был свободен. С пронзительным шипеньем я сделал выпад в их сторону, и они в панике разбежались – кто назад, на лестницу, кто в проулок. Тогда я круто повернул к Уэлбек-стрит и пустился наутек.

Глава 11

Я завернул в первое попавшееся тихое местечко – это оказался музей Уоллеса, – чтобы без помехи сложить воедино разрозненные куски головоломки. Усевшись напротив развязно ухмыляющегося «Кавалера» Франса Хальса, я принялся за дело. Мозг мой все еще работал вяло. Мой перевод «Деревянного соловья» Бретеяля, который я оставил у Мэдж, похищен Сэмми. Нет, не так, Мэдж подарила его Сэмми. Зачем? Чтобы из него сделали фильм. Кто будет делать фильм? Какой-то Г.К., который не знает французского. Вероятно, американец. Что выгадает на этом Сэди? Сэмми продает идею этому янки и заодно продает ему Сэди. А «Баунти – Белфаундер»? Сэди их безбожно надувает. Могут они удержать ее? Видимо, нет, юридически она с ними не связана. А я? Соглашусь я или нет – им что, им лишь бы продать идею этому Г.К. Может быть, Жан-Пьер защитит мои интересы? Нет, куда там. Он потянется за долларами, прямо через мою голову. Да и есть ли у меня какие-нибудь права? Ни малейших. Так на что же я жалуюсь? Украли мою рукопись. Украли? Мэдж показала ее Сэмми, а Сэмми покажет этому Г.К. Украли? А о чем думает Мэдж? Сэмми обманул ее и бросил ради Сэди. Сэмми использует Мэдж, а Сэди использует Сэмми, чтобы отомстить Хьюго и одновременно заработать кучу долларов. Картина стала проясняться. И что хуже всего, ведь из «Деревянного соловья» и в самом деле получится первоклассный фильм. В нем действительно есть для этого все, что нужно. В те далекие дни, когда Мэдж воображала, что сумеет уговорить меня наживать деньги, она столько раз твердила мне об этом. Бедная Мэдж! Да, она сумела угадать победителя, но выигрыш загребут Сэди и Сэмми.

– Этого я не допущу! – воскликнул я и направился к выходу.

– Очень занимательная история, – сказал Кавалер. – Приветствую ваше решение.

Какое же я принял решение? Единственно возможное – немедля попытаться добыть свою рукопись. Сделав это, я отстою собственные интересы и интересы Хьюго, а главное – подложу свинью Сэди и Сэмми. Кроме того, я выступаю в защиту Мэдж. Где рукопись? На квартире у Сэмми. Где квартира Сэмми? Тот же источник всяческой информации, к которому я уже прибегал, сообщил мне, что Сэмми живет в Челси. Времени терять нельзя, это ясно. Рукописью нужно завладеть до того, как ее увидит Г.К. Судя по тому, что говорила Сэди, они ее еще не перепечатали. Из слов Сэмми можно заключить, что раньше вечера он у себя на квартире не будет. Он сказал, что, по всей вероятности, там никого нет. Я набрал номер квартиры – никто не ответил. Тогда я решил, что мне срочно нужен Финн.

Я позвонил к Дэйву, и через некоторое время Финн отозвался несколько сдавленным голосом. Я выразил свою радость по поводу того, что он не утонул, и сказал, что мне нужно как можно скорее с ним встретиться. Поняв, с кем говорит, он долго ругал меня по-ирландски за то, что я его разбудил. Я его поздравил и спросил, когда он может выйти из дому. Поворчав сколько полагается, он наконец обещал быть на Кингс-роуд примерно через три четверти часа, и в назначенное время встреча состоялась. Было без двадцати три.

На всякий случай я попросил Финна захватить с собой некое приспособление, которое мы называли «чудо-ключ» – несложной конструкции отмычку, совместно спроектированную нами на научной основе. Вас может удивить, что мы с Финном, два ничем не выдающихся и законопослушных гражданина, сочли нужным обзавестись этим орудием. Но мы на опыте убедились, что в таком обществе, как наше, сплошь и рядом оказываешься перед необходимостью проникнуть через запертые двери, от которых не имеешь ключа, просто – как в данном случае – в порядке защиты своих интересов. Да и, наконец, случается иногда забыть дома даже собственный ключ, и нельзя же всякий раз вызывать пожарных.

Мы еще раз удостоверились по телефону, что квартира Сэмми пуста, а затем, уже по дороге, я кратко обрисовал Финну положение вещей. Он так заинтересовался, что забыл про

свое плохое настроение. Однако было ясно, что хмель с него еще не соскочил: он слегка косил, как всегда в таких случаях, и на ходу все время встряхивал головой. Я часто спрашивал Финна, почему он с похмелья трясет головой, и он объяснил, что этим отгоняет черные точки, которые мелькают у него перед глазами. Как ни странно, я могу безнаказанно выпить больше, чем Финн с его ирландским воспитанием; впрочем, на этот раз могло случиться и так, что если я, подобно Моржу, проглотил все, что мог, то Финн, подобно Плотнику, проглотил больше. Он наделен почти сверхъестественной способностью находить спиртное в любое время дня и ночи. Так или иначе, он был в неважной форме, в то время как я уже чувствовал себя превосходно, только немножко сосало под ложечкой.

Я не обольщался надеждой, что проникнуть к Сэмми будет легко. Человек его склада вполне мог поставить замок с секретом или, еще того чище, сигнал от воров. И жил он в одном из тех роскошных многоквартирных домов, где нашу работу мог прервать швейцар или еще какой-нибудь досужий бездельник. Дойдя до места, я велел Финну обойти здание с другой стороны – посмотреть, нет ли там подъезда для поставщиков, на случай если нам помешают, а сам вошел с парадного, зорко высматривая швейцаров. Мы встретились перед дверью Сэмми, на пятом этаже. Финн доложил, что в доме имеется вполне приличный, спокойный подъезд для поставщиков. Я же сообщил ему, что видел только одного швейцара – он сидел в стеклянной клетке у парадного входа и, судя по всему, не собирался оттуда выходить. Финн быстро извлек «чудо-ключ», а я стал на страже в конце коридора. Через две минуты дверь Сэмми бесшумно отворилась, и мы вошли.

Мы оказались в просторной прихожей. Сэмми занимал одну из больших угловых квартир. Попробовали одну дверь – она вела в кухню.

– Общем гостиную и его спальню, – сказал я.

– Спальня здесь. – И Финн стал выдвигать ящики. Он умеет брать вещи и класть их на прежнее место быстро и ловко, как рабочий на сдельщине; по его собственному выражению, никакой черт не разберет, что кто-то трогал его вещи, разве что подумает, будто их пошевелило летним ветерком. Оба мы, разумеется, были в перчатках. С минуту я смотрел, как он работает, а потом пошел в другую комнату, по моим расчетам – главную гостиную. И правда, за дверью оказалась большая угловая комната с окнами в двух стенах. Но то, что я в ней увидел, приковало меня к месту.

Я смотрел, смотрел, а потом кликнул Финна:

– Ну-ка, поди сюда!

Он подошел к двери и вскричал:

– Мать Пресвятая Богородица!

В самой середине комнаты стояла новенькая алюминиевая клетка фута в три высотой и площадью пять футов на пять. А в клетке, тихонько ворча и скосив на нас беспокойный блестящий глаз, лежала огромная черно-рыжая овчарка.

– Она может оттуда выйти? – спросил Финн.

Я приблизился к клетке – собака заворчала громче и в то же время с присущей собакам непоследовательностью энергично забила хвостом.

– Ты с ней поосторожней, еще набросится, – сказал Финн. Он вообще не любитель собак.

Я осмотрел клетку.

– Она не может выйти.

– Ну и слава богу. – Выяснив этот пункт, Финн, видимо, потерял всякий интерес к явлению в целом. – Ты только не дразни ее, а то поднимет вой, еще полиция явится.

Я пригляделся к собаке; у нее была добрая, умная морда, она как будто улыбалась, хотя и ворчала.

– Здорово! – сказал я и просунул руку между прутьями клетки. Собака затихла и быстро облизала мне руку. Я погладил ее по длинному носу.

– Нечего с ней любезничать, – сказал Финн. – Времени у нас в обрез.

Это я знал. Финн вернулся в спальню, я занялся гостиной. Мне очень хотелось найти свою рукопись. Я с восторгом представлял себе, как разъярится Сэмми, обнаружив ее исчезновение. Я перерыл письменный стол и секретер. Потом обыскал шкаф в прихожей. Заглядывал в чемоданы, в портфели, под диванные подушки и за книги, даже обшарил карманы всех пиджаков Сэмми. Мне попало много интересного, но рукописи не было. Ни следа. Финн тоже ее не нашел. Мы искали в остальных комнатах, но уже мало надеясь на успех – здесь, как видно, почти не жили.

– Вот черт, – сказал Финн. – Где бы еще поискать?

– У него наверняка есть потайной сейф. – На эту мысль меня навело то обстоятельство, что письменный стол не был заперт. Если я не ошибся в Сэмми, ему было что прятать.

– Допустим, – сказал Финн, – а что толку? Открыть-то мы его все равно не сможем.

Он, конечно, был прав. И все же мы еще раз обошли всю квартиру, выстукивая половицы, заглядывая за картины, удостоверюсь, что не пропустили ни одного ящика или шкафчика.

– Пошли, – сказал Финн. – Хватит. – Мы пробыли здесь уже больше сорока минут. Я стоял в гостиной и ругался.

– Где-то она должна же быть.

– Правильно, – сказал Финн. – И где есть, там и останется. – Он указал на свои часы.

Все это время собака следила за нами, постукивая о прутья мохнатым хвостом.

– Эх ты, сторож называется! – сказал ей Финн.

Клетка была достаточно высока, чтобы собака могла в ней стоять, но наострить уши ей мешал потолок, сделанный, как и пол, из сплошного алюминия.

– Бедняга! – сказал я. – А в общем, Финн, все это очень странно. В жизни не видел, чтобы собак сажали в клетки, а ты?

– Наверно, она какая-нибудь особенная, – сказал Финн. Я свистнул. Мне сразу вспомнились слова Сэмми насчет новой звезды; и в ту же секунду я узнал собаку.

– Ты смотрел «Мечь красного Годфри»? – спросил я Финна. – Или «Потоп и пятеро»?

– Ты что, с ума сошел?

– Или «Ферму мечтателя», или «Розыски в росе»?

– Да что с тобой? – сказал Финн.

– Это же Мистер Марс! – воскликнул я, указывая на собаку. – Это Отважный Мистер Марс, собака-звезда. Неужели не узнаешь? Сэмми, наверно, купил его для нового фильма! – Это открытие так увлекло меня, что я совсем забыл про рукопись. Что может быть интереснее, чем встретить звезду не на экране, а в жизни, а я ведь уже много лет был поклонником Марса.

– Да ну тебя, совсем спятил, – сказал Финн. – Все овчарки одинаковые. Пойдем, пока сам не вернулся.

– Но это же правда Марс! – воскликнул я. – Ты Мистер Марс, да? – спросил я собаку. Она запрыгала и еще пуще завиляла хвостом. – Вот видишь? – сказал я Финну.

– Подумаешь! – фыркнул Финн. – Ты Рин-Тин-Тин, да? – спросил он собаку, и та в ответ забила хвостом еще быстрее.

– А это, по-твоему, что? – спросил я.

По верху клетки шла малозаметная надпись: «Отважный Мистер Марс», а с другой стороны – «Собственность К° «Фантазия-фильм».

– Вот это уже устарело, – сказал я.

– Ладно, не спорю, – сказал Финн. – Я пошел. – И он двинулся к двери.

– Ой, подожди! – крикнул я с такой горячностью, что он остановился.

Меня осенила потрясающая идея. Пока она медленно оформлялась, я сжал руками виски и не отрывал глаз от Мистера Марса, а он раза два ободряюще твякнул, точно зная, о чем я думаю.

– Финн, – сказал я, – у меня потрясающая идея.

– Что еще? – недоверчиво спросил Финн.

– Мы похитим собаку.

Финн широко раскрыл глаза:

– Какого дьявола?

– Как ты не понимаешь? – закричал я и пустился плясать по комнате, только сейчас оценив всю дерзость и простоту собственного плана. – Мы возьмем Марса как заложника и потом обменяем на рукопись!

Во взгляде Финна озадаченность сменилась долготерпением. Он прислонился к косяку двери.

– Не пойдут они на это, – заговорил он медленно, как говорят с ребенком или с сумасшедшим. – Да и нам ни к чему. Только наживем неприятностей. И времени нет.

– Я не уйду отсюда с пустыми руками! – заявил я.

Элемент времени, конечно, заслуживал внимания. Но меня так и подмывало ввязаться в эту историю. Почему бы не рискнуть? Позиция Сэмми в отношении моей рукописи по меньшей мере сомнительна, значит, в драку он не полезет. Если б удалось, уведя Марса, поставить его в затруднительное положение или даже убедить, что Марсу грозит опасность, он, возможно, пошел бы на переговоры. В общем, никакого четкого плана у меня не было. Обычно я принимаю решения быстро, интуитивно. Я знал одно: представляется возможность поторговаться, и дурак я буду, если не воспользуюсь ею. Даже если все сведется к тому, что я доставлю Сэмми несколько неприятных минут, и то есть смысл попробовать. Объясняя все это Финну, я уже осматривал клетку – искал, где она открывается. Финн, видя, что меня не отговоришь, пожал плечами и тоже стал осматривать клетку, а Марс, поворачиваясь внутри клетки следом за нами, наблюдал нашу деятельность с явным одобрением.

Загадочная клетка! У нее не было дверцы, не видно было ни замка, ни засова, ни винтика. Прутья плотно входили в пол и в потолок.

– Может быть, одна сторона съемная, – сказал я. Но даже следа каких-либо затворов мы не обнаружили. Вся клетка была гладкая, как обкатанный морем камешек.

– Запаяна наглухо, – сказал Финн.

– Не может быть. Не могли же они так втащить ее на пятый этаж!

– Значит, тут есть какой-нибудь секрет. – Это замечание мало помогло делу. – Будь у нас молоток, да если б знать, где ударить... – продолжал Финн. Но молотка не было. Я постучал по клетке ногой, тоже без всякого толку.

– А если сломать прутья?

– Они крепкие, как лоб самого дьявола, – сказал Финн.

Я пошел в кухню поискать подходящий инструмент, но там не оказалось даже плоскогубцев, не то что лома. Мы попробовали просунуть кочергу, она погнулась, а прутья не подались ни на миллиметр. Я был вне себя. Послать бы Финна за напильником, да время было позднее. Финн посматривал на часы. Я знал, что ему не терпится уйти, но знал и то, что, раз уж мы занялись этим делом, он не бросит меня, пока он мне нужен. Сидя на корточках возле клетки, он, так же как и Марс, смотрел на меня снизу вверх, и во взгляде его светилась доброта, которую он бережет для трудных минут.

– Всякий раз, как я слышу на лестнице шум, у меня делается сердечный приступ, – сказал Финн.

То же мог сказать о себе и я. И все же я не намерен был уйти без Марса. Я снял перчатки: события вступали в новую фазу.

– Тогда возьмем всю клетку, – сказал я.

– Она не пройдет в дверь. И потом, нас тогда уж наверняка задержат.

– Попробуем. Если не пройдет в дверь, обещаю поставить на этом крест.

– Ничего другого тебе и не останется, – сказал Финн.

Я не сомневался, что клетка пройдет в дверь. Но для этого ее придется поставить набок. А на алюминиевом полу стояла миска с водой.

– Вот тебе и доказательство, – сказал Финн. – Конечно же, ее собирали здесь. Нам ее не вытащить.

Я взял вазу для цветов и, держа ее у самых прутьев, перелил в нее воду из миски. Потом мы стали очень осторожно переваливать клетку набок. Марс, внимательно следивший за нами, заволновался.

– Берегись, – сказал Финн, – как бы он не откусил тебе руку. – Мы все поднимали один край клетки, пока она не легла набок, а Марс в это время скользил вниз, пока не встал на прутья, которые теперь оказались на полу. Он нервно залаял.

– Тихо! – сказал я ему. – Вспомни, в какую переделку ты попал в «Мести красного Годфри», и то все кончилось хорошо!

– Когда мы поднимем клетку, – сказал Финн, – лапы у него попадут между прутьями, он может сломать ногу.

Это была разумная мысль. Мы задумались. Позднее время нас уже не смущало. Теперь мы готовы были, если понадобится, пробыть здесь еще хоть два часа.

– Надо натянуть что-нибудь на прутья. – Я схватил скатерть, запихал ее в клетку и попробовал расправить под ногами у Марса. Но он тут же начал теревить ее и свалил в комок.

– Надо как-то закрепить... – сказал Финн.

– Веревкой.

– Веревка соскользнет. Нужно что-нибудь длинное, чтобы связать концы с той стороны. Он исчез и через минуту возвратился с простыней. Мы приложили ее к клетке.

– Не сойдется, – сказал Финн.

Я попробовал привязать углы простыни к прутьям, но простыня была туго накрахмалена, и узлы не затягивались. Мы в отчаянии оглядели комнату.

– А если занавеской? – предложил я.

– Стремянку надо, так не снимешь.

– Некогда. – И я с силой рванул занавеску книзу.

Кронштейны выскочили из стены, и занавески, гремя кольцами, свалились прямо на нас. Мы сняли одну из них с карниза. Она была длиннющая. Мы растянули ее внутри клетки, заставив Марса перебраться на нее. Концов вполне хватало, чтобы связать их под прутьями. Но как их туда просунуть?

– Домкрат нужен, – сказал Финн.

Я взял два стула и поставил их по обе стороны клетки.

– Поднимай, – сказал я.

Но едва клетка отделилась от пола, как лапы Марса проскочили между прутьями, и занавеска скомкалась и повисла. Марс громко залаял. Мы опустили клетку.

Я посмотрел на Финна. Он обливался потом. Финн посмотрел на меня.

– Знаешь, что мне пришло в голову? – сказал он спокойно.

– Что?

– Даже если мы каким-нибудь чудом свяжем занавеску, узел стянет ее в один жгут, так что ему все равно не на чем будет стоять. Ясно?

Все было ясно. Мы задумчиво прислонились каждый к своему концу клетки.

– Может, все-таки лучше веревкой? – начал Финн. – Если взять две веревки, продеть в кольцо тут и тут, а потом прорезать две дырки...

– К черту! – крикнул я. – Ничего мы больше не будем пробовать. – И я стал вытаскивать занавеску из-под Марса. Он, не мешкая, ухватил ее конец зубами и не желал выпускать. – Отними у него занавеску, – приказал я Финну.

– Сам отнимай. А я буду тянуть.

Я не без труда разжал Марсу челюсти, и мы вытащили то, что осталось от занавески. И тут я сел на пол и, прислонясь головой к прутьям, истерически расхохотался.

– Мне тоже что-то пришло в голову, – сказал я Финну.

– Что?

– Может быть, она все-таки не пролезет в дверь!

От смеха я еле смог это выговорить. Финн тоже расхохотался, и мы оба легли на пол и хохотали до полного изнеможения.

Потом мы стали искать, где Сэмми держит виски, и, найдя, опрокинули по стаканчику. Финн, судя по всему, был готов продолжать, но я увел его обратно к клетке.

– Давай! – бодро сказал я. – А с лапами своими пусть делает что хочет.

С двух концов мы подняли клетку за прутья. Марс стал было скользить и съезжать вбок, но вскоре выяснилось, что, заботясь о его благополучии, мы недооценили его сообразительность. Поняв, что ему не на чем стоять, кроме как на прутьях, он незамедлительно поджал ноги и разлегся на стенке клетки, не вполне, видимо, довольный своей подстилкой, но невозмутимо спокойный. При виде этого нас опять разобрал такой смех, что пришлось опустить клетку на пол.

– Ради бога! – простонал я наконец, и мы двинулись к двери.

Клетка сама по себе была очень легкая, почти весь вес приходился на Марса. Нести ее было совсем не трудно. Вдруг я затаил дыхание: клетка зацепилась за косяк.

– Полегче! – предостерег я Финна. Он шел задом, и я увидел, что глаза у него стали круглые, как блюдца. Мы молча повертели ее так и сяк. И вот уже Финн, пятясь, выбрался в прихожую, и клетка прошла в дверь, как поршень в цилиндр. Ни полдюйма лишних.

– Ура! – крикнул Финн.

– Погоди, там еще одна дверь.

Мы открыли дверь в коридор. Клетка проскользнула в нее, точно смазанная вазелином. Мы поставили ее на пол и обменялись рукопожатием. Я вернулся в квартиру и бросил прощальный взгляд на гостиную Сэмми; она напоминала поле сражения, но тут уж я ничего не мог поделать.

Я совсем было собрался захлопнуть дверь в квартиру, но Финн меня остановил.

– Слушай, даже если мы выберемся из дома, как ее увезти? Нами полиция заинтересуется.

– Возьмем такси.

– В обыкновенное такси она не влезет. Придется искать с откидным верхом.

– Ну все равно, возьмем грузовое.

– А пока куда мы ее денем?

Я перевел дух.

– В общем, ты прав. Ступай на улицу и приведи растреклятое такси с откидным верхом, или грузовик, или черта в ступе, только не позже чем через десять минут. Если не выйдет, возвращайся, вынесем ее на улицу, и будь что будет. Я подожду здесь.

– А может, лучше там? – сказал Финн.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Потом подняли клетку и внесли в квартиру Сэмми.

– Я буду ждать в коридоре, – сказал я. – Если появится Сэмми, то я просто уйду. Если ты вернешься и меня нет, будешь знать, что все пропало.

Мы опять обменялись рукопожатием, и Финн ушел. Я стоял в коридоре, кусая ногти и прислушиваясь к каждому шороху. Мысль, что Марс и сейчас еще может ускользнуть у меня между пальцев, приводила меня в неистовство. Я пошел поглядеть на него, поговорил с ним через решетку. Потом нашел у Сэмми на кухне пару свиных котлет и преподнес их Марсу. А потом снова занял свой пост в коридоре.

Минут через пять на лестнице раздались шаги, я приготовился к бегству, но это оказался Финн. Вид у него был поразительно хладнокровный.

– Нашел такси с верхом, – сказал он.

Мы подняли клетку и снова вынесли ее в коридор. Я затворил за собою дверь, и мы направились к лестнице.

– Выйдем с черного хода, – сказал я, – чтобы не мимо швейцара.

– А такси у парадного.

– Ну, значит, пронесем ее кругом снаружи.

Тут Марс выронил котлету, я наступил на нее, и мы чуть не загремели по лестнице. Но мне уже было все равно. Добравшись до нижнего этажа, мы круто свернули к заднему подъезду. Он оказался заперт. Только мы это обнаружили, как чей-то голос за нами крикнул: «Эй!» – и мы подскочили, точно от выстрела. Это был швейцар – толстый, неповоротливый мужчина с упрямым выражением лица.

– Здесь ходу нет, – сказал он.

– Почему? – спросил я.

– Потому что в четыре тридцать закрываем.

– Ну что ж, тогда выйдем там. – В ту минуту я готов был вынести Марса на улицу даже через его труп. – Подымай! – сказал я Финну. Мы подняли клетку.

– Стой! – сказал швейцар и загородил нам дорогу. Рот у него был набит жевательной резинкой.

– Мы спешим, – сказал я ему. – Вперед марш! – Оттолкнув швейцара, мы двинулись к главному подъезду. Через стеклянную дверь мне уже видно было такси и шофера, и казалось – я вижу землю обетованную.

Швейцар обогнал нас и взялся за ручку двери:

– Стой, я кому говорю?

– Я вам сказал, что мы спешим.

– А я должен узнать, что вы делаете и кто вас уполномочил.

– Мы увозим отсюда это животное, – сказал я. – А уполномочил нас мистер Старфилд. Возражения имеются?

Швейцар пожевал свою жвачку и наконец заговорил:

– Возражения? Какие там возражения! Я сам сколько раз говорил мистеру Старфилду – не полагается в этом доме собак держать. А он говорит, это, мол, не простая собака, а ученая. Ученая? – говорю, ну так пусть свою ученость где-нибудь еще показывает, а то, говорю, напущу на вас правление. Я, говорю, сказал вам, что это не полагается. Да если б только захотел, я мог бы вас, говорю, отсюда выселить. И денег мне не предлагайте, ни к чему это. Мне не интересно из-за вас место терять. Я свои обязанности должен выполнять или нет? Я, говорю, не о себе стараюсь. По мне, говорю, хоть собаку держите, хоть женщин приводите. Но раз, говорю, такое правило...

Во время этой тирады мы вынесли Марса на улицу. Шофер, уже опустивший верх такси, помог нам погрузить клетку. Она заняла всю машину – нижнее ее ребро не доставало до полу, другое торчало над спущенным верхом. Бедный Марс снова очутился на своем алюминиевом полу, но, так как пол был наклонен под углом в 45 градусов, несчастный пес съехал на прутья вместе с миской, которая отчаянно гремела, пока мы устанавливали клетку. По счастью, он не переставал со вкусом жевать вторую котлету, и это не давало ему лаять.

– Бедняга! – сказал шофер, воспринявший все происходящее весьма философски. – Ему же неудобно. Давайте-ка попробуем так... – И он опять потянулся к клетке.

– Оставьте! – крикнул я. – Так очень хорошо.

– А для вас-то места и не осталось.

– Места сколько угодно. – Я дал швейцару полкроны. Финн сел рядом с шофером, а я залез на клетку и примостился в щели между ней и спинкой переднего сиденья.

– Так не годится, – сказал шофер. – Вы бы лучше...

– Да поезжайте же ради всего святого! – заорал я. Не хватало еще, чтобы у него забарахлил мотор. Но мотор не подвел. Швейцар помахал нам вслед, и мы покатали на Кингс-роуд.

Финн обернулся, и, глядя друг на друга, мы беззвучно рассмеялись долгим смехом, удовлетворенным и торжествующим.

– Куда ехать-то? – спросил шофер, тормозя на углу Кингс-роуд. – Вы ведь не сказали.

– Держите к Фулхему, потом уточним. – Мне вовсе не улыбалось встретиться с машиной Сэмми, когда он будет возвращаться от Сэди. Мы, очевидно, очень бросались в глаза, на нас все оборачивались. – Слушай, – сказал я Финну, – первым делом надо купить напильник и выпустить пса из клетки.

– Магазины закрыты, – сказал Финн.

– Ничего, откроют. Остановитесь у скобяной лавки, – попросил я шофера.

Тот и бровью не повел. Шофера лондонского такси ничем не удивишь. Он остановился перед скобяной лавкой на Фулхем-Палас-роуд, и мы, немного постучав и немного повздорив, приобрели напильник.

– А теперь, – сказал я, – отвезите нас в какое-нибудь тихое местечко, чтобы можно было спокойно поработать.

Шофер хорошо знал Лондон. Он въехал на заброшенный лесной склад у Хэммерсмитского моста и помог нам сгрузить клетку. Я бы с удовольствием отпустил его, но не был уверен, хватит ли у нас денег ему заплатить. У Финна, как всегда, было при себе три шиллинга и не то восемь, не то десять пенсов. За кого нас принимал шофер – одному богу известно. Но что бы он ни думал, вслух не высказал ничего. Может, он считал, что чем подозрительнее мы себя ведем, тем больше он получит на чай.

Мы стали, чередуясь, работать напильником, но, как ни старались, прошло добрых полчаса, прежде чем Мистер Марс очутился на воле. Прутья не желали сгибаться, даже когда один конец уже был подпилен, так что пришлось перепиливать их в двух местах. Пока мы работали, Марс лизал нам руки и нетерпеливо повизгивал. Он прекрасно понимал, к чему идет дело. Наконец мы вытащили три прута, и не успел третий отвалиться, как Марс уже стал протискиваться в дыру. Я принял огромного, гладкого пса в свои объятия, и через минуту мы все уже носились по складу и под громкий лай и крики восторга праздновали его освобождение.

– Смотри, чтоб не убежал, – сказал Финн.

Мне не верилось, что Марс способен на такую неблагодарность – неужели он нас покинет после всего, что мы для него сделали? – но все же я крикнул: «Сюда!» – и почувствовал облегчение, когда он послушался.

Потом мы стали обсуждать, что делать с клеткой. Финн предложил бросить ее в реку, но я был против. Человек, бросающий что-то в воду, – самое ненавистное зрелище для лондонской полиции. В конце концов мы решили – пусть лежит, где лежит. Ведь мы не так уж заботились о том, чтобы замести следы, да и вряд ли это было возможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.